

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00274836 6

…ательный … учащихъ.	Сколько лѣтъ въ учительскомъ званіи.	Сколько лѣтъ на службѣ у города.	Сколько лѣтъ въ данномъ училищѣ.	Семейное положеніе учащихъ.
	—	—	съ 1898 г.	
	—	—	съ 1898 г.	
…лъ курсъ въ … духовной се… …872 г.	съ 18…			
…ла курсъ въ …ургской гим… …9 г.	съ 1…			дѣвица
…ла курсъ въ …мназіи 1892 г.	съ … се…			…дѣвица.
…ла курсъ въ …мназіи 1895 г.	съ …			…дѣвица.

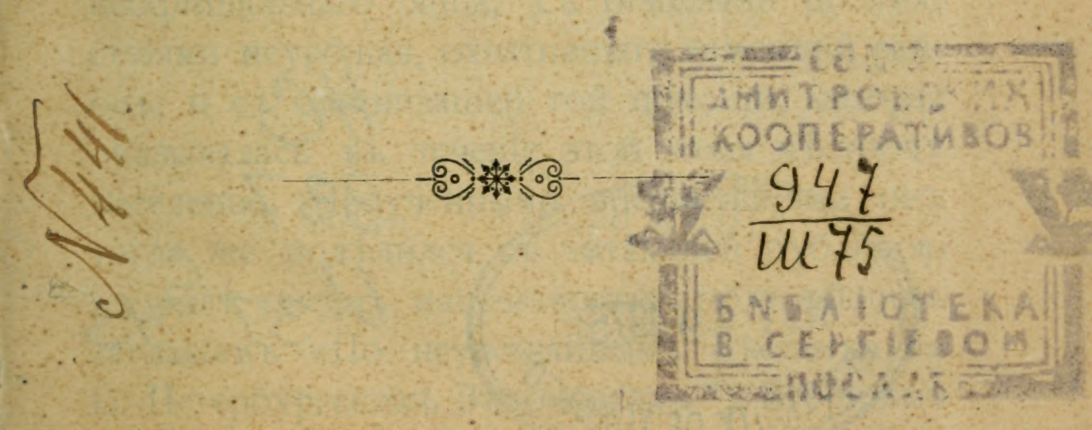
Г. Гешелев 19/I 06

ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ

(1898—1899)

Письма въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“.

Е. Шмурло.

МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Дозволено цензурою. Юрьевъ, 30 ноября 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ настоящей книги предпринялъ въ январѣ прошлаго года поѣздку по Белебеевскому и Мензелинскому уѣздамъ, Уфимской губерніи, съ цѣлью ознакомиться, путемъ личнаго наблюденія и, конечно, поскольку это было доступно въ его положеніи частнаго, неофиціальнаго лица, съ тяжелыми послѣдствіями неурожая, охватившаго тамошній районъ, и съ организаціей той помощи, которая оказывалась въ теченіе этой зимы мѣстному населенію. Полученными впечатлѣніями онъ тогда же подѣлился съ читающей публикою въ рядѣ писемъ, напечатанныхъ подъ общимъ заглавіемъ «По неурожайнымъ мѣстамъ» въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ *). Вторичная

*) №№ 34, 50, 51, 54, 56, 65, 69, 77, 78, 90, 93.

поѣздка въ іюнѣ мѣсяцѣ, на этотъ разъ кромѣ Уфимской также и въ Казанскую губернію, дала матеріалъ для новыхъ сообщеній «На исходѣ голоднаго года» въ той же газетѣ *).

Нынѣ обѣ серіи писемъ, соединенныя въ одно цѣлое, печатаются отдѣльнымъ изданіемъ. Въ чемъ право вторичнаго появленія ихъ въ свѣтъ? Голодный годъ, слава Богу, уже миновалъ; страшное бѣдствіе разразилось и пронеслось; впереди надвигается иная забота: возстановлять нарушенное равновѣсіе, поднимать обезсилѣвшее населеніе, поправлять разстроенныя хозяйства, — однимъ словомъ, прошлое отошло уже въ область исторіи... Къ тому же, авторъ вездѣ являлся въ роли лишь простого наблюдателя, описывая только то, что непосредственно видѣлъ и слышалъ; его цѣлью было подѣлиться своими *впечатлѣніями*, и онъ не задавался какими-либо *выводами*, тѣмъ болѣе не ставилъ себѣ задачею что-либо «раскрыть», «доказать», въ чемъ-либо «убѣдить».

---

*) №№ 188, 195, 202, 208, 245, 247.

Тѣмъ не менѣе, оглянуться на недавнее прошлое, можетъ-быть, будетъ не безполезно: истекшая година должна многому научить насъ и не-только тому, что слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать, но также и тому, чего дѣлать не слѣдуетъ. Послѣдняя голодовка вторично (если имѣть въ виду аналогичныя явленія въ памятный 1891—92 годъ) и едва ли еще не съ большею убѣдительностью подчеркнула невозможность справляться съ народными бѣдствіями, въ родѣ только что пережитаго, тѣми мѣрами и способами, какіе положены были въ основу благотворительной помощи. Истекшій годъ съ убѣдительной ясностью на каждомъ шагу подчеркивалъ ту мысль, что только при дружной совмѣстной работѣ правительственныхъ и общественныхъ элементовъ возможенъ успѣхъ въ достиженіи той цѣли, какая преслѣдовалась нынче въ пострадавшихъ губерніяхъ, что только тамъ, гдѣ существовало взаимное довѣріе этихъ элементовъ, гдѣ формы и способы въ оказаніи помощи получали наиболѣе свободное выраженіе,—только тамъ успѣшнѣе всего и дѣйствовала эта помощь.

Такой «выводъ» — если уже непремѣнно говорить о выводахъ—напрашивается у автора самъ собою, какъ результатъ вынесенныхъ впечатлѣній, и если настоящая книга лишній разъ подтвердитъ справедливость такого «вывода», тѣмъ самымъ будетъ найдено оправданіе и ея теперешнему появленію въ свѣтъ.

Е. Ш.

Январь, 1900.

ЧАСТЬ I.

ПО НЕУРОЖАЙНЫМЪ МѢСТАМЪ.

I.

Вступленіе.

„Острая нужда“ или „Зазыванье печальниковъ“?—Два противоположныхъ теченія въ обществѣ и въ печати.—По дорогѣ въ Уфу.

Еще недѣлю назадъ я мирно сидѣлъ за своими книгами, далекій отъ мысли о какой-либо поѣздкѣ, а сегодня я уже въ вагонѣ; и мимо меня мелькаютъ придорожныя будки, занесенныя снѣгомъ поляны, оголенныя деревья, печально оплакивающія свое зеленое убранство; а дальше, въ сторонѣ отъ дороги, темныя полоски деревень, сливающіяся съ молочнымъ горизонтомъ... Всего еще нѣсколько дней назадъ я думалъ, что мнѣ удастся, не выходя изъ кабинета, разобраться въ тѣхъ тяжелыхъ противорѣчіяхъ, которыми полны наши газеты относительно современнаго положенія Поволжскихъ губерній; а теперь, потерявъ на это надежду, я счелъ за лучшее самому поѣхать на мѣсто и, хотя бы на небольшомъ районѣ, попытаться опредѣлить положеніе вещей...

Въ самомъ дѣлѣ, что тамъ такое творится?.. Дѣйствительно ли эти мѣстности посѣтила острая нужда, грозящая перейти въ голодъ, или же,—какъ утверждаютъ нѣкоторые органы печати,—нѣтъ ничего похожаго на „народное бѣдствіе“, а всего лишь

простой „недородъ“, хотя „иногда“ и вызывающій „тягостныя ощущенія для отдѣльныхъ лицъ“, но въ общемъ отнюдь не настолько, чтобы очень тревожиться?.. Съ одной стороны намъ говорятъ, что министерство финансовъ уже ассигновало десятки милліоновъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, и поэтому „трудно допустить“, чтобы то, что иные расположены называть шокирующимъ ухо именемъ „голодовки“, „могло принять сколько-нибудь внушительные размѣры“; а въ то же время лица съ официальнымъ положеніемъ, уполномоченные Краснаго Креста, печатно заявляютъ, что „помощь крайне нужна“, что имъ зачастую приходится видѣть дѣтей „почти голыхъ, безъ всякой одежды“, что „отовсюду слышатся стонъ и мольбы объ одномъ только кускѣ хлѣба“... Одни вамъ говорятъ, что все необходимое уже сдѣлано правительствомъ и открыто сомнѣваются, предстоитъ ли даже надобность въ частныхъ пожертвованіяхъ; другіе же—организаторы частной благотворительности — неустанно взываютъ о помощи: „помогите, помогите скорѣе; нужда растетъ и, кормя тысячи, мы все-таки вынуждены оставлять безъ поддержки другія тысячи народа“...

Боже мой, гдѣ же, наконецъ, правда?.. Вашу руку, готовую протянуть посильную помощь, останавливаютъ указаніемъ на то, что все это лишь одно „зазываніе нѣкоторыхъ нашихъ „печальниковъ“, заботящихся не столько о спасеніи погибающихъ, сколько о прославленіи себя и нѣкоторой части нашей печати, слишкомъ (будто бы) падкой на обобщенія и всегда готовой сдѣлать народное бѣдствіе изъ тѣхъ лишеній, которыя временно претерпѣваютъ отдѣльныя семьи или лица“. Неужели и это—правда?.. Но вѣдь подобное обвиненіе настолько тяжело, что хочется думать, не есть ли оно ско-

рѣе—безсознательное желаніе замолчать горькую и непріятную истину?..

Однако, такъ ли это или не такъ, но на однихъ разсужденіяхъ все равно успокоиться трудно. Кому злая судьба послала мучительную возможность видѣть ужасы голодной зимы 1891—1892 г., того мало убѣдятъ такія „успокоительныя“ рѣчи, и тревожное чувство, вмѣсто того чтобы ослабнуть, лишь растетъ, неудержимой волною поднимается къ верху.

Какъ запутались мы въ этихъ противорѣчіяхъ, недомолвкахъ! Мы точно боимся взглянуть въ глаза истинѣ, боимся произнести то слово, которое вертится на языкѣ и, будучи не высказано, тѣмъ болѣе поэтому мучитъ и давитъ. Мы точно рады возможности заставить молчать свое сердце и торопимся утвердиться на мысли, что бѣдствіе раздуто, что на самомъ дѣлѣ ничего такого ужаснаго нѣтъ. И общество,—по крайней мѣрѣ масса,—дѣйствительно, молчитъ и бездѣйствуетъ. По правдѣ говоря, такъ легко и пріятно увѣрить себя въ томъ, что „все обстоитъ благополучно“!..

О, какъ мало похожи мы на самихъ себя сравнительно съ тѣмъ, какими были мы семь лѣтъ назадъ! Сколько одушевленія проявилось въ ту пору, сколько бодрой энергіи, горячаго порыва и самоотверженности! Пожертвованія стекались отовсюду; съ нервнымъ возбужденіемъ слѣдили мы за ростомъ страшнаго врага; каждый посильно принималъ въ борьбѣ съ нимъ горячее участіе... А нынче! Неужели съ тѣхъ поръ притупилось наше чувство? Неужели мы стали безучастны лишь потому, что тогда бѣда охватила чуть не половину Россіи, а нынче *всего* 8—9 губерній?.. Но развѣ тѣ, кто страдаетъ теперь, развѣ имъ легче отъ этого? Или, можетъ быть, *повторяемость* явленія дѣлаетъ насъ

болѣе глухими къ чужому горю? Или насъ хватаетъ на одинъ только минутный порывъ?..

И тутъ же другой голосъ одновременно шепчетъ: а что если опасенія преувеличены? Что, если „народное бѣдствіе“ есть, дѣйствительно, одно только воображеніе, и принятыхъ мѣръ вполнѣ достаточно, чтобы предотвратить грозную опасность голода и заболѣваній?.. О, дай-то Богъ! Какъ хотѣлось бы въ этомъ убѣдиться, потому что вѣдь иначе гнетъ сомнѣнія будетъ давить васъ по прежнему... Но какъ убѣдиться, не трогаясь съ мѣста? Нѣтъ, надо ѣхать, категорически отказавшись отъ безплодныхъ попытокъ разобраться въ сложномъ вопросѣ съ помощью однихъ лишь газетныхъ извѣстій!

И вотъ я ѣду. Но обыкновенно то, что волнуетъ, неудержимо просится вылиться наружу... невольно возникаетъ потребность дѣлиться своими впечатлѣніями. Къ счастью, я имѣю къ тому возможность...

Двухъ дней было довольно, чтобы собраться въ далекій путь. Поѣздъ летитъ, и вотъ сытый Петербургъ уже позади, тотъ Петербургъ, гдѣ, по ядовитому выраженію г. Шарапова, „подъ свинцовымъ небомъ, при электрическомъ свѣтѣ, блистаютъ канканъ и оперетка, а сквозь шелестъ шелковыхъ юбокъ разныхъ Иветтъ Гильберъ и Отеро доносятся тихіе стоны голодающихъ изъ градовъ и весей земли русской“,—Петербургъ, въ которомъ, однако, если быть справедливымъ, нѣтъ недостатка и въ такихъ сердцахъ, что умѣютъ горячо биться и не остаются равнодушными къ общественному бѣдствію.

Оставлена позади и Москва. Она, несомнѣнно, еще богаче отзывчивыми сердцами. Короткая, между поѣздами, остановка въ Первопрестольной облегчила мнѣ возможность ѣхать дальше съ радостнымъ убѣжденіемъ, что тамъ, за Волгой, въ

этихъ несчастныхъ глухихъ деревняхъ, я окажусь не простымъ только наблюдателемъ ихъ нужды, но и въ силахъ буду оказать имъ хотя бы нѣкоторую помощь...

За Москвою пошли мѣста съ „пестрымъ“ урожаемъ — Тульская губернія. Ахъ, этотъ *пестрый* урожай! Сколько надѣлалъ онъ бѣды! Онъ поссорилъ губернскую администрацію съ земской и создалъ разладъ въ то время, когда слѣдовало ожидать какъ разъ обратнаго: дружнаго и совмѣстнаго дѣйствія рука объ руку.

Впрочемъ все это я говорю мимоходомъ. Мимоходомъ же моя рѣчь и о Самарѣ, такъ какъ прямой путь мой лежитъ теперь на Уфу. Въ Самарѣ же мнѣ хотѣлось бы пока лишній разъ напомнить о существованіи, достаточно, впрочемъ, извѣстнаго благотворительнаго частнаго кружка, задавшагося благою мыслью кормить дѣтей изъ числа пострадавшихъ отъ неурожая. За нынѣшній годъ это — едва ли не единственный примѣръ частной иниціативы, сумѣвшей такъ широко организовать дѣло помощи и привлечь къ содѣйствію разнообразные слои русскаго общества.

II.

Уфа.

Первыя впечатлѣнія.—Рабочее бюро и его дѣятельность.

„Въ Уфимской губерніи большой неурожай хлѣбовъ и сильная нужда“, читали и слышали вы за все это время. Но этого никакъ не скажешь, если судить по обстановкѣ самой Уфы. Нашъ поѣздъ нѣсколько запоздалъ, придя уже въ сумерки, и я, едва переодѣвшись, чтобы видѣть тѣхъ, кого мнѣ было надо, въ тотъ же вечеръ попалъ на благо-

творительный концертъ въ пользу недостаточныхъ уфимцевъ. Изъ тѣснаго вагоннаго купэ я сразу очутился въ обширной, ярко освѣщенной залѣ Дворянскаго собранія, среди весело разряженной толпы,— въ обстановкѣ кіосковъ, гдѣ продавали крюшоны, и длинныхъ столовъ, заставленныхъ печеньями, фруктами и бутоньерками съ цвѣтами... О „голодѣ" не было и помину; мнѣ даже пришлось услышать замѣчаніе: „а, это вы ѣдете смотрѣть, какъ сытыхъ кормятъ?"... На другой и на третій день, проѣзжая по городу, я и на улицахъ не замѣтилъ никакого „голоднаго" отпечатка, потому что кучка людей, пришедшихъ изъ неурожайныхъ уѣздовъ и толпившихся на крыльцѣ губернскаго присутствія,— въ надеждѣ быть отправленными на заработки,— еще ничего сама по себѣ не говорила.

Признаюсь, въ первую минуту я былъ нѣсколько озадаченъ, и радостное чувство надежды закралось въ мою душу: значитъ, все это, дѣйствительно, были крики „печальниковъ", неосторожныя преувеличенія?.. Но я скоро понялъ, что радоваться еще нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. Съ другой стороны, я тоже скоро понялъ, что если даже и признать истину за пессимистическимъ голосомъ, то было бы несправедливо предъявлять къ уфимцамъ требованія какой-то особой и большей чувствительности. Въ самомъ дѣлѣ, если москвичъ или петербуржецъ въ правѣ веселиться, то почему уфимецъ непремѣнно обязанъ скорбѣть и волноваться? Я не принялъ въ разсчетъ и психологической стороны дѣла: если отъ Уфы нужда и ближе, то вѣдь все же она еще довольно далеко отсюда и не стучится прямо въ дверь?

Я не былъ правъ въ своемъ первомъ впечатлѣніи и потому еще, что если масса и далека отъ мысли о томъ, что дѣлается тамъ, за полторы,

за двѣ сотни верстъ, то изъ ея среды нетрудно выдѣлить отдѣльныя единицы, относящіяся отнюдь не безучастно къ народному бѣдствію и посильно участвующія въ борьбѣ съ тяжелымъ недугомъ, Къ сожалѣнію, мнѣ лишь не удалось выяснить насколько и такимъ единицамъ отчетливо представляется самая степень настоящей нужды,—такъ сказать, реальная, чисто житейская сторона дѣла: цифровые подсчеты, размѣры ссуды могутъ быть очень точны, правильно сгруппированы,—организація помощи умѣло разработана; но все это еще не даетъ ясной *картины*, живого образа. Можетъ быть—и это всего вѣроятнѣе—такая картина есть у многихъ; но я, по крайней мѣрѣ, не могъ убѣдиться въ этомъ...

Непосредственное проявленіе борьбы съ постигшимъ край бѣдствіемъ въ Уфѣ еще болѣе всего можно замѣтить на дѣятельности такъ называемаго здѣсь *рабочаго бюро*. Мѣстная администрація, въ лицѣ губернатора г. Богдановича, очень энергично взялась за его устройство, идя на встрѣчу тому безспорному положенію, что помощь въ формѣ оплаты за трудъ гораздо желательнѣе и благотворнѣе дѣйствуетъ на населеніе, чѣмъ даровая раздача денегъ и хлѣба. Еще въ началѣ іюля, на экстренномъ собраніи губернскаго земства, г. Богдановичъ проводилъ ту мысль, что исходною точкой въ принятіи мѣръ должно служить начало труда. „Продовольственная помощь,—заявлялъ онъ,—должна быть даваема лишь, какъ плата за трудъ, и потому всякій, способный къ работѣ, долженъ получить ее не даромъ, а въ видѣ заработка. *Въ случаѣ отказа отъ предложенной работы, онъ не можетъ разсчитывать на помощь*, и продовольственная ссуда безъ работы должна быть удѣломъ лишь дѣтей и взрослыхъ, къ работѣ неспособныхъ“. Выраженіемъ этой

мысли и явилось названное бюро, взявшее на себя заботу служить посредникомъ между рабочимъ и работодателемъ.

Но, говоря откровенно, едва ли это бюро оправдало возлагавшіяся на него надежды. Потому ли что ему не по силамъ оказалась самая задача? не такъ принялось оно за дѣло? или само это дѣло въ своей основѣ было недостаточно хорошо организовано?

Въ благихъ пожеланіяхъ сомнѣваться невозможно: труда и усилій приложено было не мало; но мнѣ кажется, мы слишкомъ примитивно посмотрѣли на самую задачу. Говорю: мы, потому что въ данномъ случаѣ уфимское бюро, несомнѣнно, явилось лишь отраженіемъ господствующихъ пріемовъ и взглядовъ, и я менѣе чѣмъ кто-либо считалъ бы возможнымъ пробѣлы его дѣятельности ставить на счетъ лично ему.

Съ перваго раза, кажется, чего бы проще: голоденъ ты, надо тебѣ хлѣба—иди ко мнѣ, я дамъ тебѣ работу, и ты будешь сытъ. Этотъ, дѣйствительно, *простой* шагъ и сдѣлало уфимское бюро. Но оно не совсѣмъ разсчитало послѣдствія. Во-первыхъ, спросъ работы въ первыя же недѣли превысилъ ея предложеніе. Въ благородной заботѣ посильно облегчить положеніе нуждающагося населенія, губернская администрація, повидимому, недостаточно опредѣленно намѣтила рамки содѣйствія уѣздной администраціи въ доставкѣ рабочихъ. На улицахъ Уфы показался полуголодный, оборванный людъ, безъ пріюта, въ томительномъ, но напрасномъ ожиданіи работы. О баракѣ для такихъ безпріютныхъ подумали уже послѣ того, какъ наглядные факты показали всю очевидную необходимость его устройства. Забота о доставленіи заработка въ иные дни превращалась уже въ заботу о томъ, какъ

бы доставить пришедшимъ возможность благополучнѣе вернуться обратно домой.

Оказывается, рабочій далеко не всегда былъ освѣдомленъ о цѣнахъ. Повидимому, не все ли равно, за какую цѣну ни работать, лишь бы не умереть съ голода; но вѣдь чѣмъ затруднительнѣе мое матеріальное положеніе въ данную минуту, тѣмъ больше усилій требуется мнѣ для удовлетворенія даже самыхъ скромныхъ потребностей своего обихода. Работодатель, хотя бы даже и не эксплуататоръ и не желавшій „пользоваться“ положеніемъ, во всякомъ случаѣ выходилъ изъ разсчета экономическаго, а не благотворительнаго. И вотъ придетъ, по указанію бюро, голодный мужиченко съ отощавшей лошадью на заводъ наниматься, положимъ, рубить дрова и вывозить ихъ изъ лѣса; цѣну даютъ ему, заранѣе оговариваюсь, „божескую“, безъ прижимки; начинаетъ онъ работать, но лошади не подъ силу та работа, съ которою она справлялась вполнѣ свободно въ прошломъ году, да и самъ мужикъ работаетъ далеко не такъ, какъ прежде. Въ результатѣ и выходитъ, что то, что можно было сдѣлать при нормальныхъ условіяхъ въ одинъ день, съ грѣхомъ пополамъ оканчивалось въ два дня. Между тѣмъ хозяинъ свою-то цѣну ставилъ, сообразуясь именно съ „нормальными“ условіями рынка. Поработаетъ, поработаетъ такой бѣдняга, да и броситъ свою рубку: платы не хватаетъ ему даже на прокормъ лошади: кормы дороги, да и лошадь-то ѣстъ нынче, при работѣ, вдвое больше прежняго.

Въ половинѣ декабря губернское присутствіе въ спеціальномъ циркулярѣ къ земскимъ начальникамъ ставило имъ на видъ, что многіе изъ нихъ „посылаютъ въ Уфу партіи рабочихъ, выдавая на дорогу пособія изъ суммъ, отпущенныхъ Краснымъ Крестомъ, при этомъ рабочіе часто отправляются

безъ теплаго платья и на изнуренныхъ, непригодныхъ къ работѣ лошадяхъ, почему, не доходя до мѣста, они лишены возможности работать, и является крайне нежелательное скопленіе безпомощныхъ людей, которыхъ приходится или возвращать на родину, или поддерживать благотворительностью, а на послѣднюю средствъ мало. Кромѣ того, многіе, являясь въ Уфу, заявляютъ, что о цѣнахъ на заработки они не знали, что ихъ „просила“ мѣстная администрація итти на работы и что работать они идутъ изъ „уваженія“ къ начальству“.

Чтобъ выйти изъ такого, дѣйствительно, ненормальнаго положенія вещей, губернское присутствіе считало необходимымъ, во-первыхъ, сообразоваться, при отправкѣ партій, съ пригодностью людей для предлагаемой работы и предварительно разъяснять имъ тѣ условія, какія они встрѣтятъ на новомъ мѣстѣ; а во-вторыхъ, задерживать и не отпускать на заработки, отдаленные на сто и болѣе верстъ, тѣхъ, у кого нѣтъ теплой одежды, или кто, идя на крупную работу, не въ состояніи привести съ собою здоровую, незаморенную лошадь.

По существу противъ такого распоряженія возразить нечего. Конечно, разъ губернская администрація сознавала себя безсильною помочь человѣку плохо одѣтому, пришедшему съ плохою, малопригодною къ работѣ лошадью, то гораздо лучше было не обольщать его напрасной надеждой и не заставлять понапрасну тратить свои силы, послѣднія копѣйки на безполезную ходьбу взадъ и впередъ. Но въ такомъ случаѣ для кого же существовало рабочее бюро? для тѣхъ, кто былъ одѣтъ? у кого были крѣпкія, сытыя лошади? то есть, для болѣе обезпеченной части населенія?..

Непосредственное приложеніе рабочей силы на мѣстѣ, въ предѣлахъ Уфимской губерніи, кромѣ

того, встрѣчало не малое затрудненіе въ отсутствіи сколько-нибудь значительнаго спроса на рабочихъ; поэтому приходилось направлять нуждающихся въ другія губерніи, что, конечно, значительно осложняло задачу, требуя времени, предварительныхъ справокъ, сношеній и т. п. Необходимость войти въ предварительныя сношенія въ другихъ губерніяхъ съ соотвѣтственными инстанціями и учрежденіями, взаимно держать себя въ курсѣ дѣла и условій рабочаго рынка прекрасно сознается лицами, завѣдующими уфимскимъ бюро; но для всего этого надо время, нужда же не терпитъ и надвигается впередъ гораздо быстрѣе.

Указанные пробѣлы въ организаціи уфимскаго бюро явились, надо надѣяться, слѣдствіемъ новизны дѣла, необходимости спѣшно оборудовать организацію помощи, наконецъ, какъ слѣдствіе той неподготовленности, съ какою всѣхъ насъ застало нынѣшнее бѣдствіе. Сама же идея его вполнѣ симпатична, тѣмъ болѣе, что для посильнаго ея осуществленія было приложено не мало доброй воли и стараній.

III.

Белебей.

На порогѣ нужды. — Башкирецъ; прежнія и нынѣшнія условія его жизни. — Неурожаи въ Белебеевскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ за послѣдніе годы.

Въ городѣ Белебеѣ, куда я направился изъ Уфы съ тѣмъ, чтобы отсюда собственно и начать свой объѣздъ, чувствовалась атмосфера уже нѣсколько иная, чѣмъ въ губернскомъ городѣ: нужда здѣсь, дѣйствительно, ближе и съ нею приходится соприкасаться

2*

на каждомъ шагу, если все еще не непосредственно, то путемъ, такъ сказать, промежуточныхъ формъ и побочныхъ явленій. Передняя и корридоръ земской управы полны народа, пріѣхавшаго кто получить продовольственный хлѣбъ, кто выправить накладныя, охлопотать пособіе, справиться о цѣнахъ. Въ Белебеѣ уже не ограничиваются составленіемъ разсчетовъ, преніями и затребованіями справокъ; но кромѣ того нагружаютъ еще возы, шьютъ теплое платье, закупаютъ сѣно и жалуются на его дороговизну.

Белебей—одинъ изъ трехъ пунктовъ на желѣзной дорогѣ, откуда развозится хлѣбъ по уѣзду, и цѣлыя вереницы подводъ, нагруженныхъ или пустыхъ, встрѣчныхъ и попутныхъ, ныряютъ въ ухабахъ и тянутся длинною вереницей, извиваясь темною змѣйкой на бѣлоснѣжной, всюду открытой для глаза равнинѣ. Исправника нѣтъ въ городѣ — онъ въ уѣздѣ; тамъ же и представитель Краснаго Креста: оба—въ разъѣздахъ; земскіе начальники пріѣзжали лишь на одинъ день по вызову губернатора, и теперь опять каждый или въ объѣздѣ своего участка, или за бумагами въ канцеляріи, гдѣ отчетность по продовольственному дѣлу и пособіямъ, идущимъ отъ Краснаго Креста, поглощаютъ у нихъ массу времени (кстати сказать, далеко не производительно). Вообще работа и „борьба" съ голодомъ въ Белебеѣ проявляется несомнѣнно въ болѣе осязательной формѣ, переставъ быть исключительно кабинетною и канцелярской.

Но и въ Белебеѣ нужда все еще не стучится прямо въ двери; настоящій отпоръ ей мы увидимъ уже внутри уѣзда, въ глухихъ и отдаленныхъ его углахъ. Недородъ охватилъ, главнымъ образомъ, сѣверную и сѣверо-восточную полосы уѣзда, населенныя наиболѣе густо. По тамошнимъ деревнямъ

ютится почти исключительно башкирское населенiе. Мусульмане (башкиры, мещеряки, татары, чуваши, черемисы, мордва) составляютъ почти четыре пятыхъ всего населенiя уѣзда. Русскiй элементъ сталъ усиливаться лишь съ 60-хъ годовъ, да и то преимущественно въ южной части уѣзда. Главное занятiе жителей—земледѣлiе, и крестьянство (элементъ мелкихъ земледѣльцевъ-пахарей), разумѣется, задавило все остальное: двѣ трети уѣзда состоятъ въ надѣльномъ владѣнiи; что до пашни, то подъ нею—почти половина уѣзда и въ томъ числѣ 92 процента въ крестьянскомъ землепользованiи. Тѣмъ, конечно, пагубнѣе долженъ былъ сказаться на населенiи нынѣшнiй неурожай.

При настоящихъ тяжелыхъ условiяхъ, 15-тидесятинный башкирскiй надѣлъ на душу, казалось бы, могъ до извѣстной степени служить противовѣсомъ и хотя сколько-нибудь парализовать послѣдствiя недорода,—но кто не знаетъ уфимскаго башкирца, это дитя природы, еще такъ недавно за фунтъ чая, только потому что онъ „фамильный", а не кирпичный, готоваго уступить ловкому предпринимателю обширныя угодья, — башкирца, который лѣниво сѣетъ десятину - другую и гораздо охотнѣе сдаетъ остальную часть своего надѣла въ аренду и рубитъ свой лѣсъ, продавая его за безцѣнокъ... Еще вчера онъ былъ кочевникъ и до сей поры остался въ душѣ номадомъ и звѣроловомъ. Его еще и теперь тянетъ на просторъ своихъ луговъ и полей; онъ еще не успѣлъ забыть свою *кашá*—кочевыя стоянки, и съ восхищеннымъ умиленiемъ еще доселѣ онъ указываетъ на нихъ, гдѣ его-ли отецъ или самъ онъ въ молодые годы проводили лучшiе дни своей жизни. Съ горечью въ сердцѣ понимаетъ онъ, что все это теперь—невозвратное для него прошлое; видя кругомъ себя одно оскудѣнiе, онъ переживаетъ иногда

минуты мучительнаго сознанія; онъ понимаетъ, что прошлаго не вернуть, и тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе онъ ничего не дѣлаетъ, чтобъ приспособиться къ новымъ условіямъ и обстоятельствамъ жизни...

Зато, быть можетъ, нѣкоторымъ восполненіемъ къ плохой и скудной пашнѣ для башкирца послужитъ его скотоводство? Дѣйствительно, кому, казалось бы и не быть скотоводомъ? А между тѣмъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ именно у башкиръ-то недостатокъ скота ощутительнѣе всего; при всей обширности площади ихъ залежныхъ земель, при всей обезпеченности хорошими кормами, скотоводство башкиръ удовлетворяетъ лишь самымъ необходимымъ потребностямъ семьи. У башкиръ-припущенниковъ (ихъ надѣлъ, впрочемъ, вдвое менѣе надѣла башкиръ-вотчинниковъ) на одну душу м. п. приходится скота всего $1^1/_3$ головы, а такъ какъ разведеніе овецъ играетъ въ ихъ хозяйствѣ сравнительно видную роль, то собственно рабочаго скота—лошадей и коровъ—приходится по одной головѣ на нѣсколько душъ (да и у вотчинниковъ немногимъ больше: 0,6 головы рабоч. скота на 1 душу м. п.). Этотъ башкирецъ, съ ничтожной запашкой, почти безъ домашней скотины, живетъ преимущественно на С. и СВ. Белебеевскаго уѣзда—именно тамъ-то и разыгрался неурожай, тамъ-то изо всего уѣзда главнымъ образомъ и гибли засѣянныя поля; тамъ-то засуха уничтожила травы и все живое населеніе этой полосы—человѣка и животное—поставило къ началу осени лицомъ къ лицу передъ тяжелымъ насущнымъ вопросомъ: *какъ быть?*

Белебеевцы и мензелинцы въ теченіе уже долгихъ лѣтъ живутъ подъ гнетомъ тяжелыхъ ударовъ, которыми даритъ ихъ природа. Белебеевскіе неурожаи начались и тянутся около 20 лѣтъ; особенно сильны были они въ 1887, 1888, 1890, 1891 и 1892 гг.

Народъ совершенно обнищалъ; въ промежуточные годы 1889 и 1893, хотя земля и хорошо родила, зато посѣвы сами по себѣ были ничтожны и хлѣба собрано мало, а урожаи 1894 — 1896 гг. населеніе было вынуждено распродать по самымъ низкимъ цѣнамъ вслѣдствіе отсутствія спроса за-границу. Что до Мензелинскаго уѣзда, то тамъ неурожай очень чувствительно сказался въ 1897 г. Если озимые посѣвы и дали избытокъ ржи, то онъ весь былъ поглощенъ недородомъ ярового овса; недородъ даже значительно пересилилъ избытокъ. Кромѣ того, немалая потеря была на картофелѣ (73,000 четвер.) и на сѣнѣ (44,000 стоговъ). Уже тогда, къ осени 1897 г., 251 селеніе Мензелинскаго уѣзда нуждалось въ ссудѣ, будучи не въ состояніи собственными силами обсѣменить поля и прокормиться предстоящую зиму.

Такимъ образомъ мы видимъ, что экономическій строй обоихъ уѣздовъ былъ подорванъ и расшатанъ уже въ эту пору,—еще за цѣлый годъ до той бѣды, которая охватила его теперь. Однако, впереди имъ предстоялъ новый, еще болѣе сильный ударъ.

Уже осенью 1897 г. возникли серіозныя опасенія за состояніе озимыхъ полей. Бездождіе и жара, порой переходившая въ лѣтній зной, сильные сухіе вѣтры казались грознымъ предзнаменованіемъ грядущей бѣды. Хотя подъ осень и полилъ дождь, но онъ быстро смѣнился снѣгомъ; наступили холода, и озими пошли подъ снѣгъ вялыми, пожелтѣвшими. Въ теченіе зимы морозъ стоялъ безъ снѣга; сильные вѣтры выдували послѣдній снѣжный покровъ съ полей; 24 января по всей юго-западной полосѣ Уфимской губерніи разразился дождь, окончательно обнаживщій озими на возвышенностяхъ; дождь смѣнился въ февралѣ морозами, болѣе жестокими, чѣмъ

когда-нибудь. Природа какъ бы съ злою ироніей потѣшалась надъ беззащитной пашней и длила эти морозы долѣе обыкновеннаго. Въ срединѣ апрѣля морозы также быстро смѣнились тепломъ; температура быстро поднялась, и къ концу мѣсяца установилась вполнѣ теплая, даже жаркая погода. Дождей почти не было, посѣвы ухудшились еще больше; во многихъ мѣстахъ съ ними ничего не оставалось дѣлать, какъ пересѣвать яровыми хлѣбами. Засуха продолжалась почти все лѣто и довершила свою страшную работу, приведя яровыя нивы въ большей части Белебеевскаго и Мензелинскаго уѣздовъ къ окончательной гибели. Въ началѣ іюля много полосъ сплошь заросли лебедой, а тутъ появилась кобылка и одна принесла вреда,—по вычисленію командированнаго министерствомъ земледѣлія энтомолога г. Торскаго, — не менѣе какъ на полтора милліона рублей. Наконецъ, даже дождь, если когда и перепадалъ, то очень часто съ градомъ. Добавьте къ этому, что неурожай былъ не только хлѣба, но и кормовыхъ травъ; въ Белебеевскомъ уѣздѣ еще съ начала осени 1897 г. стали усиленно продавать скотъ по самымъ низкимъ цѣнамъ, и не только излишекъ, но самый необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ; что осталось, гибло въ значительномъ количествѣ за зиму отъ безкормицы; весною 1898 г. трава показалась какъ нарочно поздно: до 1 мая въ поляхъ не было никакой растительности, такъ что много крестьянъ осталось безъ лошадей, изъ хозяевъ-земледѣльцевъ превратясь въ безхозяйныхъ бѣдняковъ.

Знаете ли, каковы оказались результаты этого поистинѣ непрерывающагося потока несчастій и бѣдствій?..

Белебеевскій уѣздъ насчитываетъ 716 селъ и деревень; къ осени 1898 г. изъ нихъ нуждалось 636

или 89 проц. общаго числа, всего 52,000 семействъ (въ круглыхъ цифрахъ). Средній урожай по уѣзду опредѣлится 9 пудами ярового и 10 пуд. озимаго на десятину, — и это, не надо забывать, по всему уѣзду, т.-е. считая и мѣстности, гдѣ урожай былъ удовлетворительный или, по крайней мѣрѣ, сносный! Другими словами, въ сѣверной, наиболѣе пострадавшей, части уѣзда и цифра 9—10 пуд. окажется выше дѣйствительной. При такомъ урожаѣ, конечно, нечего говорить не только о продовольственныхъ средствахъ, но и о сѣменныхъ: и въ тѣхъ и въ другихъ должна оказаться неизбѣжно недохватка... Это всего отчетливѣе выступитъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ. Въ 52,000 дворахъ насчитывалось 360,000 человѣкъ; общій сборъ хлѣба достигалъ у нихъ лишь до 162,000 пудовъ. Данныя физіологіи и статистики устанавливаютъ потребленіе въ Россіи однимъ человѣкомъ (безъ различія пола и возраста) 1,97 фун. растительныхъ продуктовъ въ сутки, или 18 пуд. въ годъ. Но эти цифры говорятъ лишь о томъ, что *считается* необходимымъ; на практикѣ же, какъ показываютъ непосредственныя наблюденія надъ пищей крестьянъ, это потребленіе хлѣба нѣсколько выше, именно около 21 пуда: Но, принимая даже и первую норму въ 18 пудовъ, окажется, что собраннаго хлѣба у нуждающагося населенія хватало только на 109 дней; въ теченіе же остальныхъ 256 дней, до будущаго сбора, приходилось питаться хлѣбомъ, добытымъ уже на сторонѣ.

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ еще хуже. Слѣдя по картограммѣ прошлогодняго урожая ржи въ Уфимской губерніи, на пространствѣ уѣзда Белебеевскаго еще есть возможность найти полосы болѣе или менѣе сносныя; не то въ Мензелинскомъ: тамъ сплошь все замазано густою красной краскою — признакъ

того, что урожай здѣсь былъ не выше двухъ пудовъ. Если же взять отдѣльныя мѣстности, то иногда весь сборъ десятины сводился къ 30 фунтамъ! Это уже болѣе чѣмъ ничего. Неудивительно, что изъ 62.500 дворовъ нуждающихся оказалось безъ малаго 60.000, т.-е. 90 проц. общаго числа. Для мензелинцевъ 109 белебеевскихъ хлѣбныхъ дней становились недосягаемымъ идеаломъ; и, дѣйствительно, по разсчету, своего хлѣба у нихъ хватало всего на 36 дней. Такимъ образомъ, задолго еще до зимы, въ сущности съ первыхъ чиселъ сентября, для нихъ выступалъ роковой вопросъ во всей своей наготѣ, со всѣми ужасными послѣдствіями. И въ такомъ положеніи очутились 342.000 человѣкъ!..

Это ли не бѣда? Это ли не поистинѣ тяжелое положеніе? Впрочемъ, это — только пока однѣ цифры. Посмотримъ теперь, какъ населеніе на самомъ дѣлѣ выноситъ свое горе и какую помощь встрѣчаетъ извнѣ...

IV.

Шланлыкуль.

Въ глубинѣ Белебеевскаго уѣзда. — Первыя столовыя. — А. Х. Фейзъ-Ханова и ея заботы о мѣстномъ населеніи. — Поѣздка въ Усь-Тюбу; обходъ отдѣльныхъ избъ. — Положеніе бѣдноты прежде и теперь.

Изъ Белебея я выѣхалъ ночью прямо на сѣверъ и къ утру былъ въ дер. Шланлыкуль, въ 60 верстахъ отъ города. Здѣсь уже настоящая Башкирія. Въ лицѣ мѣстнаго помѣщика Ш. Ш. Сыртланова, гласнаго и бывшаго члена губернской земской управы, хорошо знакомаго съ бытомъ и условіями жи-

зни своихъ односельчанъ и единовѣрцевъ, я встрѣчаю надежнаго спутника и руководителя.

— Нужда есть, да и какъ ей не быть, когда жатва не вернула затраченнаго даже на посѣвъ. Бѣдствіе усилилось особенно вслѣдствіе недорода травъ. Безкормица сильно отразилась на благосостояніи населенія и раззоряетъ его едва ли не болѣе, чѣмъ самый неурожай хлѣба. Продовольственнаго пайка не хватаетъ, сѣна нѣтъ, приходится браться за соломенныя крыши; перевозка хлѣба организована такъ, что совсѣмъ непосильна для населенія: она сдѣлана обязательною и хотя съ денежною поддержкой отъ правительства, но эта поддержка въ большинствѣ случаевъ не окупаетъ расходовъ, приходится еще приплачивать изъ собственнаго кармана...

Мы ѣдемъ осматривать школьную столовую и застаемъ толпу довольныхъ ребятишекъ, усѣвшихся по-татарски на полъ, двумя-тремя кружками. Внутри каждаго круга — уемистая чашка съ горячимъ мяснымъ варевомъ, въ рукахъ у каждаго по фунту хлѣба; дѣтскіе рты усердно работаютъ, а на лицѣ играетъ счастливая улыбка...

За всю свою поѣздку, пожалуй, я не видалъ такихъ довольныхъ личиковъ, такихъ здоровенькихъ, пухленькихъ щечекъ. Но зато почти во всю также дорогу (за исключеніемъ лишь еще пригорода Заинска, въ Мензелинскомъ уѣздѣ) я не видалъ столовыхъ, устроенныхъ не казенной, а частной рукою. Въ Шланлыкулѣ и сосѣднихъ деревняхъ Усь-Тюбѣ, Верхней и Нижней, столовыя обязаны энергіи и предпріимчивости родственницы г. Сыртланова, Амины Хусеиновны Фейзъ-Хановой. Красный Крестъ ассигновалъ ей ежемѣсячную субсидію въ 1,000 рублей, и надо видѣть, сколько благородной самоотверженности, неустанной заботы вкладываетъ

эта женщина въ свое дѣло. На средства того же Краснаго Креста г-жа Фейзъ-Ханова получила возможность организовать женскія работы для нуждающихся, и у нея отбоя нѣтъ отъ башкирокъ, желающихъ ткать пряжу, сучить нитки, ткать полотенца и скатерти. Какъ ни скромна заработанная плата, но охотницъ на нее много, потому что и тѣ 15 копѣекъ, которыя выручитъ работница въ теченіе недѣли, оказываютъ существенное подспорье въ ея теперешнемъ положеніи.

Воззваніе, напечатанное въ татарской газетѣ „Переводчикъ“ и перепечатанное въ другой газетѣ „Каспій“, увеличило средства г-жи Фейзъ-Хановой и частными пожертвованіями; особенно много высылали желѣзнодорожные буфеты, персоналъ которыхъ, какъ извѣстно, состоитъ мѣстами сплошь изъ татаръ: послѣдніе охотно отозвались на зовъ и спѣшили съ посильною помощью единовѣрцамъ.

Плодотворная дѣятельность шланлыкульской интеллигенціи невольно лишній разъ подтверждаетъ мысль о важномъ значеніи частной иниціативы и предпріимчивости въ борьбѣ съ народной нуждою. Иной разъ и деньги будутъ налицо, да не найдутъ онѣ себѣ соотвѣтствующаго примѣненія или окажутъ пользу далеко не въ той степени, какъ могли бы. Проявленія нужды въ каждой деревнѣ, чуть не въ каждомъ домѣ, подчасъ бываютъ настолько индивидуальны, что только мѣстному человѣку, хорошо знакомому съ положеніемъ населенія или вполнѣ независимому въ своихъ дѣйствіяхъ подъ силу разобраться въ наилучшихъ способахъ оказанія помощи. Взять хотя бы систему пользованія продовольственнымъ пайкомъ, выработанную и установленную министерствомъ: пайкомъ пользуются только малолѣтніе и старики, вообще немощные неспособные къ работѣ; собственно рабочее

населеніе, мужчины и женщины, исключено изъ числа имѣющихъ право на паекъ. Едва ли что можно въ принципѣ возражать противъ этого правила; но будучи обобщено, оно нерѣдко оказывалось несправедливымъ и тяжело отзывалось на населеніи. Особенно это можетъ быть приложено къ здѣшнему башкирскому краю, гдѣ женщина,—уже въ силу религіозныхъ соображеній и соціальнаго своего положенія,— „работницей“ можетъ быть почти исключительно внутри семьи или вообще въ очень тѣсномъ кругу. И вотъ мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ Уфимской губерніи женское населеніе до послѣдняго времени оставалось безъ пайка; въ другихъ же, наоборотъ, такой паекъ ему выдавался, хотя и несогласно съ дѣйствующими правилами. Въ Шланлыкулѣ нашли возможность и законъ не нарушать и хоть сколько-нибудь облегчить положеніе мѣстной женщины путемъ вышеназванныхъ работъ. Что же до самыхъ работъ, то не трудно видѣть, что организовать ихъ возможно было только при непосредственномъ наблюденіи за ними, при возможности ежечасно отрываться отъ своего дѣла, вести разсчетъ всѣмъ принесеннымъ пасмамъ, всѣмъ розданнымъ фунтамъ кудели и т. п. Какой же земскій начальникъ,—какой сельскій староста могъ бы взять на себя такое порученіе? Да, наконецъ, и не всякая учительница пошла бы на это.

Говоря о Шланлыкулѣ, мнѣ хотѣлось бы заодно отмѣтить и другую симпатичную попытку г-жи Фейзъ-Хановой, хотя она и не имѣетъ прямого отношенія къ интересующему насъ вопросу. Я говорю о русско-татарской женской школѣ, основанной здѣсь съ осени прошлаго года. Въ ней— уже 53 ученицы при двухъ учительницахъ, изъ которыхъ одна учитъ читать и писать по-русски, другая—татарскому языку и мусульманскому вѣро-

ученію. Если вспомнить, какъ недружелюбно вообще наше мусульманство къ самой идеѣ обученія женщины, то нельзя не признать, что цифра 53 въ короткій промежутокъ пяти мѣсяцевъ говоритъ о многомъ. Одними „голодными“ мотивами (при этой школѣ тоже существуетъ столовая) нельзя объяснить такого успѣха. Контингентъ учащіхся былъ значителенъ еще задолго до открытія столовой, да и самая мысль о школѣ стала пропагандироваться среди населенія не со вчерашняго дня. Своимъ успѣхомъ дѣло обязано тому вліянію, какимъ пользуются въ своемъ околоткѣ г. Сыртлановъ и г-жа Фейзъ-Ханова. Подобная школа чуть ли не единственная пока во всемъ Белебеевскомъ уѣздѣ; земство откликнулось и поддерживаетъ ее небольшою субсидіею. Говорятъ, существуетъ еще такая же школа въ Давлекановѣ, но безъ особаго успѣха: тамъ всего только трое учащихся.

Въ сосѣднюю Усь-Тюбу, за 3 версты отъ Шланлыкуля, я ѣду въ сообществѣ мѣстнаго учителя, любезно вызвавшагося показать мнѣ деревню. Мнѣ хотѣлось бы видѣть бѣдноту, чтобъ судить о степени ея нужды. Поиски не представляютъ никакихъ трудностей. Вонъ съ самаго края деревни одинокая изба, совсѣмъ въ полѣ; ее отовсюду занесло, и трудность лишь въ томъ, чтобы добраться до нея по глубокому снѣгу: давно уже ни лошадь, ни корова не проторяли себѣ здѣсь дороги. Изба — нѣчто въ родѣ жалкаго глинобитнаго куба, безъ крыши и даже безъ тѣхъ сѣней, которыя обыкновенно плетутся въ здѣшнемъ краѣ изъ прутьевъ и, будучи поставлены со стороны наружной двери, даютъ все же нѣкоторую защиту отъ холода, умѣряя его рѣзкость при входѣ и выходѣ изъ жилья. О „службахъ“ и помину нѣтъ; нѣтъ даже и двора, потому что плетень, огораживавшій его, давно уже снятъ

и пошелъ на топку. Вонъ только тамъ, въ сторонѣ, остались жалкіе его остатки, на три четверти занесенные снѣгомъ. Но хозяева, конечно, не будутъ игнорировать и ими: эти остатки все же обезпечатъ возможность имѣть огонь въ теченіе хотя бы нѣсколькихъ дней...

Внутри избы съ мокрыми стѣнами, при тускломъ освѣщеніи догорающаго дня, на тѣсномъ пространствѣ трехъ квадратныхъ аршинъ, мы застаемъ пять человѣкъ, постоянныхъ обитателей этого убогаго жилья; хлѣбъ у нихъ на исходѣ, въ столовую они не ходятъ, заработковъ нѣтъ, нечего и продавать... Хозяева разсказываютъ свою печальную повѣсть, смыслъ которой, впрочемъ, понятенъ и безъ словъ. Посреди бесѣды является еще новый членъ семьи, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; она ходила за водой и теперь спѣшитъ отогрѣть свое худенькое тѣльце. Ребенокъ дышетъ на похолодѣвшіе пальцы, а мокрый подолъ платья, мокрыя и грязныя обутки будутъ сушиться на ней. Сквозь разорванную рубашку выглядываетъ голый животъ: въ такомъ-то видѣ она ходила по-воду въ десятиградусный морозъ! Приходу дѣвочки всего болѣе обрадовалась, кажется, курица,—единственный оставшійся экземпляръ домашней птицы: она жадно клюетъ ея лапти, надѣясь хоть на нихъ отыскать себѣ то, чего долго и тщетно искала на полу избы.

А вотъ другая изба. Тамъ всего двое: слѣпая мать съ дѣвочкой тоже 11—12 лѣтъ. Рѣзкимъ контрастомъ выдѣляется боязливая, неувѣренная рѣчь матери и бойкіе, осмысленные отвѣты дочери: замѣняя слѣпую, дѣвочка рано научилась жить; она держитъ себя, какъ взрослая и вполнѣ сознательно относится къ окружающему. А окружающее, пожалуй, еще непригляднѣе, чѣмъ въ первой избѣ: тутъ и ведеръ даже нѣтъ, чтобъ принести воды, — при

чемъ вся тяжесть и заботы лежатъ на малолѣтнемъ неопытномъ существѣ...

Одинокимъ,—вообще семьямъ, гдѣ нѣтъ взрослаго мужчины,—приходится во всякомъ случаѣ тяжелѣе всего. Посмотрите, напримѣръ, какъ живетъ эта вдова съ двумя дѣтьми. Господи, да вѣдь это хуже всякаго хлѣва! У скотины, по крайней мѣрѣ, воздухъ есть, свѣтъ, а тутъ... Представьте себѣ тѣсную землянку, гдѣ и повернуться трудно; два мизерныхъ оконца въ четверть квадратныхъ аршина, затянутыхъ промерзлымъ пузыремъ, почти не пропускаютъ свѣта; надо не мало времени и усилій, чтобъ осмотрѣться въ окружающемъ полумракѣ. Но что всего ужаснѣе—это страшная сырость и течь. Вода сочится по стѣнамъ, капаетъ съ потолка, обливаетъ нары, лужицами стоитъ на полу. Тяжелый банный воздухъ охватываетъ васъ. Вдобавокъ потолокъ сгнилъ, балки перекосились, матица совсѣмъ надломилась: того и гляди, рушится, задавитъ. И въ такой конурѣ, — куда добрый хозяинъ и скотину не поставитъ, —живетъ мѣсяцы, можетъ-быть, даже годы человѣкъ, разумное, „свободное“ существо! Когда же подумаешь, что какой-то жалкій рубль—всего только рубль!—освободилъ несчастныхъ людей отъ необходимости жить въ этомъ болотѣ подъ деревяннымъ колпакомъ и далъ имъ возможность въ тотъ же вечеръ устроиться вплоть до лѣта на квартирѣ въ сносномъ помѣщеніи, — то васъ охватываетъ не столько чувство удовлетворенія и радости за несчастную семью, сколько чувство скорби и боли при видѣ той страшной силы, какою обладаетъ здѣсь этотъ самый рубль, и той зависимости, въ какой онъ держитъ населеніе. Эта боль, конечно, можетъ только усилиться при мысли, что въ сущности вѣдь шальной, чисто слѣпой случай помогъ бѣдной женщи-

нѣ. А между тѣмъ мимо сколькихъ проходишь, даже не подозрѣвая ихъ вопіющей нужды!..

Мы посѣтили еще нѣсколько избъ въ Верхней Тюбѣ; побывали и въ Нижней... Хотите и о нихъ что-либо услыхать?..

Но я отсюда слышу возраженія: указанные примѣры не составляютъ-де общаго явленія; бѣднота и раньше жила, чѣмъ Богъ послалъ... Конечно, если имѣть въ виду *все* населеніе, то приведенные образцы, дѣйствительно, не охватываютъ всѣхъ; но именно для бѣдноты они, смѣло могу сказать, явленіе общее (съ тѣмъ лишь развѣ отличіемъ, что чѣмъ дальше по Уфимской губерніи, тѣмъ рѣзче и убѣдительнѣе будетъ проявляться несоотвѣтствіе между положеніемъ данной минуты и неотложными требованіями человѣческаго организма, какъ бы умѣренны послѣднія ни были). Правда также и то, что бѣднота и раньше жила необезпеченною, съ трудомъ перебиваясь изо дня въ день, — но она все-таки перебивалась... Полдесятины или даже цѣлая десятина ржи все же давали семьѣ 50—100 пудовъ хлѣба — теперь она лишена ихъ. Раньше мужикъ находилъ заработокъ—теперь его нѣтъ у него, потому что тѣ, что ему предлагаются, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оказываются сподручными; раньше баба гдѣ понянчитъ, постряпаетъ, поткетъ, сошьетъ, вообще тоже найдетъ чѣмъ заработать кусокъ хлѣба у богатыхъ сосѣдей — теперь этого заработка у нея нѣтъ. У кого еще не распродана лошадь или корова, тому надо дѣлиться съ нею частью своего пайка: сѣна вѣдь нѣтъ, а на одной старой соломѣ животное долго не продержится...

Вотъ почему не говорите, что бѣднота все равно и раньше жила плохо: прежде она все же выносила свою бѣду, — теперь силъ на это у нея болѣе не хватаетъ.

V.

Дальше на сѣверъ.

Ст. Килимово.—По глухимъ угламъ.—Недостатокъ хлѣба.—Заработки на сторонѣ; малопригодность отхожихъ промысловъ.—Артели для перевозки хлѣба.—Общій видъ белебеевской деревни; запустѣніе внутри избъ.—Малочисленность столовыхъ.—Правительственный паекъ.

Изъ Шланлыкуля и Усь-Тюбы мы ѣдемъ въ Старое Килимово. Здѣсь опять положеніе нѣсколько лучше. Старокилимовцы — помѣщичьи крестьяне; нравственныя связи между помѣщикомъ и бывшими крѣпостными еще не заглохли: столовая столовой, а кромѣ того оказывается и частная помощь непосредственно самимъ помѣщикомъ; сравнительно же лучшее положеніе деревни даетъ ей возможность легче переносить и самую нужду. Столовая въ Ст. Килимовой — на 80 человѣкъ дѣтей; такой же, какъ и въ Шланлыкулѣ, вкусный мясной наваръ съ крупою, съ большимъ ломтемъ хлѣба; тѣ же довольныя и сытыя личики ребятишекъ, та же несомнѣнная польза горячей пищи, предупреждающей отъ кишечныхъ заболѣваній,—столь нерѣдкихъ тамъ, гдѣ приходится питаться однимъ только сухимъ хлѣбомъ...

Съ ранняго утра, едва только начало брезжить, мы садимся въ кошевую и направляемся дальше Сегодня намъ предстоитъ проѣхать и осмотрѣть много деревень. Вонъ онѣ: Якубово, Карамалы, Верхніе и Нижніе, Тавларова, Кубякова, Сабаева, Тюрюшева, Калмашъ-башъ... Грязными, неясными пятнами темнѣются онѣ на бѣлоснѣжной равнинѣ подъ искрящимся, радостнымъ солнцемъ. Полузаметенныя снѣгомъ, почти придавленныя къ землѣ,

онѣ носятъ характеръ заброшеннаго, чего-то случайнаго. Да и будетъ ли это, собственно говоря, большой утрировкой назвать всѣ эти жалкія деревнюшки въ какомъ-то глухомъ углу Белебеевскаго уѣзда заброшенными или, по крайней мѣрѣ, изолированными, поставленными одиноко лицомъ къ лицу со своей нуждою?.. Прошу только правильно понять мою мысль. Я далекъ отъ какого-либо поползновенія впадать въ гражданскій лиризмъ и ни на минуту не думаю игнорировать тѣхъ заботъ и той опеки, какая учреждена теперь по поводу голода надъ этими крестьянами, но... въ состояніи ли эта опека всегда, когда надо, парализовать громадныя разстоянія, отвратительные пути сообщенія, разбросанность поселеній, отсутствіе на мѣстѣ необходимыхъ орудій и приспособленій для удовлетворенія иногда самыхъ насущныхъ потребностей?.. „Опека" въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ все же черезъ бумагу,—путемъ отношеній, входящихъ и выходящихъ NN,—и далеко не всегда соприкасается непосредственно съ опекаемымъ объектомъ...

Восемь деревень пришлось мнѣ посѣтить въ теченіе одного дня: въ каждой деревнѣ визитъ въ десятокъ, а гдѣ и больше домовъ, и вездѣ въ сущности однородныя впечатлѣнія. На деревню въ сотню, напримѣръ, дворовъ — не больше десятка семействъ, которыя могутъ сами пробиться, безъ посторонней помощи; остальныя довольно рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи: кому еще есть что продавать и кому уже нечего... Продавать же надо: на одномъ правительственномъ пайкѣ далеко не уѣдешь: и вотъ первые распродаютъ домашность, скотину, вторые — сидятъ отъ получки пайка до новой получки. Перечисленныя мною деревни я засталъ сравнительно въ лучшій моментъ: паекъ былъ полученъ недавно и всѣ сидѣли съ хлѣбомъ; но

10—15 дней назадъ бѣднота прямо голодала и будетъ, вѣроятно, снова голодать черезъ недѣлю.

Вотъ вамъ для примѣра изба въ дер. Тюрюшевой: семья въ 6 человѣкъ, изъ нихъ 5 ѣдоковъ; мѣсячный паекъ ея—4 пуд. 15 фун. (35 × 5), что въ 9 мѣсяцевъ, на которые разсчитана правительственная ссуда, составитъ 39 п. 15 ф. Семья совсѣмъ захудалая; раньше она сѣяла не больше полудесятины и все же въ 1897 г. собрала 48 пудовъ; нынче вмѣсто этихъ 48 пудовъ у нея было одно черное поле съ рѣдкими колосиками, пошедшее на пастьбу скота. Эти 48 п., разумѣется, и тогда были болѣе чѣмъ недостаточны; прокормиться одними ими, понятно само собою, шестеро ртовъ не могли; но и при такомъ ничтожномъ посѣвѣ, сравнительно съ нынѣшней зимою, семья все же была на 8 пудовъ богаче, не говоря уже про возможность имѣть кое-какой заработокъ, перехватить, занять, просто, наконецъ, побираться у зажиточныхъ сосѣдей. Далѣе я буду имѣть случай подробно разъяснить, что 35-тифунтовый паекъ реально, въ рукахъ пайщика, зачастую превращается въ 28—29 фунтовъ, и тогда вы еще легче поймете, въ какой ужасной, подавляющей формѣ возстаетъ передъ такою семьею вопросъ о существованіи.

— Но въ такомъ случаѣ надо идти на работы, благо ихъ организуютъ въ Уфѣ!

Между тѣмъ тутъ, на мѣстѣ слышишь: „да, ходили, но ничего не вышло; только проѣлись,—иной такъ даже безъ лошади вернулся... продалъ“. Съ перваго раза это кажется страннымъ, прямо даже невѣроятнымъ. Какъ это не устроиться на работѣ, разъ она предлагается? Стоитъ только взять лопату или кирку и приняться за дѣло. Но это легче въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Здѣшній башкирецъ ни долотомъ, ни киркою владѣть не умѣетъ, а съ од-

ной лопатою многаго не надѣлаешь. Это—земледѣлецъ, скотоводъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, да и то культуры самой примитивной. Онъ совсѣмъ теряется, разъ приходится выступить изъ обычной колеи. А потомъ, какъ ни какъ, надо вѣдь снарядиться, дойти до мѣста работъ; и хотя правительство даетъ подъемныя,—кажется, заготовляетъ съ этою цѣлью фуражъ для лошадныхъ работниковъ; но, очевидно, этой поддержки недостаточно, и мужику, безъ того лишенному всякихъ средствъ, приходится послѣднюю копѣйку ставить ребромъ, безъ серьезной гарантіи дѣйствительно устроиться на новомъ мѣстѣ.

— Но кромѣ отхожихъ промысловъ у населенія есть еще другой заработокъ: возка хлѣба съ желѣзнодорожныхъ станцій?..

И на это получается однородный отвѣтъ: „ѣздили, по 2 рубля подъемныхъ получили на человѣка, пріѣхали, ждали хлѣба, ждали, проѣлись совсѣмъ; кто часть сбруи продалъ, кто бешметъ; совсѣмъ невмоготу стало дожидаться, большинство такъ безъ хлѣба и вернулось“.

Конечно, такіе случаи—явленіе не всеобщее; но ихъ нельзя также назвать и рѣдкими; во всякомъ случаѣ ихъ достаточно, чтобы отшатнуть населеніе, не говоря про то, что въ такую минуту, какую переживаетъ край, всякая копѣйка, даромъ истраченная, очень чувствительно отзовется на томъ, кто ея лишится. Въ своемъ мѣстѣ я ознакомлю васъ подробнѣе съ организаціей развозки хлѣба по Уфимской губерніи; но теперь пока достаточно констатировать самый фактъ: перевозка—не столько подспорье въ бюджетѣ мѣстнаго населенія, сколько новый налогъ, ложащійся и безъ того на непосильныя плечи.

Нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ Белебеевскаго уѣзда организуютъ (съ цѣлью поддержки крестьянскаго хозяйства) артели для перевозки хлѣба на особыхъ началахъ. Составъ каждой артели положенъ въ 25 человѣкъ; у каждаго на рукахъ по 2 воза, иначе по 2 лошади; въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ заготовленъ фуражъ: по разсчету 25 фунтовъ сѣна и 10 фунтовъ овса въ день, или, переводя на деньги, 33 коп. ежедневныхъ. Трудъ каждаго возчика оплачивается шестью рублями въ мѣсяцъ. Надѣются, что лошадь, на пріобрѣтеніе которой потребуются, разумѣется, предварительныя затраты, частью окупитъ себя и къ концу весны вмѣсто предположенныхъ 20 рублей будетъ стоить рублей 15. За такую сумму эти артельныя лошади и будутъ раздаваться однолошаднымъ хозяевамъ, изъ которыхъ проектировано набирать и самыхъ возчиковъ. Артели только-что еще организованы, въ нѣкоторыхъ участкахъ даже не приступали еще къ работѣ, и судить о томъ, каковы онѣ окажутся на дѣлѣ, пока преждевременно.

Я сказалъ: восемь деревень и всюду почти одинаковыя впечатлѣнія! Мнѣ только слѣдуетъ предупредить, что сила этихъ впечатлѣній теперь уже нѣсколько поблекла. Въ ту минуту, какъ пишутся эти строки, я успѣлъ уже проѣхать не только по Белебеевскому, но и по Мензелинскому уѣзду, и тѣ поистинѣ страшныя, раздирающія душу сцены, на какія я такъ часто наталкивался въ этомъ послѣднемъ, невольно заслоняютъ собою картины первыхъ дней. Нужда Белебеевскаго уѣзда, дѣйствительно, мягче. Какъ ни какъ, а здѣсь вѣдь все же средній сборъ съ десятины былъ до 10 пуд.; тамъ же, въ Мензелинскомъ,—всего 2 пуда, а мѣстами только 30 фунтовъ. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ населеніе кормилось своимъ хлѣбомъ все же цѣлыхъ

(цѣлыхъ!) 109 дней,—тогда какъ несчастный мензелинецъ уже чрезъ 36 дней послѣ уборки долженъ былъ протянуть руку за помощью. Наконецъ, и самый неурожай кормовыхъ травъ здѣсь не былъ такъ безпощаденъ, какъ тамъ.

И все же нужда белебеевская—нужда горькая и тяжелая... Глазъ скоро привыкаетъ отличать характерные признаки этой нужды. Сугробы снѣга передъ воротами, напавшіе не со вчерашняго дня, успѣвшіе отвердѣть и окрѣпнуть; отсутствіе проѣзда и одна лишь тропочка поверхъ этихъ сугробовъ: расчищать снѣгъ не для чего, не для чего отпирать широко и воротъ! На пустомъ и тоже заметенномъ дворѣ никакого движенія: кой-гдѣ еще развѣ бродитъ одинокая лошадь со впалыми боками, понуро отыскивая завалявшійся клокъ сѣна или соломы, у кого крыша наполовину разобрана, кто принялся за плетень и тащитъ его въ печку; рѣдко, рѣдко гдѣ увидишь валяющія, не нужныя теперь никому дровни. Внутри избы на печкѣ больной дѣдъ или старуха; тамъ же и куча ребятъ въ рваныхъ рубашкахъ—имъ и выйти не въ чемъ на улицу. Домашней утвари осталось немного, да и то, что осталось, въ большинствѣ случаевъ стоитъ безъ пользы на полкѣ; почти нигдѣ не приходилось мнѣ замѣчать того хозяйственнаго безпорядка, что̀ служитъ вѣрнымъ признакомъ домашней дѣятельности, домовитости и оживленія. Все прибрано, точно передъ праздникомъ, но—увы!—это порядокъ запустѣнія, а не отдыха послѣ производительнаго, плодотворнаго труда...

Запустѣніе же чуть не въ каждомъ домѣ! Кто былъ побогаче—у того еще есть двѣ-три подушки, сундукъ, ситцевая занавѣска, эта въ каждой башкирской семьѣ обязательная защита для женской половины при входѣ посторонняго мужчины; а чуть

домъ былъ и раньше побѣднѣе—нѣтъ въ немъ теперь подушекъ, нѣтъ и занавѣски, и хозяйка съ дочерью вынуждены или спиной поворачиваться къ посѣтителю, притыкаясь къ стѣнѣ, или (по крайней мѣрѣ) прикрывать ротъ грязнымъ платкомъ. Въ такихъ семьяхъ нѣтъ даже самовара, хотя бы жестяного. Я говорю: даже, потому что башкирскій домъ безъ самовара это что-то почти недопустимое. Самоваръ, самый плохой,—есть необходимая принадлежность любой башкирской семьи. Но теперь и на чай (разумѣется, кирпичный) не хватаетъ денегъ, и пьютъ какой-то „кофе“ издѣлія наслѣдницы нѣкоего Устинова,—собственно говоря, терпкій и горькій цикорій, отъ котораго животъ пучитъ и подъ ложечкой давитъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же пить подобную гадость, если она вмѣсто пользы приноситъ одинъ вредъ?..

— Да все же не сухой хлѣбъ ѣшь! Теплымъ-то обольешь его, такъ все какъ будто и обманешь себя...

Вдумайтесь немного въ эти слова, и вамъ не трудно будетъ понять, какъ необходимъ, какъ законенъ этотъ обманъ. Ахъ, господа, останавливались ли вы когда нибудь мыслью надъ тѣмъ, что значитъ изо дня въ день (и вчера, и сегодня, и завтра, и еще, и еще) все ѣсть одинъ только сухой хлѣбъ,—только его и ничего иного? О, какъ радъ будешь тогда даже „обману“, даже этой отвратительной бурдѣ!!

Столовыя... Мнѣ постоянно приходится возвращаться къ нимъ, и я еще не разъ и не два возвращусь къ нимъ. Опять повторю: польза отъ нихъ громадная; горячая мясная пища съ пшеномъ или просомъ—да какой же ломоть хлѣба можетъ сравняться съ нею? И тѣмъ обиднѣе, что эта пища до-

стается сравнительно немногимъ. Вотъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Въ участкѣ одного земскаго начальника насчитывается (въ круглыхъ цифрахъ) 38,000 человѣкъ населенія; изъ нихъ лишь какая-нибудь тысяча не нуждается въ правительственной помощи. На дѣтскій возрастъ почти вездѣ можно класть около половины даннаго населенія; если въ упомянутомъ участкѣ положить дѣтей 45 или даже 40 проц., то на 37,000 ихъ придется, тоже въ круглой мѣрѣ, приблизительно 15,000, не менѣе. Красный Крестъ выдаетъ участку ежемѣсячнаго пособія 3,000 руб., что̀ даетъ возможность въ среднемъ расходовать по 100 рублей ежедневно, т.-е. столовать 3,333 ребенка (расходуя по 3 коп. въ день на каждаго), иначе говоря, всего 22 проц. всѣхъ нуждающихся дѣтей. На дѣлѣ и эта цифра слишкомъ высока! Такъ какъ столовыя устроены только на дѣтей, а между тѣмъ находится не мало семей, гдѣ недостаточность правительственнаго пайка особенно ощутительна, то изъ той же суммы 3,000 руб. удѣляется такимъ семьямъ пособіе въ видѣ муки (обыкновенно по 7 фунтовъ). Такимъ образомъ, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что столовыя кормятъ *лишь одну пятую* нуждающихся дѣтскаго возраста, а *четыремъ пятымъ* предоставлено жевать сухой хлѣбъ и запивать его вышеназваннымъ кофе.

Позвольте правильность своихъ выводовъ (оговариваюсь заранѣе: я не настаиваю на точности математической) подкрѣпить еще другимъ разсчетомъ. Правительственный паекъ опредѣленъ въ 35 фунтовъ; высчитано, однако, что для правильнаго питанія требуется въ мѣсяцъ на человѣка 60 фунт. Позволительно даже въ этомъ разсчетѣ нѣсколько усомниться: масса крестьянъ въ разныхъ деревняхъ вполнѣ „по-божески“ опредѣляла мнѣ эту

норму въ 2 пуда. Но я не стану настаивать на этой послѣдней цифрѣ,—тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ вопросъ сводится къ насыщенію желудка не взрослаго, а ребенка. Вы видите, однако, что и въ такомъ случаѣ 35 фунтовъ почти вдвое менѣе, чѣмъ этого требуетъ здоровый организмъ. Правительственное продовольствіе на весь земскій участокъ, о которомъ я веду рѣчь, разсчитано въ количествѣ 190 тысячъ пудовъ, т.-е. принимая указанныя цифры 35 и 60, увидимъ, что до полной нормы недостаетъ примѣрно еще 150 тысячъ пудовъ, на сумму (по 80 коп. пудъ ржи—теперешняя цѣна хлѣба) 120,000 рублей на всѣ 9 мѣсяцевъ или съ небольшимъ 13,000 рублей въ одинъ мѣсяцъ. Эта недохватка въ 13,000 рублей восполняется Краснымъ Крестомъ, но,—какъ мы видѣли выше,—въ размѣрѣ лишь 3,000 руб., а это опять тѣ же 22 процента, которые мы высчитали раньше инымъ лишь путемъ.

Красный Крестъ, очевидно, дѣлаетъ, что можетъ; кромѣ столовыхъ, раздачи мукою, теплымъ платьемъ, онъ устраиваетъ еще и такъ называемые врачебно-питательные пункты, гдѣ больному подается первая медицинская помощь, а также порція горячаго варева. Но окажется ли Красный Крестъ въ состояніи удовлетворить и впредь народную нужду, которая растетъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и весной несомнѣнно проявится въ еще болѣе рѣзкой формѣ? Вотъ вопросъ, надъ которымъ стоитъ задуматься.

VI.

Калмашъ-Башъ.

Башкирская ураза̀.—Болѣзни.—Во что одѣто населеніе деревни.—Кормежка въ столовой.

Въ Калмашъ-башъ мы пріѣзжаемъ за два часа до сумерекъ и у насъ еще довольно времени, чтобы ознакомиться съ положеніемъ деревни. У мусульманъ теперь ураза̀ — нашъ великій постъ — и ни одинъ правовѣрный не позволитъ себѣ что-либо съѣсть или даже выпить глотокъ воды въ эти дни, лишь только солнце поднялось надъ горизонтомъ, до тѣхъ поръ пока оно снова не спрячется за горизонтъ. Вотъ почему въ эту минуту хозяйки только еще готовятъ обѣдъ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ клубы бѣлаго дыма, вылетающіе изъ трубъ и плавно подымающіеся кверху на морозномъ чистомъ воздухѣ,—вотъ почему и бородатый мулла основательно находитъ, что сзывать правовѣрныхъ на молитву пока еще рано.

Калмашъ-башъ какъ-то сразу останавливаетъ наше вниманіе. Это—несомнѣнно одна изъ наиболѣе жалкихъ деревень, какія приходилось до сихъ поръ видѣть. Она и раньше всегда еле-еле перебивалась, а теперь уже совсѣмъ захирѣла. Между тѣмъ это—одно изъ довольно крупныхъ поселеній, въ 300 дворовъ, не то что какая-нибудь деревнюшка изъ 20—30 семей, которымъ и побираться-то негдѣ, и помочь другъ другу обыкновенно бываетъ нечѣмъ...

Столовая устроена на 100 человѣкъ, больше чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ; но здѣсь эта помощь совершенно тонетъ въ массѣ всеобщей нужды, на почвѣ же этой нужды разыгрываются болѣзни —

неизмѣнный спутникъ матеріальнаго недостатка. Въ Калмашъ-башѣ я исходилъ 18 избъ и только въ 7 не нашелъ больныхъ: въ остальныхъ же 11—гдѣ одинъ лежалъ хворымъ, гдѣ двое, а были избы, гдѣ хворала и вся семья отъ стараго до малаго. Лежатъ на печкѣ, въ темномъ углу, на нарахъ... Характеръ болѣзней катаральный и простудной—печальный предвѣстникъ тифа и прочихъ осложненій. Да и какъ не страдать завалами и кишечнымъ разстройствомъ, когда для большинства горячая пища—недосягаемый идеалъ?! Какъ не страдать простудою, когда тѣло едва прикрыто! Вы отворили наружную дверь, вслѣдъ за вами ворвалась струя холоднаго воздуха и охватила полуголенькаго ребенка, который буквально въ 8—10 вершкахъ отъ двери сидитъ на печкѣ и принимаетъ эту вынужденную холодную воздушную ванну.

Одежда же... О, если бы вы только могли себѣ представить, во что одѣта Калмашъ-башская деревня! Никогда еще не видалъ я такой отвратительной рвани, такого грязнаго рубища, такого жалкаго подобія одежды. Гдѣ ужъ тамъ отыскивать краски, потерявшія первоначальный свой цвѣтъ, – упоминать о сшивкахъ изъ кусковъ всевозможнаго рода!.. Нѣтъ, это—лохмотья на самыхъ лохмотьяхъ, какіе-то мѣшки вмѣсто рубашекъ, и дыры, дыры, повсюду однѣ дыры... огромныя, безконечныя. Кажется, не было ни одного мальчика или дѣвочки моложе 14—15 лѣтъ, у которыхъ не выглядывала бы обнаженною та или другая часть тѣла. Одежда взрослыхъ нѣсколько крѣпче; но распахните тощій архалукъ или бешметъ, и подъ нимъ зачастую увидишь одно голое тѣло. Крестьянская одежда носится быстрѣе нашей; потому-то она и требуетъ болѣе частаго обмѣна; потому-то, необмѣненная въ минув-

шую осень, она и поражаетъ васъ въ Калмашъ-башѣ своею ветхостью и невозможнымъ видомъ.

Однако, солнце близко къ заходу; въ прозрачномъ морозномъ воздухѣ его заходящіе лучи красиво окрашиваютъ въ пурпуровый цвѣтъ бѣлоснѣжную улицу, сугробы снѣга, задавившіе низенькія хибарки, искрятся послѣдними бриллiантиками на замерзшей лужѣ, на льду рѣчки. Мулла уже призываетъ правовѣрныхъ на молитву, и почти все взрослое мужское населеніе деревни собралось въ мечети. Зато дѣтвора спѣшитъ въ столовую на кормежку.

Улица полна необычайнаго для нея движенія. Вонъ двое мальчуганъ вперегонку спѣшатъ къ завѣтной избѣ; ихъ голыя пятки сверкаютъ изъ дырявыхъ опанокъ, но они, кажется, мало замѣчаютъ прикосновеніе тѣла къ жгучему, хрупкому снѣгу; туда же идутъ и эти башкирки съ ребятами на рукахъ; въ томъ же направленіи одиноко шагаетъ худенькая дѣвчурка, уже посинѣвшая и дрожащая отъ холода: очевидно, материнскій платокъ на головѣ, жалкое добавленіе къ ея обычному костюму, плохо достигаетъ своей цѣли. Кто идетъ, кто ѣдетъ. На широкихъ дровняхъ башкирецъ закуталъ въ свой бешметъ ребенка и, поддерживая его, правитъ лошадью; другой башкирецъ, спиною къ первому, нагнулся къ другому ребенку и своимъ тѣломъ, казалось, старается отогрѣть его. А вотъ и еще чисто жанровая сценка: девятилѣтній мальчуганъ не безъ усилія тащитъ крошечныя салазки, на которыхъ сидитъ другая, еще болѣе крошечная фигурка,—его младшій братишка, сплошь весь увязанный и укутанный.

Столовая уже полна всякаго ребятья. Это—изба средней величины, биткомъ набитая, и намъ приходится не мало изловчаться, чтобы, при поворо-

тахъ, не задѣть кого и не толкнуть. Сидятъ на нарахъ двумя кругами; третья партія помѣстилась прямо на полу, подлѣ дверей. Въ противоположномъ углу – большая русская печь съ нарочно вдѣланнымъ котломъ, достаточно уемистымъ, чтобъ наготовить и удовлетворить всю эту сотню голодныхъ ртовъ. Но самая сотня полностью здѣсь, конечно, не умѣщается; остальнымъ отведено помѣщеніе черезъ сѣни въ другой половинѣ, и тутъ тоже сидятъ кто на полу, кто на нарахъ. Полъ грязный, худой, со щелями; двери то и дѣло раскрываются и закрываются, струи холоднаго воздуха поминутно обдаютъ усѣвшихся,—но до сквозниковъ ли, до мысли ли о простудѣ въ ту минуту, когда вся толпа съ напряженнымъ вниманіемъ жадно ловитъ движенія хозяина квартиры, раздающаго хлѣбъ,—въ ту минуту, когда аппетитный паръ поставленной въ средину круга чашки съ варевомъ такъ дразнитъ обоняніе?.. Ложки запускаются въ эту чашку, вылавливаютъ со дна кусокъ мяса, горстку пшена и быстро исчезаютъ во рту. Всѣ усиленно жуютъ, глотаютъ и фыркаютъ подъ носъ, успѣвшій уже отпотѣть въ теплой избѣ.

VII.

Калмашъ-башъ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Раздача одежды.—Типы и сцены.

Послѣ обѣда чуть не вся деревня собирается къ дому азанчѝ (нѣчто въ родѣ мусульманскаго пономаря при мечети), лучшему помѣщенію во всемъ Калмашъ-башѣ: тамъ земскій начальникъ будетъ

раздавать сегодня вечеромъ на платье и на обувь изъ средствъ, пожертвованныхъ Краснымъ Крестомъ. Домъ азанчи въ сущности—одна комната, перегородками раздѣленная на три части: въ одной женская половина, въ другой большая печь—это кухня, передняя, что угодно; наконецъ, третья каморка, гдѣ собственно и будетъ происходить раздача. Въ ней страшно тѣсно, не повернешься,—хотя народу всего пять-шесть человѣкъ, не болѣе. За перегородкой же толпа ребятишекъ въ нервномъ ожиданіи. Еще больше ихъ на дворѣ, на десятиградусномъ морозѣ, дожидается своей очереди. Куски матеріи вынуты и разложены на лавку; на полъ поставлена свѣча, такъ какъ иначе за тѣснотой, да еще при тускломъ освѣщеніи единственной лампочки, ничего не разглядѣть, кромѣ головъ. Закройщикъ вооружился ножницами и аршиномъ,—азанча на правахъ хозяина тутъ же въ качествѣ почетнаго зрителя; земскій начальникъ вынимаетъ приготовленный списокъ и вызываетъ одного за другимъ.

Первою выходитъ 9-лѣтняя Таифа Мудахрисова. Это—милый ребенокъ съ черными выразительными глазками, но, Боже мой, въ чемъ она явилась!.. Рваная ситцевая рубашенка едва покрыта холщевымъ бешметомъ, который и самъ-то весь въ дырахъ; ноги, правда, обуты, въ чулкахъ и лаптяхъ, но какъ они грязны, какъ затасканы!.. Дѣвочкѣ даютъ на кульмякъ (рубашку), на платье и бешметъ. Слѣдовало бы дать и кусокъ войлока на опанки, но опасно быть очень щедрымъ: вѣдь это первая, а сколько тамъ ихъ еще,—тѣмъ болѣе, что чулки и лапти, какъ они ни плохи, у нея все же есть!

При этой экономіи,—какую, въ виду скудныхъ наличныхъ средствъ, поневолѣ приходится соблюдать,—рваные чулки и грязные, отрепанные лапти

въ большинствѣ случаевъ должны разсматриваться, какъ нѣчто положительное и лишающее права быть черезчуръ мягкосердымъ. Дѣйствительно, какъ разъ за Таифой подходитъ 8-лѣтній Фарахходинъ. На немъ одна только длинная рубашенка, —очевидно, съ чужаго плеча,—и больше ничего. Буквально ничего! На босу ногу, безъ штанишекъ, какъ онъ только дошелъ, уму непостижимо.—„Добѣжалъ, отвѣчаетъ онъ на вашъ вопросъ: я тутъ недалеко". Очевидно, этому опанки уже безусловно необходимы.

— „Султанъ Гирей Сеидгиреевъ"... Съ удивленнымъ любопытствомъ вслушиваешься въ это имя и всматриваешься въ того, кто его носитъ. А тотъ, чуждый малѣйшаго представленія о томъ, что своимъ названіемъ пробудилъ въ вашемъ умѣ мысль о далекомъ Крымѣ и бывшихъ его владыкахъ, послушно показываетъ свою рубашку, гдѣ уже нѣтъ одного рукава, и штанишки съ двумя большими дырами.

За Гиреемъ протискивается четвертый, за нимъ пятый, шестой. Разница въ одеждѣ, разумѣется, есть: кто одѣтъ лучше, кто значительно хуже, но въ общемъ ни одного ребенка, удовлетворительно защищеннаго отъ холода и непогоды... Если у кого и есть, напримѣръ, теплые пимы (валенки), за то изъ дырявой рубашки выглядываетъ голое плечо; если платье болѣе или менѣе сносное, за то ноги босыя. И сколько же этихъ босоногихъ! Вотъ и удивляйтесь послѣ этого здѣшнимъ простуднымъ заболѣваніямъ. Надо удивляться другому: какъ, напримѣръ, это жалкое созданьице, носящее названіе Нигматуллы, какъ эта пятилѣтняя крошка стоитъ здѣсь передъ вами, а не лежитъ больной у себя на печи (чуть было не сказалъ въ постели, но какія же постели въ калмашъ-башскихъ домахъ)?.. Грязная рубашка держалась на плечахъ съ помо-

щью лишь хитроумно придѣланныхъ завязокъ,— на античный, но мало пригодный при теперешней температурѣ способъ,—оставляя непокрытою и шею, и грудь; при ближайшемъ осмотрѣ это—даже не рубашка, а что-то въ родѣ растерзаннаго халата. Голыя рученки тоже совсѣмъ на виду; подъ рубашкой никакого намека на нижнее одѣяніе; на ногахъ—одни шерстяные чулки, безъ лаптей; на головѣ ни шапки, ни даже тебетейки.

И такихъ не одинъ: Абдулла, товарищъ Нигматуллы, въ сущности также одѣтъ; только онъ еще худощавѣе того, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ и съ жиденькими рученками, которыя висятъ точно косички. Третій, правда, немного получше: у него все же цѣльная рубашка и такъ какъ она несомнѣнно съ чужого плеча, съ болѣе взрослаго, то доходитъ до пятъ и, по крайней мѣрѣ, производитъ впечатлѣніе бо́льшей защиты. Но дотроньтесь до посинѣвшихъ рученокъ этого мальчугана, и вы легко убѣдитесь, что длина рубашки далеко еще не гарантируетъ притока необходимаго тепла.

Босыхъ очень много: въ первомъ десяткѣ я насчиталъ такихъ трое; во второй группѣ ихъ явилось уже пятеро, а тамъ впереди было еще не мало такихъ же. Мы усиленно мѣряемъ, рѣжемъ и кроимъ. Толстый и тяжелый свертокъ бѣлой кошмы разматывается и замѣтно становится тоньше; цѣльная штука темнокоричневаго киргизина тоже убываетъ; немного остается и отъ ситца, который идетъ на рубашки и подкладку подъ бешметъ. Количество раздаваемаго соразмѣряется со степенью наличной нужды: кому больше, кому меньше; одному давалось на полное одѣяніе, а кто долженъ былъ довольствоваться одними опанками или рубашкой. Но всѣ неизмѣримо счастливы.

— Рахмэтъ ужмахлыбулъ,—благодаритъ маленькій Сеидъ, получая свой свертокъ и удаляясь вспять, чтобы очистить мѣсто другому кандидату; онъ хочетъ сказать: „спасибо, да будутъ открыты тебѣ райскія двери“.

— Рахмэтъ ужмахлыбулъ, Аллахъ акбаръ: спасибо, великъ и славенъ Господь Богъ,—говоритъ тщедушная и тоненькая Салиха̀, получившая на рубашку, бешметъ и опанки... Она повертывается къ намъ спиной, при уходѣ, и мы видимъ, что у бѣдняжки весь низъ въ огромной дырѣ: жиденькая рубашенка плотно облегла красненькое тѣльце, но не въ силахъ была закрыть всего.

Толпа тѣснится и стѣною стоитъ въ дверяхъ: всеобщая боязнь за себя, какъ бы не обошли и не забыли! Очередные съ трудомъ протискиваются; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за процессомъ одѣленія. Надо непремѣнно выдѣлить самыхъ маленькихъ, чтобъ ихъ не помяли въ тѣснотѣ, да и отпустить ихъ давно пора спать. Но это не такъ-то легко, и вотъ отецъ одного изъ такихъ малютокъ прибѣгаетъ къ простому и остроумному способу: онъ поднимаетъ ребенка надъ толпой и черезъ головы остальныхъ передаетъ его въ нашу сторону.

А часы между тѣмъ бѣгутъ одинъ за другимъ; за первымъ десяткомъ дѣтей мы одѣляемъ другой; вотъ уже и 21-й ребенокъ ушелъ съ подаркомъ, 22-й, 25-й; войлокъ весь вышелъ, совсѣмъ на исходѣ и киргизинъ. Мы переглядываемся съ земскимъ начальникомъ. Что дѣлать? Правда, первая партія, партія школьниковъ, уже одѣлена; но, кромѣ нихъ, изъ передней высовывается еще цѣлая куча дѣтскихъ головокъ; наконецъ, мы знаемъ, что за дверями насъ ждетъ еще новая толпа,—быть можетъ, съ неменьшимъ правомъ на нашу помощь. На сча-

стье дѣтворы въ деревнѣ есть лавка, и оттуда приносятъ новую штуку киргизина и свѣжій свертокъ бѣлаго войлока. И мы снова мѣряемъ, кроимъ и рѣжемъ. Какъ хотѣлось бы всѣхъ одѣлить, какъ хотѣлось бы никого не оставить безъ чистой рубашки и теплыхъ опанокъ!..

Да и какъ остановить раздачу, когда столько бѣдноты, самой вопіющей, самой несомнѣнной? Этотъ мальчуганъ кашляетъ, а совсѣмъ безъ штанишекъ; лишь материнскій платокъ, укутывая голову и шею, хоть сколько-нибудь да даетъ тепла. Бѣдняжка Хатима (11 лѣтъ), стыдливо показываетъ рваную рубашку, въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнажившую ея тѣло; о грязи на этой рубашкѣ я и не говорю. На смѣну Хатимы зовутъ пятилѣтняго Хасана, дѣлая ему, какъ и каждому, обстоятельный осмотръ для рѣшенія, въ чемъ онъ наиболѣе нуждается, а главное, насколько сильнѣе или слабѣе нуждается сравнительно съ другими. Его ноги кажутся намъ особенно подозрительными. Мы говоримъ, чтобы онъ показалъ ихъ. Ребенокъ молча поднимаетъ правую ногу. Она оказывается въ проношенныхъ лаптяхъ и въ шерстяномъ чулкѣ, но съ прорваннымъ носкомъ. Я ощупалъ ступню ноги —она была холодная, какъ ледъ: ни лыко, ни шерсть не грѣли ее.

— Ну, распахивай теперь бешметъ!

Бешметъ распахнутъ, и подъ нимъ... окружающіе называли это рубашкой, но для меня это была куча грязныхъ тряпокъ, издававшихъ отвратительный запахъ и непостижимымъ образомъ еще ухитрявшихся висѣть на плечахъ и не сваливаться.

Какъ же вы хотите, чтобы мы окончили раздачу, чтобы не послали за новымъ кускомъ ситца?... И какъ зато радостно слышать ихъ дѣткую благодарность!

— Рахмэтъ ужмахлыбулъ,—слышится дѣтскій голосокъ:—да будутъ тебѣ открыты райскія двери!

— Рахмэтъ, рахмэтъ,—вторитъ за нимъ другой.

— Изгули булъ, Аллахъ акбаръ,—вторитъ за нимъ третій:—будь счастливъ, великъ и славенъ Господь Богъ.

Одновременно съ дѣтьми это же привѣтствіе произноситъ и азанчà, за нимъ нашъ закройщикъ, и при этомъ всѣ они, и дѣти, и взрослые, осѣняютъ себя молитвеннымъ движеніемъ, обычнымъ, когда мусульманинъ творитъ намазъ,—проводя по лицу обѣими ладонями.

„Будь счастливъ"... И, дѣйствительно, развѣ можно не быть счастливымъ, видя восхищеніе этихъ дѣтскихъ лицъ, умиленную благодарность отцовъ, которые сами привели наиболѣе маленькихъ, не рѣшившись отпустить ихъ однихъ въ поздній холодный вечеръ?

Пока шелъ дѣлежъ первой партіи, вторая ждала очереди на морозѣ въ сѣняхъ; при всемъ желаніи устроить ее получше, это оказывалось абсолютно невозможнымъ за тѣснотою помѣщенія. Теперь вторая группа въ тепломъ помѣщеніи; но на смѣну ей въ сѣняхъ зябнетъ третья. И ждать въ такомъ растерзанномъ видѣ! По большей части это дѣти 7—8 лѣтъ, нерѣдко 5—6, есть не мало и 4 лѣтъ... Вотъ хоть бы этотъ, сопливенькій, но красивый, черноглазый мальчуганъ; ему еще долго дожидаться пяти лѣтъ, онъ съ удивленіемъ посматриваетъ вокругъ себя, очевидно, не отдавая еще себѣ яснаго отчета въ происходящемъ. Ему даютъ опанки, на рубашку и на бешметъ.

— Говори: „Рахмэтъ ужмахлыбулъ, Аллахъ акбаръ",—подсказываетъ мальчугану вполголоса благочестивый азанчà; но ребенку это не подъ силу.

— Рахмэтъ, хазретъ, т.-е. спасибо, баринъ (господинъ),—тоненькимъ голоскомъ коверкаетъ онъ священную формулу, передѣлывая ее на болѣе понятный ему житейскій ладъ.

Разумѣется, мнѣ не перебрать всѣхъ ребятъ, которые прошли передо мною въ этотъ памятный вечеръ. Да и къ чему? Общая картина отъ этого не измѣнится. Одинъ полуголенькій, другой босой, на третьемъ рубашка—такая рвань, что рваться больше нечему; у четвертаго рвань виситъ клочьями; у пятаго вся одежда изъ рваныхъ сшивокъ разнаго тряпья и обрывковъ; шестой пришелъ совсѣмъ въ сырыхъ чулкахъ и обледенѣлыхъ лаптяхъ; седьмой безъ рубашки и т. д., и т. д. безъ конца. Невообразимая бѣднота кричитъ и открыто вопіетъ о помощи!

Однако наша помощь быстро изсякаетъ. Увы! всѣхъ не одѣлить,—тѣмъ болѣе, что у земскаго начальника на счету и другія деревни, не менѣе Калмашъ-баша нуждающіяся и имѣющія право на самую дѣятельную, энергическую помощь. Послѣдніе 20 человѣкъ поневолѣ сортируются тщательнѣе другихъ и уже многимъ приходится отказывать. Наконецъ, на 55-й выдачѣ раздача прекращается. Пятьдесятъ пять осчастливленныхъ дѣтей! Но на днѣ души остается горечь сознанія, что сколько еще ихъ съ обманутыми надеждами, со слезами пошло спать эту ночь! Во всякомъ случаѣ хочется думать, что все же не одна теплая молитва возносится къ Богу въ этотъ вечеръ...

Мы покидаемъ Калмашъ-башъ и выѣзжаемъ на свѣжій просторъ снѣжныхъ полей. Въ открытомъ полѣ бушуетъ буранъ; небо все заволокло, луны не видать, и мы ѣдемъ ощупью въ молочно-золотистомъ туманѣ. Холодъ пробирается за шубу, вьюга свиститъ и завываетъ, но среди ея свиста до насъ

ясно доносятся дѣтскіе радостные голоса: „Рахмэтъ ужмахлыбулъ... да будутъ тебѣ открыты райскія двери... рахмэтъ, рахмэтъ“... И холодъ теряетъ надъ нами свою силу, и намъ не страшенъ буранъ, разбушевавшійся на полянѣ, и на минуту даже начинаешь вѣрить тому, что райскія двери, дѣйствительно, не закроются передъ нами и будутъ открыты тамъ, въ будущей жизни...

О, господа, какъ хорошо, какъ отрадно, хотя бы только въ теченіе одного вечера быть добрымъ и протянуть руку помощи своему ближнему!

VIII.

Чекмагушева.

Кухни вмѣсто столовыхъ. — Почему столовыя предпочтительнѣе.—Отсутствіе людей.—Земскіе начальники и обиліе возложенныхъ на нихъ обязанностей.—Мѣстная интеллигенція: всѣ ли достаточно сознательно относятся къ своему общественному долгу? всѣ ли достаточно независимы по своему положенію?—Надо людей! Людей надо!

Новый этапный пунктъ по пути моего дальнѣйшаго слѣдованія, дер. Чекмагушева, большихъ особенностей съ ранѣе осмотрѣнными деревнями не представляетъ. Если она немного и зажиточнѣе Калмашъ-баша, то эта зажиточность болѣе чѣмъ относительна, и такъ какъ при этомъ въ ней на сто слишкомъ дворовъ больше, то приходится считаться съ 400—500 лишнихъ голодныхъ ртовъ. Зато здѣсь и столовыхъ не одна, а двѣ: школьная на 90 чел. и спеціально дѣтская на 209 человѣкъ. Впрочемъ послѣднюю столовую правильнѣе было бы назвать кухней: въ ней лишь готовится пища и раздается на домъ. Такая форма помощи—далеко не исключеніе въ Уфимской губерніи, хотя, думается,

въ ней достаточно неудобствъ для того, чтобы вызвать желаніе по возможности избѣгать ея...

Устройство кухонь, а не столовыхъ, вызывается разными соображеніями: гдѣ отсутствіемъ у жителей теплой одежды, которая позволяла бы кормящемуся пройти по морозу разстояніе, отдѣляющее его домъ отъ столовой; гдѣ отсутствіемъ подходящихъ людей-организаторовъ, отсутствіемъ лицъ, которымъ можно было бы довѣрить веденіе дѣла; гдѣ, наконецъ,—какъ въ данномъ случаѣ въ Чекмагушевой,—отсутствіемъ подходящей избы, могущей вмѣстить массу столующихся.

Разумѣется, со всѣми этими обстоятельствами приходится считаться, но зато посмотрите, къ чему это приводитъ. „Не держатъ уразу́“, т.-е. не постятся только самые маленькіе; начиная же съ 5—6 лѣтъ почти всѣ остальныя дѣти неуклонно приноравливаютъ свою ѣду къ закату солнца, къ 4—4½ час. Между тѣмъ раздача порцій на 200 человѣкъ—дѣло не шуточное, приварокъ обыкновенно готовъ уже къ 2 часамъ попол. Съ другой стороны голодъ—не тетка, и задолго до двухъ часовъ въ сѣняхъ избы толпится дѣтвора со своими кринками и чашками. Иной торопится и потому, что въ его семьѣ малолѣтніе не постятся, просятъ поскорѣй дать поѣсть. Стоятъ и ждутъ въ этихъ сѣняхъ на морозѣ часами... Я три раза заглядывалъ въ чекмагушевскую столовую, въ разное время дня, и всѣ три раза видѣлъ однѣ и тѣ же иззябшія дѣтскія фигурки въ ситцевыхъ платьицахъ, съ платочкомъ на головѣ,—дрожащихъ, посинѣвшихъ, но покорно ожидающихъ того момента, когда имъ откроютъ дверь въ теплую, натопленную кухню. Они побудутъ въ ней съ четверть часа, и съ тепла... опять на морозъ и на вѣтеръ со своею драгоцѣнною но-

шей. Какъ же не сказать: вотъ она благодарная почва для заболѣваній всевозможнаго рода!..

Особенно примелькалась мнѣ одна дѣвочка: жалкое созданьице, она, кажется, такъ и приросла къ стѣнѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, и во всѣ три моихъ прихода только и знала, что ежилась, стараясь отогрѣть свои худенькія плечи истертымъ коротким платкомъ, который то и дѣло съѣзжалъ и распахивался у ней на груди. А то иду по улицѣ и вижу такую сцену: пятилѣтній башкиренокъ,— совсѣмъ клопъ, едва и отъ земли его отличишь,— возвращаясь изъ столовой, уронилъ деревянный туесъ и разлилъ свою салму: жидкость впитывалась въ снѣгъ, окрашивая его въ желто-бурую муть, а мальчуганъ, въ слезахъ, подбиралъ съ земли кусочки тѣста и мяса, торопливо засовывая ихъ обратно въ свою посуду. Рученки у бѣдняги дрожали отъ холода: удивительно-ли, что ноша вывалилась изъ слабенькихъ рукъ?

Надо-ли говорить о громадныхъ преимуществахъ „столовой“ передъ „кухней“? Кому не въ чемъ придти, тому никто не мѣшаетъ смотрѣть на столовую, какъ на кухню, и присылать за своей порціей кого-нибудь изъ членовъ своей семьи, потому что вѣдь все равно кому-нибудь да надо за ней придти: на домъ доставлять не будутъ. Зато остальные освободятся отъ необходимости часами мерзнуть въ холодныхъ сѣняхъ въ ожиданіи выдачи и не будутъ подвергаться риску проливать порцію; никто не будетъ приносить ее замороженною, какъ это дѣлается теперь, а получатъ, дѣйствительно, *горячую* пищу, потому что даже допуская, что принесенный на домъ туесъ и будетъ поставленъ въ печку разогрѣваться, все же получится лишь *разогрѣтая*, а не горячая пища; кромѣ того въ столовой вы на-

вѣрняка убѣждены въ томъ, что выдаваемая порція попадаетъ именно тому, кому предназначена.

Невольно поэтому раждается вопросъ: неужели такъ трудно въ деревнѣ изъ 413 дворовъ найти помѣщеніе, гдѣ 209 человѣкъ дѣтей (хотя бы въ два, три послѣдовательныхъ пріема) могли собраться на какихъ-нибудь короткихъ полчаса?... Что найти возможно, въ этомъ я убѣдился въ тотъ же еще день въ самой же Чекмагушевой. Когда тамъ былъ поставленъ вопросъ о такой возможности, оказалось, что хозяинъ избы, гдѣ готовилась пища, безъ особаго затрудненія взялся пристроить къ дому теплую комнату, и притомъ на условіяхъ очень сносныхъ: онъ просилъ 60 р. на расходы, предлагая засчитывать за долгъ ту плату, что ему и безъ того приходится за наемъ „кухни" и за варку пищи. Теперь, хочется думать, чекмагушевцы ѣдятъ уже въ настоящей столовой и настоящую горячую пищу!

Такимъ образомъ, оказывается, устройство столовой тормозилось пустяками... до смѣшного. Но, можетъ быть, это—единичный фактъ? Однако когда вамъ говорятъ, что есть пункты, гдѣ вмѣсто столовыхъ и вообще горячей пищи,—хотя бы даже въ формѣ кухни,—помощь оказывается путемъ ежемѣсячной выдачи опредѣленнаго количества муки на руки, то удивленіе ваше увеличивается еще болѣе: конечно, 7 фун. муки, въ дополненіе къ казенному 35-ти-фунтовому пайку,—подспорье порядочное; но несомнѣнно, что, не будучи дробимо, это же количество въ общей совокупности оказало бы болѣе пользы (не говоря уже про то, что хлѣбъ, выпеченный изъ этой муки, все же есть тотъ же хлѣбъ, а не горячія щи или салма).

Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же дѣло? Гдѣ коренная причина того страннаго, оскорбительнаго явленія, что столовыхъ менѣе, чѣмъ это могло и должно бы

быть? Выше я указывалъ на отсутствіе людей, способныхъ на организацію,—на отсутствіе лицъ, которымъ можно было бы довѣрить веденіе дѣла... Вопросъ самъ по себѣ слишкомъ серіозный, чтобы затрогивать его мимоходомъ, а потому позвольте остановиться на немъ нѣсколько дольше; а такъ какъ для его болѣе полнаго освѣщенія единичныхъ фактовъ и условій, въ какихъ находится дер. Чекмагушева, уже недостаточно, то, разъ заговоривъ на эту тему, я постараюсь привлечь сюда однородные факты, наблюденія и отзывы мѣстныхъ людей, собранные мною не только здѣсь, но и на всемъ районѣ моей поѣздки (въ обоихъ уѣздахъ, Белебеевскомъ и Мензелинскомъ),—тѣмъ болѣе, что и тамъ и тутъ условія эти совершенно одинаковы.

Я безъ обиняковъ, категорически и въ первую голову укажу ту причину, которая всего болѣе тормозитъ устройство столовыхъ—это *отсутствіе людей*. Какъ ни странно, какъ ни обидно это слышать,—но, право, это такъ. Деньги деньгами, конечно,—но далеко не въ нихъ одна сила... За время моей поѣздки мнѣ не разъ приходилось слышать отъ частныхъ лицъ, а также и отъ земскихъ начальниковъ,—черезъ которыхъ главнымъ образомъ и дѣйствуетъ Красный Крестъ,—что деньги бы и нашлись, но затрудняешься, какъ утилизировать ихъ въ формѣ столовой: не всегда есть кому поручить, кому довѣрить...

Я слышу сейчасъ же возраженія: „а развѣ сами земскіе начальники не могутъ завѣдывать столовыми? А развѣ нельзя поручить дѣло мѣстнымъ священникамъ, мулламъ, учителямъ, учительницамъ, помѣщикамъ, врачамъ, акушеркамъ? Наконецъ, развѣ нельзя по указанію самой деревни выбрать изъ ея же среды довѣренное лицо?..“

Всѣ перечисленныя категоріи лицъ и имѣются въ виду; въ дѣйствительности они и принимаютъ посильное участіе, но только гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это было бы желательно или при иныхъ условіяхъ, возможно. Начать хоть бы съ тѣхъ же земскихъ начальниковъ. Да и если бы вы видѣли, сколько у нихъ теперь своей работы по одной канцеляріи со всѣми этими выдачами, записками, ордерами, запросами и отвѣтами?.. Продовольственное дѣло поглощаетъ у нихъ все время: отодвинуты на задній планъ остальныя текущія нужды участка. Входящихъ бумагъ регистрируется, а выходящихъ исписывается масса. Словомъ, настоящая канцелярщина!

А между тѣмъ сколько это отнимаетъ непроизводительнаго времени, и какъ разъ въ ту пору, когда это время слѣдовало бы утилизировать съ гораздо большей производительностью! Шутка сказать: въ нѣкоторыхъ деревняхъ земскіе начальники не бывали съ начала ноября мѣсяца, въ иныя не заглядывали съ самой осени—въ такую пору, когда, собственно-то говоря, имъ ничего другого и дѣлать бы нечего, какъ только объѣзжать свои участки, потому что каждая недѣля, каждые десять дней уже мѣняютъ положеніе голодающаго населенія! Можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ подобную манкировку пришлось бы поставить въ личную вину земскимъ начальникамъ,—но, вспомнивъ громадную отчетность, поневолѣ станешь снисходительнѣе.

Я впрочемъ уклонился въ сторону. Возвращаясь къ вышенамѣченной темѣ, скажу, что и безъ отчетности земскій начальникъ можетъ взять на себя только общее наблюденіе надъ столовыми, намѣтить общія начала ихъ постановки и организаціи: каждая столовая требуетъ непосредственнаго ею

завѣдыванія, постояннаго надзора, реальной возможности тутъ, сейчасъ же, на мѣстѣ, устранить возникшую помѣху, выяснить сомнѣніе или затрудненіе,—всего этого не въ силахъ дать земскій начальникъ: слишкомъ для этого великъ его участокъ! Священники, учителя, персоналъ врачебный... Но у каждаго изъ нихъ—свое собственное дѣло; далеко не всѣ берутся за новое... Одного званія еще не достаточно, чтобъ чувствовать живую потребность руководиться сознаніемъ своего общественнаго долга. Въ одной, напримѣръ, деревнѣ земскій начальникъ тщетно старался завести столовую при содѣйствіи священника или учителя: и тотъ, и другой настолько вяло вели ее, что въ концѣ-концовъ вынудили его обратиться къ мѣстному же башкиру-крестьянину, и только тогда дѣло пошло на ладъ.

У меня и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ раздражительная, черствымъ тономъ сказанная фраза одной сельской учительницы: „ну, ужъ эти столовыя, какъ онѣ мнѣ надоѣли! Жду не дождусь, когда кончится вся эта канитель". Далѣе, въ одномъ селѣ священникъ, паства котораго состоитъ изъ новокрещенныхъ башкиръ и, по его мнѣнію, плохо слѣдуетъ предписаніямъ православной церкви, посмотрѣлъ на помощь голодающимъ, какъ на средство принять полицейскія мѣры и воздѣйствовать на своихъ неофитовъ: онъ допускалъ раздачу пайковъ и устройство столовыхъ лишь подъ условіемъ, чтобъ тѣ отказались отъ своихъ „языческихъ" обрядовъ и аккуратно посѣщали церковь. Въ такомъ духѣ пытался онъ (но, къ счастью, безуспѣшно) воздѣйствовать на земскаго начальника. Я помню еще село, гдѣ мѣстный священникъ и учительница,—вмѣсто дружнаго дѣйствія заодно,—пикировались изъ-за столовой (сперва ею завѣдывалъ одинъ, потомъ другая),—и все на почвѣ мелкаго самолюбія,

у кого дѣло велось лучше,—теперь или раньше? Подобныхъ примѣровъ можно было бы набрать пожалуй и еще...

А наконецъ, сколько такихъ, кого пугаетъ самая мысль завѣдыванія столовой? Если вспомнить, что чуть не всѣ сельскіе учителя и учительницы, да многіе и изъ священниковъ тоже, люди такъ или иначе зависимые отъ „міра“,—насъ не должно удивлять такое боязливое отношеніе. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Иное дѣло школьныя столовыя. Поступленіе въ нихъ опредѣляется самимъ положеніемъ столующагося, какъ ученика; да и тутъ, при всеобщемъ стремленіи, охватившемъ теперешнюю деревню, помѣстить ребенка въ школу, приходится отказывать за недостаткомъ мѣста,—значитъ, дѣлать выборъ, отдавать предпочтеніе одному передъ другимъ, т.-е. накликать попреки въ пристрастіи и т. п. Я помню, какъ одна мать съ провалившимся носомъ слезно и раздраженно жаловалась мнѣ на учительницу, не принявшую ея дочери: бѣдная женщина не хотѣла понять, что вся ея семья заражена страшной болѣзнью и садить ея дѣвочку за общую чашку щей значило бы подвергать десятки другихъ здоровыхъ дѣтей опасности ужасной заразы. Возьмись при такихъ условіяхъ сельская учительница за устройство столовой вообще для дѣтей,—не только школьниковъ, или на любой возрастъ,—да сколько враговъ она наживетъ себѣ!..

„Не включи-ка его, онъ тебѣ это попомнитъ“,—говорила мнѣ одна изъ нихъ, разъясняя свое затруднительное и щекотливое положеніе. Пословица замѣчаетъ: „сытый голоднаго не разумѣетъ“; къ этому можно было бы прибавить: „а еще болѣе не разумѣетъ голодный другого голоднаго, если этотъ послѣдній еще голоднѣе его“. Когда нѣтъ средствъ удовлетворить всѣхъ, приходится выбирать и отда-

вать предпочтеніе болѣе нуждающемуся. Но какъ вы втолкуете, кому отказали, что онъ *менѣе* безпомощенъ, чѣмъ тотъ, кому протянута ваша рука? Гдѣ тотъ масштабъ для подобнаго измѣренія,— масштабъ, одинаково всѣмъ ясный и убѣдительный? Вѣдь и сами-то вы находите его въ личной субъективной оцѣнкѣ; тамъ же его беретъ и отвергнутый вами. А сколько отсюда попрековъ, раздраженія! Сколько надо самостоятельности характера, независимости положенія!..

Наконецъ, еще одно соображеніе. Нужда не есть что-либо постоянное, отлившееся въ законченную, разъ навсегда опредѣленную форму. За весь періодъ въ общемъ она, разумѣется, будетъ лишь наростать; но если слѣдить за нею по недѣлямъ, то тутъ легко замѣтить и повышенія, и пониженія, вообще колебанія. Полученъ паекъ, и семья наѣлась, сыта; но прошло 15—20 дней, хлѣбъ вышелъ— и положеніе стало уже инымъ, потому что до новаго пайка еще дней 10. Продали лошадь, заложили шубу, снесли на базаръ самоваръ, нашли заработокъ въ 30—50 коп.—и въ данный моментъ голодъ опять хоть на половину да удовлетворенъ, но опять же лишь на время. При такихъ условіяхъ будетъ ли справедливо разъ навсегда держаться однажды составленнаго списка? Конечно, нѣтъ: составъ столующихся долженъ мѣняться соотвѣтственно тѣмъ перемѣнамъ и колебаніямъ, какія испытываетъ деревня. Если, въ зависимости отъ наличныхъ средствъ, нельзя удовлетворить всѣ степени нужды, то, очевидно, первыми кандидатами должны быть наиболѣе нуждающіеся въ *данную* минуту и исключены тѣ, кто хотя и въ нуждѣ, но меньшей. А для того чтобъ свободно варьировать подобное распредѣленіе помощи, необходимо вѣдь обладать, пожа-

луй, еще большею независимостью убѣжденія, чѣмъ въ первомъ случаѣ?

Вотъ почему я говорю и настаиваю: „Надо людей! Людей надо!“ И какою же горькою ироніей звучитъ теперь отвѣтъ, который приходится слышать здѣсь: „у насъ нѣтъ людей“! Это нѣтъ въ такую-то минуту,—въ такую минуту, когда вниманіе и усиліе всего русскаго общества должны быть направлены на самую энергичную, неустанную, борьбу со страшнымъ врагомъ,—въ ту минуту, когда Россія, казалось, должна была бы подняться, какъ одинъ человѣкъ, и дружнымъ усиліемъ задавить этого врага?.. Нѣтъ людей!.. Да куда же они подѣвались? Почему раньше ихъ было довольно и раньше они дѣлали свою честную, благородную работу? Что мѣшаетъ имъ нынче проявить себя наружу?.. О, какъ хотѣлось бы вѣрить, что время еще не ушло, что нужные люди найдутся и примутся съ удвоенной энергіей за работу, торопясь наверстать потерянное! Скорѣе, скорѣе, господа!

IX.

По сѣверному району Белебеевскаго уѣзда.

Правительственная ссуда для женскаго населенія.—Башкирскія избы; тѣснота помѣщенія.—Положеніе ухудшается.

Отъ общихъ разсужденій перейдемъ опять на почву непосредственныхъ фактовъ. Мнѣ хотѣлось бы опять повести васъ изъ деревни въ деревню и, придерживаясь моего маршрута, на этотъ разъ по самымъ сѣвернымъ волостямъ Белебеевскаго уѣзда; хотѣлось бы прислушаться, что и тамъ говорятъ, какъ и тамъ переносятъ нужду. Иные оттѣнки,

варіаціи въ условіяхъ жизни, надѣюсь, дадутъ намъ возможность полнѣе и отчетливѣе составить представленіе объ общемъ положеніи края.

Вотъ, напримѣръ, деревня Тюйняшево. Здѣсь жалуются, что волостной старшина не всѣхъ записываетъ въ списки на полученіе продовольственнаго пайка: у кого жена не внесена, три семьи ничего не получаютъ... ни женщины, ни дѣти. „Что такое, что домъ богатый? говоритъ одинъ: вотъ у меня онъ большой, да когда зерна нѣтъ ни крошки,—а мы вѣдь тоже Царю служимъ!" Женщины рабочаго возраста—кто записанъ въ паекъ, кто нѣтъ. Столовая въ Тюйняшевѣ функціонируетъ три недѣли, всего на 30 человѣкъ, дѣтей и взрослыхъ.

Я не провѣрялъ, насколько справедливы всѣ эти сѣтованія, да дѣло, наконецъ, не въ единичныхъ уклоненіяхъ, если бы таковыя даже и допустить; но въ этихъ жалобахъ несомнѣнно выступаетъ одинъ наболѣвшій вопросъ: насколько мѣстное рабочее, именно женское населеніе имѣетъ, и имѣетъ ли право на продовольственную ссуду?—вопросъ, лишній разъ иллюстрирующій ту мысль, какъ неблагопріятно отзываются въ серіозномъ дѣлѣ колебанія и излишняя теоретичность въ его обсужденіи. Уфимское земство первоначально проектировало выдачу пайка на все нуждающееся населеніе, безъ различія пола и возраста; мѣстами такая выдача, дѣйствительно, и производилась въ первые мѣсяцы. Но съ конца октября правительство признало эту мѣру неправильною, и разрѣшена была выдача лишь малолѣтнимъ, старымъ и убогимъ, выдѣляя такимъ образомъ рабочее населеніе и допуская пособіе для послѣдней категоріи лицъ только въ крайнемъ случаѣ. Мотивы такого постановленія, разумѣется, ясны и понятны: здоровыя крѣпкія руки должны сами заработывать себѣ кусокъ хлѣба.

Однако, было упущено изъ виду одно немаловажное обстоятельство: если даже мужчина-работникъ, какъ мы уже имѣли случай видѣть, далеко не всегда находилъ работу, то тѣмъ затруднительнѣе оказывалось это для женщины Уфимской губерніи. Нуждающееся населеніе Белебеевскаго уѣзда почти исключительно башкирское. Какая же башкирка работница? Законъ предписываетъ ей скрываться отъ людей: куда же она пойдетъ на работу? Ей доступна лишь работа домашняя, не дальше предѣловъ своей деревни, т.-е. тамъ, гдѣ теперь никакой работы не найти.

Хорошо еще, что въ постановленіи министерства 19 октября предвидѣлись „крайніе случаи“, допускавшіе помощь рабочимъ, и именно женской половинѣ населенія. Это былъ выходъ, и нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ не замедлили имъ воспользоваться: у нихъ женщины въ нуждающихся дворахъ все время получали пособіе; зато по другимъ участкамъ, гдѣ нужда была, пожалуй, не менѣе, тамъ земскіе начальники не рѣшались столь широко понимать выраженіе: „крайніе случаи“, и тамъ положеніе нуждающихся семей было гораздо тяжелѣе, фактическая же неравноправность деревень поселяла чувство недовѣрія къ дѣйствіямъ мѣстныхъ властей. Между тѣмъ, съ каждой недѣлею становилось яснѣе, что выдѣлять женщину изъ категоріи ѣдоковъ невозможно, и уже 1 декабря уфимскій губернаторъ распорядился выдавать ссуду всѣмъ женщинамъ безъ исключенія. Но и тутъ, кажется, выдача производилась неодинаково: гдѣ съ декабря, а гдѣ съ января.

За Тюйняшевымъ идутъ Рафиково, Маскова, Ст. Думеева, Базыкуяново, Янтуганово, Уреметево, Иштерякъ... Всюду—тѣсныя избенки, гдѣ ребята смѣшаны въ одну кучу съ телятами и ягнятами: от-

сутствіе воздуха, свѣта... Есть конуры, буквально разсчитанныя на какихъ-то лилипутовъ, — во всякомъ случаѣ если не на дегенератовъ, то на особую породу людей. Вспоминаю въ Думеевой избенку, въ которой, если не считать печки и наръ, свободнаго пространства было положительно только полторы кв. сажени; здѣсь жило 4 человѣка. Въ Иштерякѣ еще хуже: тамъ пятеро въ теченіе *четырехъ* лѣтъ ютятся въ деревянномъ ящикѣ еще меньшихъ размѣровъ! Нары въ полтора аршина ширины занимаютъ переднюю часть избы отъ края до края; справа, сейчасъ у входа—большая печь; она вплотную прилегаетъ къ нарамъ; говорю вплотную, потому что узенькая щель между ними не можетъ служить даже проходомъ, и если поставить что нибудь въ печь, помѣшать золу и т. п., все это приходится дѣлать, взбираясь на нары.

Собственно, въ „комнатѣ“, стоя, помѣстится не болѣе трехъ-четырехъ человѣкъ: намъ вдвоемъ съ хозяиномъ уже было тѣсно. И подумать, что въ такой тѣснотѣ и полумракѣ (я забылъ добавить, что мизерное оконце, затянутое слюдой, еле-еле пропускаетъ свѣтъ) люди живутъ вотъ уже цѣлыхъ четыре года!..

Я знаю, подобная скученность, тѣснота, отсутствіе притока свѣжаго воздуха и свѣта—явленія и не въ голодный годъ довольно обычныя для Уфимской губерніи; но въ то же время едва ли кто станетъ спорить, что переносить нынѣшнюю нужду въ такой обстановкѣ гораздо труднѣе.

А нужда—во всѣхъ деревняхъ! Тамъ, слышишь, лошадь съѣли, тутъ ее продали: что заложено, что готовится быть отнесено на продажу... Всюду недохватка пайка; у кого осталась скотина—съ нею дѣлятся ссудою: безъ мучнаго мѣсива скотина плохо ѣстъ сѣно, тѣмъ болѣе солому. Столовыя на не-

большое число человѣкъ, да и устроены недавно, лишь съ января мѣсяца. Приходится изворачиваться. Одинъ башкирецъ откровенно признавался, что время отъ времени, благо лошадь есть, онъ ѣздитъ въ казенный лѣсъ: нарубитъ тамъ потихоньку дровъ и продаетъ ихъ безлошаднымъ семьямъ или такимъ, гдѣ хозяева ушли на заработки, а женщины сами въ лѣсъ поѣхать не могутъ—этимъ немного и поддерживаетъ себя, такъ какъ возъ дровъ все же фунтовъ 6—7 муки обезпечитъ ему.

Мѣстами не всѣ и паекъ получаютъ, хотя и должны бы, казалось: напримѣръ, вотъ этотъ башкирецъ, съ больною ногою въ Ст. Думеевой, а такихъ, завѣряетъ деревня, наберется человѣкъ 20. Не разъ слышишь заявленіе о необходимости пересмотра списка столующихся; правда, если не считать единичныхъ случаевъ, всѣ признаютъ, что записаны, дѣйствительно, очень бѣдные; при всемъ томъ внѣ помощи остались и такіе, что нуждаются, пожалуй, еще сильнѣе. Въ одной деревнѣ старшина и писарь составляютъ списки столующихся безъ схода, съ однимъ сотскимъ; въ другой — 4 дома посылаютъ по два человѣка, другіе же ни одного; а есть семьи, откуда въ столовую взяли четверыхъ и т. д., и т. д.

Я привожу эти факты не съ тѣмъ, чтобы отстаивать ихъ безусловную точность; я заранѣе готовъ допустить извѣстную субъективность сдѣланныхъ мнѣ заявленій; но общій характеръ показаній едва ли отъ этого существенно измѣнится. „Людей мало“,—вотъ на какую мысль снова наводятъ эти факты. Но отчего же мало? Не потому ли, что нужда еще не дошла до высшей степени напряженія? *Голода* въ собственномъ смыслѣ слова въ Белебеевскомъ уѣздѣ пока, дѣйствительно, нѣтъ; хлѣбъ съ лебедой и желудями ѣдятъ, дѣйствительно, далеко

не всѣ; больныхъ еще немного,—но неужели дожидаться, когда все это явится? Положеніе же мѣстнаго крестьянина съ каждымъ мѣсяцемъ становится все хуже и хуже; недостаточность пайка ведетъ къ распродажѣ имущества, и его съ каждымъ мѣсяцемъ становится все менѣе и менѣе. Когда въ ноябрѣ хлѣбъ былъ доставленъ несвоевременно, то тотчасъ же начались болѣзни: „пухли, сердцемъ хворали и животъ болѣлъ".

Дай Богъ, чтобы этотъ урокъ послужилъ на пользу. Впереди работы еще много и ея хватитъ на всѣхъ. Мнѣ пришлось слышать мнѣніе, что если уже нельзя теперь же открыть столовыя въ достаточномъ количествѣ, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ заготовить все необходимое къ тому времени, когда онѣ окажутся уже безусловно и все равно необходимыми, когда всякая недѣля промедленія отзовется на населеніи очень и очень тяжело и когда готовъ будешь прибѣгать къ самымъ экстреннымъ мѣрамъ, къ самымъ чрезвычайнымъ расходамъ, лишь бы только спасти человѣка. Мысль сама по себѣ, конечно, вѣрная,—но какою горькою насмѣшкою звучитъ она надъ нашими теперешними размѣрами помощи!..

X.

Красный Крестъ.

Общественное значеніе теперешней дѣятельности Краснаго Креста въ нуждающихся губерніяхъ. — Красный Крестъ подчеркнулъ серьезность положенія дѣла.—Отношеніе мусульманскаго населенія къ Красному Кресту.

Прежде чѣмъ окончательно покинуть Белебеевскій уѣздъ, позвольте еще сказать нѣсколько словъ о

Красномъ Крестѣ. Помнится, я уже не разъ указывалъ, что какъ ни скромна по своимъ размѣрамъ дѣятельность этого учрежденія, какъ ни велико еще число лицъ, не пользующихся его поддержкой,—но то, что сдѣлано, безусловно полезно, цѣнно и необходимо. Но значеніе Краснаго Креста—не въ одномъ этомъ. Едва ли будетъ большою нескромностью уже теперь заявить, что прошлою осенью, когда народная нужда опредѣлилась болѣе или менѣе вполнѣ и изъ области возможнаго ожидаемаго стала печальной и вмѣстѣ съ тѣмъ реальною дѣйствительностью, русское общество не особенно довѣрчиво относилось къ дѣятельности органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Имъ приписывалось желаніе умалить значеніе бѣды, представить ее въ болѣе слабой степени, чѣмъ она была въ дѣйствительности.

Въ этомъ убѣжденіи (я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько оно было основательно или неосновательно) прежде всего слѣдуетъ искать объясненія того, что появленіе на сцену Краснаго Креста было привѣтствовано въ обществѣ, какъ доказательство рѣшимости сдѣлать больше того, что до сихъ поръ было сдѣлано. Сознаніемъ этой рѣшимости, надо думать, были проникнуты и уполномоченные, отправляясь въ неурожайныя мѣста. Они являлись своего рода коррективомъ дѣятельности мѣстной администраціи. Самостоятельно поставленные, они самостоятельно и дѣйствовали, — разумѣется, стараясь всегда согласовать свои мѣры съ дѣйствіями другихъ органовъ, но проникнутые, думается, бо́льшимъ пессимизмомъ на положеніе вещей, чѣмъ представители другого вѣдомства.

Этотъ болѣе мрачный взглядъ и чувствуется въ ихъ мѣропріятіяхъ и отзывахъ... Ироническія замѣчанія, что представители Краснаго Креста смотрѣ-

ли на здѣшнюю нужду „петербургскими глазами", и найдя избу со снятой соломой на крышѣ, кричали „голодъ",—нельзя принимать во вниманіе: не слѣдуетъ забывать, что свой первый объѣздъ они совершили какъ разъ въ ту пору, когда нужда обострилась и особенно стало яснымъ несоотвѣтствіе оптимистическаго настроенія съ реальною дѣйствительностью. Это было, если не ошибаюсь, въ половинѣ ноября; бѣднота уже сидѣла безъ хлѣба; опорожненныя корчаги и кадушки зловѣще зіяли своею пустотой; мѣшки изъ-подъ муки въ видѣ ненужныхъ смятыхъ кусковъ холста безъ пользы валялись въ углу; голодъ уже начинался; дѣтвора носила уже рвань, а между тѣмъ осень переходила въ зиму. На сѣверѣ Белебеевскаго уѣзда появились болѣзни: цынготныя проявленія, что-то похожее на тифъ... А съ этимъ какъ разъ совпала задержка въ доставкѣ продовольственнаго хлѣба; къ сроку онъ не былъ доставленъ, и положеніе, дѣйствительно, становилось критическимъ.

Что заминка въ самомъ дѣлѣ была, въ этомъ насъ удостовѣряетъ и признаніе губернской администраціи, констатировавшей (2 декабря) „далеко несвоевременную выдачу ноябрьской ссуды за отсутствіемъ хлѣбныхъ запасовъ". *Далеко несвоевременная выдача*—въ переводѣ съ офиціальнаго языка на общежитейскій значило ни болѣе ни менѣе какъ то, что населеніе сидѣло безъ хлѣба.

И въ этомъ, конечно, громадная заслуга Краснаго Креста, что онъ подчеркнулъ серіозность положенія и принялъ необходимыя мѣры, насколько онѣ соотвѣтствовали его матеріальнымъ средствамъ. Устройство столовыхъ было важнымъ и необходимымъ подспорьемъ. Какъ ни мало ихъ, какъ ни необходимо удвоить, утроить число столующихся,— но то, что сдѣлано, остается несомнѣнно крупнымъ

благотворнымъ фактомъ. Повторяю: положительное значеніе помощи Краснаго Креста, какъ бы ни настоятельно необходимо было ея расширеніе,—стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія: одного правительственнаго пайка было бы совсѣмъ мало! Не даромъ же одинъ изъ земскихъ начальниковъ говорилъ, что закройся сегодня столовыя, и завтра же 25 проц. населенія его участка очутится въ самомъ критическомъ положеніи.

Преимущество Краснаго Креста—еще и въ томъ, что онъ обезпечиваетъ болѣе свободное распредѣленіе помощи и опредѣленіе ея размѣровъ, болѣе субъективную оцѣнку нужды, тогда какъ помощь правительственная неизбѣжно отлилась въ формы болѣе постоянныя; между тѣмъ, повторяю, нужда до-нельзя индивидуальна, подвержена постояннымъ колебаніямъ, и потому тѣ три-четыре тысячи рублей, что предоставлены на земскій участокъ, несомнѣнно являются большимъ благомъ для населенія.

Въ заключеніе одинъ маленькій куріозъ. Красный Крестъ офиціально въ глазахъ мусульманской части населенія именуется здѣсь попечительствомъ о пострадавшихъ отъ неурожая, въ силу секретнаго предписанія обходить въ сношеніяхъ съ мѣстными башкирами самое названіе Краснаго Креста. Недавняя всенародная перепись была тому причиной. Въ Уфимской губерніи она не обошлась безъ столкновеній,—мѣстами очень серіозныхъ,—между населеніемъ и администраціей. Въ народѣ пошли слухи, что перепись—лишь шагъ на пути насильственнаго перехода мусульманъ въ христіанство. Башкиры отказывались давать показанія, не пускали къ себѣ переписчиковъ,—такъ что понадобилось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ; одинъ изъ земскихъ начальниковъ (въ Мензелинскомъ уѣздѣ) былъ сильно избитъ и спасся отъ смерти благодаря лишь

чистой случайности *). Вотъ почему теперь опасались, какъ бы слово *крестъ* не вызвало снова нежелательныхъ опасеній насильственнаго крещенія **).

Не знаю, можетъ быть, кой-гдѣ эти опасенія и основательны, напримѣръ, въ наиболѣе глухихъ углахъ Белебеевскаго уѣзда, гдѣ башкиры живутъ сплошными деревнями, въ сторонѣ отъ русскихъ, зато въ Мензелинскомъ уѣздѣ дѣятельность Краснаго Креста враждебныхъ чувствъ не вызывала. Тамъ его знаютъ еще по голодному 1891—1892 году и прямо идутъ съ просьбою: „давай помощь отъ Краснаго Креста". Въ одной деревнѣ такого просителя спрашиваютъ:—А не боишься, что тебя крестятъ?

— Эхъ, бачка, былъ отвѣтъ: — теперь хоть два креста надѣнь, ничего; только корми,—больно ужъ тяжело!..

XI.

Организація сѣменной ссуды въ Уфимской губ.

Первые шаги.—Кредиты на обсѣмененіе; вопросъ о ихъ размѣрахъ; отсутствіе точныхъ основаній для рѣшенія.—Запозданіе въ доставкѣ.—Количество озимыхъ посѣвовъ.

Прежде чѣмъ говорить о мензелинскихъ впечатлѣніяхъ, я хотѣлъ бы первоначально остановиться на томъ,—съ чего, можетъ быть, мнѣ и слѣдовало

*) Его спасли два конокрада, недавно имъ же приговоренные къ наказанію: они опасались, что будь высказанное намѣреніе - утопить земскаго въ болотѣ—приведено въ исполненіе, первыми заподозрены были бы они же. Чуть не силой вырвали они жертву изъ рукъ разъяренной толпы, бросили на дровни и, прикрывъ ее своимъ тѣломъ, на которое щедро сыпались удары односельчанъ, вывезли изъ деревни.

**) Башкирецъ вообще не любитъ, когда его зовутъ крестьяниномъ; онъ предпочитаетъ прозвище „ясашный".

бы начать свои письма и что имѣетъ одинаковое отношеніе, какъ къ тому уѣзду, съ которымъ я уже васъ познакомилъ, такъ и къ другому, куда мы еще поѣдемъ: до сихъ поръ я ничего не сказалъ, какъ встрѣтили въ Уфимской губерніи надвигающуюся грозу, какія мѣры принимались для борьбы съ нею,—короче говоря, какова организація тѣхъ усилій, съ помощью которыхъ разсчитываютъ парализовать народное бѣдствіе.

Въ этомъ отношеніи печальный опытъ прежнихъ лѣтъ съ самого уже начала подсказалъ мысль о необходимости явиться во всеоружіи возможно заранѣе и подготовиться къ дѣйствіямъ, не дожидаясь, когда гроза разразится со всею своею силою. Вопросъ о мѣрахъ и способахъ дѣйствія былъ поставленъ на очередь еще въ самомъ началѣ прошлаго лѣта: 5 іюня 1898 г. особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ уфимскаго губернатора, признало серіозность положенія большей части Белебеевскаго и всего Мензелинскаго уѣздовъ; тогда же была констатирована и необходимость экстренной помощи правительства для осенняго обсѣмененія крестьянскихъ полей. Что до помощи продовольственной, то хотя о ней прямо еще и не говорили, но косвенно опасенія свои за невозможность населенію прокормиться самостоятельно совѣщаніе выразило тѣмъ, что постановило немедленно командировать статистиковъ для обслѣдованія въ названныхъ уѣздахъ нужды—одинаково и сѣменной, и продовольственной. Торопились уже по одному тому, что „опытъ борьбы съ неурожаями минувшихъ лѣтъ показалъ, что свѣдѣнія о дѣйствительныхъ размѣрахъ нужды отдѣльныхъ мѣстностей почти всегда запаздываютъ“, что не мало затрудняло одинаково и земскую управу, и губернскую администрацію въ обоснованіи своихъ ходатайствъ передъ правительствомъ.

Одновременно съ указаннымъ порученіемъ на статистиковъ возложено было и другое: выяснить, насколько окажется возможнымъ устроить общественныя работы,—мысль, иниціаторомъ которой, всего вѣроятнѣе, былъ уфимскій губернаторъ г. Богдановичъ, видѣвшій, какъ я имѣлъ уже случай отмѣтить, въ указанномъ направленіи одинъ изъ желательныхъ выходовъ изъ затруднительнаго положенія нуждающагося населенія. Наконецъ, собраніе постановило выяснить заодно и способы, какими можно было бы оказать содѣйствіе населенію при прокормѣ скота. Было также высказано пожеланіе и устройства дѣтскихъ столовыхъ.

Такова была въ общихъ чертахъ намѣченная программа, точнѣе выражаясь—намѣченные пункты и вопросы обсужденія. Практическое осуществленіе этой программы покажетъ намъ степень подготовленности мѣстныхъ дѣятелей и средства, бывшія въ ихъ распоряженіи, а равно и трудности, съ какими имъ приходилось считаться.

При вычисленіи размѣра необходимаго кредита предстояло прежде всего рѣшить довольно трудную диллему: на точномъ основаніи земскихъ продовольственныхъ правилъ 1884 г. сѣмянъ полагается выдавать по числу домохозяевъ въ селеніи, именно по 1 десятинѣ на дворъ, не больше; между тѣмъ, эта норма,—и безъ того крайне низкая,— въ особенности не соотвѣтствовала нуждѣ въ данное время. Напримѣръ, по вычисленіямъ мензелинской земской управы, нуждающихся дворовъ въ уѣздѣ было 49,800 (отбрасываю десятки и единицы). По правиламъ 1884 года, кладя по 8 пуд. на десятину, пришлось бы ходатайствовать всего о 400 тыс. пуд. ржи, на сумму (по 70 к. за пудъ) приблизительно 280 тыс. рублей. Но подъ посѣвъ населеніе подготовило въ 1898 г. 110,500 десятинъ,—они требовали

вдвое болѣе хлѣба, именно 884,000 пуд., на сумму 619 тыс. руб. На какой же изъ этихъ цифръ остановилось земское собраніе? Ни на той, ни на другой: оно вступило на путь компромисса, опредѣливъ 750 тыс. пуд. на сумму 525,000 р.,—очевидно, не желая рѣзко расходиться ни съ требованіями закона, ни съ требованіями жизни. Въ журналѣ постановленія мензелинскаго собранія не видно мотивовъ, заставившихъ его предпочесть именно послѣднюю цифру; но ихъ слѣдуетъ искать или въ опасеніи, что правительство все равно не утвердило бы высшаго размѣра,—какъ черезчуръ уже отступающаго отъ установленной нормы,—или въ опасеніи, что этотъ высшій размѣръ опредѣленъ, дѣйствительно, слишкомъ высоко.

Съ другой стороны сами цифры, собранныя мензелинскою земскою управою, допускали оспариваніе и могли быть признаны не совсѣмъ точными. Губернская управа, опираясь на другія данныя,— именно собранныя командированными въ уѣздъ статистиками, собиравшими ихъ въ тотъ же періодъ времени, устанавливала не 49,800 нуждающихся дворовъ, а уже 52,000, не 110,500 десятинъ подготовленной подъ посѣвъ земли, а 127,000. Но, подобно уѣздной управѣ, и губернская не рѣшилась хлопотать о пособіи на все количество заготовленныхъ паровъ: по ея проекту, полностію на посѣвъ получала лишь мелкота; дворы же, готовившіе двѣ и болѣе десятинъ пара, только на двѣ десятины и получали. По этому разсчету, общій размѣръ ссуды по Мензелинскому уѣзду сводился къ 814,000 пуд. на сумму 570 т. рублей для обсѣмененія 101,700 десятинъ.

Въ такомъ видѣ перешло ходатайство въ экстренное губернское собраніе. Тамъ двухдесятинная норма была принята почти единогласно; зато раз-

мѣръ самой ссуды вызвалъ оживленные споры,— причемъ опять чувствуется недостаточная твердость оснований, на какихъ дѣлались разсчеты. Я не хочу этимъ сказать, что твердая точка опоры для обсужденія дѣла непремѣнно могла быть найдена: пусть на это отвѣтятъ люди, ближе меня знакомые съ условіями мѣстной жизни; но во всякомъ случаѣ хотѣлось надѣяться, что „опытъ прежнихъ лѣтъ" хотя бы основные пункты вопроса сдѣлаетъ менѣе спорными.

Статистическое обслѣдованіе пострадавшихъ деревень производилось не подворно и поэтому не могло точно выяснить дѣйствительную площадь озимаго поля съ распредѣленіемъ ея между отдѣльными домохозяевами. За недостаткомъ времени пришлось ограничиться вопросами на сходахъ, а это могло установить лишь общую величину надѣльнаго и общественно-заарендованнаго поля, предназначеннаго къ озимому посѣву. Разработка полученныхъ этимъ путемъ данныхъ давала возможность установить лишь средній, существующій размѣръ озимаго поля въ данной общинѣ; если онъ оказывался менѣе 2 десятинъ, то его брали множителемъ для помноженія на число домохозяевъ и получали такимъ образомъ возможную (максимальную) среднюю площадь подлежащаго къ обсѣмененію озимаго поля у нуждающихся домохозяевъ этой общины: если же средній размѣръ превышалъ 2 десятины, то въ качествѣ множителя бралась во всѣхъ случаяхъ постоянная цифра, 2 десятины. Очевидно, при такихъ условіяхъ конечный подсчетъ совершенно точнымъ быть не могъ. При подворномъ изслѣдованіи онъ несомнѣнно уменьшился бы, такъ какъ въ каждомъ селеніи,—особенно по Мензелинскому уѣзду,—число домохозяевъ, сѣющихъ болѣе 2 десятинъ, не велико, сравнительно

съ тѣми, кто сѣетъ меньше. Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе и убыль рабочаго скота, павшаго или распроданнаго: она сильно отозвалась на уменьшеніи величины посѣвной площади, потому что многіе хозяева сдали свою землю въ аренду богачамъ и кулакамъ.

Все это лишало собраніе необходимой при обсужденіи точки опоры. Одни настаивали на уменьшеніи ссуды на цѣлую четверть, даже на треть; другіе, наоборотъ, желали удержать ходатайство управы въ силѣ, высказывая мысль, что есть много такихъ домохозяевъ, которые лишены надѣльной земли и въ счетъ не идутъ,—какъ не ревизскіе,—между тѣмъ, землю арендуютъ и въ ссудѣ поэтому тоже будутъ нуждаться; что далѣе, посѣвный хлѣбъ обойдется дороже 70 к. за пудъ; что при закупкѣ внѣ уѣзда понадобится дополнительный расходъ по его перевозкѣ и т. п.

Въ данномъ случаѣ интересно не столько то, на чьей сторонѣ правда, сколько самая возможность спора: то, что приходилось итти ощупью въ дѣлѣ, гдѣ все должно быть ясно и отчетливо. Послѣ долгаго обсужденія принята была управская цыфра—570 тыс. рублей, но едва-ли не потому, что (какъ выразился одинъ изъ гласныхъ) при невозможности выяснить, какая цифра заслуживаетъ бóльшаго довѣрія, слѣдуетъ принять высшую, такъ какъ въ случаѣ недобора—зла уже не поправить, излишекъ же кредита не освобождаетъ управу отъ обязанности быть крайне осторожною при назначеніи ссуды.

Ходатайство земскаго собранія о 570,000 рублей было уважено и на губернскую управу возложена закупка сѣменнаго хлѣба. Но управа не совсѣмъ справилась съ этой операціей: всего хлѣба она не поспѣла доставить къ сроку. Перекаты ли на Волгѣ

сіи помѣшали, малосильность ли зафрахтованныхъ пароходовъ—не берусь судить; но только въ результатѣ мѣстами, особенно въ пунктахъ, отдаленныхъ отъ рѣчныхъ пристаней и желѣзно-дорожныхъ станцій, хлѣбъ попадалъ въ руки крестьянъ въ концѣ августа, иногда даже въ первыхъ числахъ сентября, т. е. когда въ Уфимской губерніи озимые посѣвы обыкновенно бываютъ уже закончены. На счастье, небывало-теплая погода позволила отодвинуть конечный срокъ посѣва; но, въ виду неизвѣстности, населеніе,—кто только могъ,—спѣшило запастись покупными сѣменами, такъ что изъ общаго числа 101,700 десятинъ, причитавшихся на нуждающіеся дворы, казенною помощью воспользовались лишь 83,000 десятинъ.

Всеобщее стремленіе во что бы то ни стало засѣять свои пашни,—стремленіе, тѣмъ болѣе интенсивное, чѣмъ у кого сильнѣе былъ предыдущій недородъ хлѣбовъ,—разумѣется, не могло не отразиться на общемъ имущественномъ положеніи мѣстнаго крестьянина: для пріобрѣтенія сѣмянъ приходилось брать въ долгъ, за дешевую цѣну продавать скотину, закладывать движимость и т. п. Насколько раззорительно для заемщиковъ было пріобрѣтеніе долговыхъ сѣмянъ, можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія: при покупкѣ на деньги пудъ ржи обходился въ среднемъ 69 коп. (отъ 62 до 85); при покупкѣ же въ долгъ, тоже въ среднемъ,—91 коп. (отъ 73 до 1 руб. 20 к.), т. е. въ послѣднемъ случаѣ переплачивалось до 32% противъ рыночной цѣны.

Не всѣ зато и посѣялись: 6,472 десятины пошли подъ снѣгъ безъ зерна. Впрочемъ, надо замѣтить, что большинство ихъ оказалось у тѣхъ многосѣющихъ дворовъ, которые, помимо надѣла, арендуютъ еще и земли у частновладѣльцевъ. Значитъ все

же, хотя и съ большимъ напряженіемъ силъ, но почти всѣмъ,—за небольшимъ развѣ исключеніемъ,—удалось утилизировать приготовленные пары, и притомъ большею частію полностью.

Когда мы поставимъ другой вопросъ: всѣ ли домохозяева засѣвали *полностью* свои участки,—картина предстанетъ намъ гораздо менѣе утѣшительною. Въ моемъ распоряженіи—данныя, опубликованныя статистическимъ отдѣленіемъ уфимской губернской управы, по сообщеніямъ его корреспондентовъ,—но только за время, непосредственно слѣдовавшее за посѣвомъ, когда весь районъ не былъ еще обслѣдованъ, какъ слѣдуетъ. Это обстоятельство, конечно, требуетъ съ извѣстною осторожностью относиться къ приводимымъ ниже цифровымъ сопоставленіямъ; но прислушаться къ тому, что говорятъ эти цифры, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ. Изъ показаній названныхъ корресподентовъ явствуетъ, что въ 40 случаяхъ на 100 поля были засѣяны полностью, въ 28 случаяхъ осталась незасѣянною лишь одна шестая приготовленнаго хозяиномъ пара, въ 32 же случаяхъ незасѣянные участки оказываются болѣе или менѣе значительны по своимъ размѣрамъ—у кого четверть поля, у кого треть осталась лежать пустою, а у кого и еще больше: 32%—это вѣдь цѣлая треть изъ общаго числа озимаго посѣва! Другими словами, при всемъ напряженіи, при всемъ сознаніи важности обсѣменить свои поля, въ предстоящую жатву, будь даже хорошій урожай, цѣлая треть общаго сбора окажется все равно недостаточной для обычныхъ нуждъ крестьянской семьи,—тѣмъ болѣе что, не надо забывать, размѣръ правительственной ссуды нигдѣ не превышалъ двухдесятиннаго посѣва на дворъ.

Короче говоря, осенью 1899 г., даже при хорошемъ урожаѣ, не мало дворовъ окажутся не въ

состоянiи прокормиться своимъ хлѣбомъ въ предстоящую зиму. Впрочемъ, оговариваюсь еще разъ. Этотъ мрачный выводъ сдѣланъ на основанiи лишь небольшаго количества однородныхъ данныхъ, и, можетъ быть, дѣйствительность проявитъ себя гораздо милостивѣе къ и безъ того достаточно настрадавшемуся населенiю Уфимской губернiи. Дай-то Богъ!..

XII.

Организацiя продовольственной помощи въ Уфимской губ.

Кто имѣетъ право на ссуду и кто лишенъ ея.—Два теченiя: земское и правительственное.—Отмѣна прежнихъ постановленiй.—Устраненiе земства отъ закупки продовольственнаго хлѣба.

Вопросъ объ озимыхъ поляхъ далеко еще не былъ законченъ, а на очередь выступала новая забота, гораздо болѣе сложная и животрепещущая: о продовольствiи самого населенiя на предстоящую весну.

Первоначальные размѣры нужды,—по крайней мѣрѣ, насколько удалось ихъ выяснить при первыхъ справкахъ и разспросахъ въ iюнѣ мѣсяцѣ,—опредѣлялись слѣдующими цифрами: въ Белебеевскомъ уѣздѣ пострадало въ 30 волостяхъ (313 селенiй) 25,000 дворовъ, въ Мензелинскомъ (въ 31 волости) 52,000 дворовъ. Позже эти цифры пришлось увеличить,—особенно въ уѣздѣ Белебеевскомъ, гдѣ, повидимому, первая регистрацiя была произведена не столь обстоятельно. Дѣло было, впрочемъ, не въ одномъ количествѣ нуждающихся, но и въ степени самой нужды, въ выясненiи какъ широты охваченнаго района, такъ и той интенсивности, съ какою она проникла въ толщу народной жизни. Въ

этомъ отношенiи полученныя свѣдѣнiя были самыя печальныя,—чѣмъ, разумѣется, прежде всего, и объясняется та настойчивость, съ какою губернская земская управа указывала на необходимость придти на помощь *всѣмъ* нуждающимся, независимо отъ возраста и пола, и притомъ не до 1 iюля,—какъ это было почти вездѣ общепринятымъ терминомъ,—а за все время нужды, т. е. до 1 августа, вплоть до новаго урожая.

На включенiе *всѣхъ* нуждающихся особенно хлопотали мензелинцы, у которыхъ и вообще-то нужда давала себя знать гораздо чувствительнѣе. Но мысль эта встрѣтила отпоръ со стороны мѣстной администрацiи, находившей осуществленiе ея и невозможною въ силу финансовыхъ соображенiй, и нежелательною въ интересахъ народной нравственности. Въ противовѣсъ ходатайству мензелинскаго земскаго собранiя, уфимскiй губернаторъ выдвинулъ организацiю въ Мензелинскомъ уѣздѣ общественныхъ работъ, относя къ нимъ заготовку (осенью) и перевозку (зимою) матерiала для дорожныхъ въ уѣздѣ сооруженiй; постройки брандмауэровъ, запрудъ, колодцевъ, огнеупорныхъ крышъ и зданiй,—вообще работы по мѣрамъ безопасности отъ огня; далѣе, лѣсныя заготовки, перепашку полей, поврежденныхъ кобылкою, подготовку яровыхъ, постройку волостныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ; наконецъ, отхожiе заработки на большихъ заводахъ, куда могли бы быть направлены организованныя артели изъ нуждающихся мѣстностей, по соглашенiю съ управленiемъ этихъ заводовъ.

Губернаторъ основательно указывалъ на непрактичность проектированныхъ земствомъ работъ: устройство подъѣздной желѣзной дороги отъ пристани Челны, на Камѣ, къ одной изъ станцiй Самаро-Златоустовской дороги; разработку торфяни-

ковъ; разведеніе лѣса на водораздѣлахъ—въ лучшемъ случаѣ, говорилъ онъ, всѣ эти три категоріи ранѣе весны будущаго года матеріала для работъ населенію дать не могли бы; но опытъ показалъ, что и его собственныя предположенія,—начертанныя хотя и въ болѣе скромныхъ рамкахъ, осуществились на практикѣ далеко не въ той степени, какъ это ему представлялось возможнымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Между тѣмъ размѣры предстоящей нужды выростали все явственнѣе и несомнѣннѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ новыя обслѣдованія мѣстныхъ статистиковъ дали возможность съ большею точностью опредѣлить и цифровыя данныя этой нужды и замѣнить ими прежніе гадательные и лишь приблизительные подсчеты. Напримѣръ, по Белебеевскому уѣзду, въ началѣ іюля губернская управа могла выяснить продовольственную нужду лишь по аналогіи съ нуждою сѣменною: она принимала, что тѣ же 25,000 домохозяевъ будутъ нуждаться и въ продовольственной помощи, что въ каждой семьѣ въ среднемъ по 4 человѣка, что ссуда потребуется въ теченіе 10 мѣсяцевъ (по 30 фун. на человѣка въ мѣсяцъ) и что выдаваться будетъ она одинаково рабочимъ и нерабочимъ—выходило 500,000 пуд. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ разсчитывали ссуду на двѣ трети всего крестьянскаго населенія (340,000 чел.), на тотъ же срокъ и въ томъ же объемѣ на каждаго пайщика—выходило минимумъ 1.700.000 пуд.

Но меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ почти всѣ эти цифры пришлось существенно передѣлать. Во 1-хъ, вышло распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, установлявшаго нормою мѣсячной ссуды не 30, а 35 фун.; во 2-хъ, число нуждающихся дворовъ опредѣлилось въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ 60,000, а въ Белебеевскомъ, вмѣсто предположенныхъ

25,000—въ 52,000. Выяснилось также и то, какъ долго будетъ въ состояніи населеніе прокормиться своимъ хлѣбомъ; я уже отмѣчалъ раньше, что белебеевцы остались безъ хлѣба черезъ 109, а мензелинцы черезъ 36 дней.

Само собою, все это совершенно измѣнило прежніе разсчеты. Уфимское земство на одно только нерабочее населеніе увидало необходимымъ назначить: въ Белебеевскомъ уѣздѣ (на 160,000 человѣкъ) 1.200,000 пуд., а въ Мензелинскомъ (на170,000 чел.)—1.650,000 пуд.; если же кормить и рабочихъ,—что̀, по его мнѣнію, представлялось крайне настоятельнымъ,—то до 2.250,000 пуд. въ первомъ изъ названныхъ уѣздовъ (300 т. чел.) и до 3.330,000—во второмъ (340 т. чел.).

Удалось ли земцамъ отстоять свои разсчеты? Мы видимъ, что ихъ пожеланія сводились къ двумъ пунктамъ: кормить населеніе вплоть до новаго урожая, и притомъ кормить *всѣхъ* нуждающихся, какого бы пола и возраста они ни были. Нельзя не признать, что съ точки зрѣнія административныхъ традицій пожеланія эти выходили далеко за предѣлы допустимаго; но первое время, казалось, они будутъ недалеки отъ осуществленія. 8 августа въ Уфѣ состоялось экстренное совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, гофмейстера Кабата, при участіи губернатора, представителей земства и административныхъ учрежденій. Въ зависимости отъ состава, не безъ значенія тотъ фактъ, что собраніе,—хотя и отклонило ходатайство о пособіи вплоть до новаго урожая,—установивъ предѣльный срокъ 9 мѣсяцевъ, зато вполнѣ приняло необходимость включить въ число ѣдоковъ и лицъ рабочаго возраста. По этому разсчету на Мензелинскій уѣздъ приходилось 2.700,000 пуд., а на Белебеевскій—

820,000 пуд. Послѣдняя цифра несоразмѣрно мала съ подсчетомъ губернской управы, но надо думать что послѣдняя къ 8 августа не могла еще представить совѣщанію новѣйшаго разсчета, а лишь тотъ старый, по которому цифра нуждающихся опредѣлялась лишь въ 25.000 дворовъ *).

Губернская управа тѣмъ не менѣе продолжала отстаивать свою точку зрѣнія и внесла свои исчисленія (3 м. 300 т. и 2 м. 250 т.) на усмотрѣніе сентябрскаго экстреннаго губернскаго земскаго собранія. На этомъ собраніи постановленія совѣщанія 8 августа особенно отстаивалъ уфимскій губернаторъ,—впрочемъ лишь по отношенію уѣзда Мензелинскаго,—такъ какъ размѣры белебеевской нужды успѣли опредѣлиться значительно шире и далеко вышли за предѣлы 25,000 дворовъ. Г. Богдановичъ ставилъ на видъ, что нѣкоторый запасъ хлѣба въ магазинахъ, заработокъ на предположенныхъ и безусловно осуществимыхъ дорожныхъ земскихъ и лѣсныхъ казенныхъ работахъ,—далѣе, продажа мелкаго скота, посторонніе заработки и др.—даютъ возможность удержать для мензелинцевъ норму, установленную по соглашенію съ г. Кабатомъ, тѣмъ болѣе что,—добавилъ г. губернаторъ,—

*) 3 м. 300 т. пудовъ по Мензелинскому уѣзду вытекаютъ изъ разсчета управы на 340 т. (собственно 343 т.) чел., въ теченіе тѣхъ 11 мѣсяцевъ (329 дней), безъ которыхъ населеніе вынуждено было сидѣть безъ своего хлѣба; такимъ образомъ ежемѣсячная ссуда опредѣлялась въ 300 т. пуд. Сбавка, сдѣланная собраніемъ на два мѣсяца, и понизила общій размѣръ продовольствія до 2.700.000 пуд. Въ той же пропорціи опредѣлена и ссуда белебеевцамъ, на 25 т. дворовъ, иначе на 100 т. человѣкъ. (Выше мы видѣли, что управа здѣсь считала въ семьѣ среднимъ числомъ по 4 человѣка). Считаю долгомъ оговориться, что прямыхъ указаній на мотивы, коими руководилось собраніе 8 августа, въ имѣющихся у меня матеріалахъ не дано, заключеніе сдѣлано изъ сопоставленія однихъ цифръ съ другими.

„хлѣбъ для Мензелинскаго уѣзда, именно въ этомъ размѣрѣ (т.-е. 2 м. 700 т.), на основаніи приведенныхъ заключеній земства, уже разрѣшенъ къ отпуску и въ значительной мѣрѣ уже закупленъ".

Белебеевскому уѣзду онъ предлагалъ назначить 1.800,000 пуд.

Особая комиссія, избранная земскимъ собраніемъ для обсужденія этого вопроса, приняла во вниманіе сдѣланныя заявленія и, руководясь также заявленіями предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ о возможности дальнѣйшаго сокращенія, остановилась на предложенныхъ губернаторомъ цифрахъ, для Белебеевскаго уѣзда даже понизивъ ихъ до 1.670,000 пуд. Въ этихъ размѣрахъ она надѣялась прокормить рабочую часть нуждающагося населенія до 1 іюля, а нерабочую—по 1 августа 1899 г.

Вопросъ, повидимому, былъ исчерпанъ. Два теченія,—земское, въ заботахъ объ обезпеченіи максимума правительственной поддержки и какъ ходатай прежде всего за интересы *своего* района, и правительственное, въ заботахъ о томъ, какъ бы не навалить на плечи государства непосильное бремя и въ опасеніи, что широкая экономическая помощь пагубно отразится въ отношеніи моральномъ,—два эти теченія сошлись и, можетъ быть, не безъ труда, путемъ взаимныхъ уступокъ, пойдя по пути компромисса, нашли возможнымъ болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшить свои нужды и требованія. Совѣщаніе 8 августа, подъ предсѣдательствомъ г. Кабата, своими постановленіями давало даже право предполагать, что лица, отъ которыхъ зависѣли окончательныя рѣшенія (на это, конечно, и слѣдовало надѣяться), даже и не думаютъ противополагать интересовъ земскихъ интересамъ государственнымъ. Однако, два мѣсяца спустя, распоряженіемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, въ личный пріѣздъ его

въ Уфу (19 октября), рабочее населеніе пострадавшихъ мѣстностей было изъято изъ числа ѣдоковъ, имѣющихъ право на ссуду, а вопросъ о лѣтнихъ мѣсяцахъ оставленъ открытымъ. Въ результатѣ Мензелинскій уѣздъ, вмѣсто первоначально опредѣленныхъ 2.700,000 пуд., получалъ только 1.310,000 до 1 мая; соотвѣтственно этому понижена была и белебеевская ссуда.

Но уфимское земство ждала еще другая неожиданность. Не разъ упомянутое совѣщаніе 8 августа постановило, чтобы закупку продовольственнаго хлѣба взяла на себя губернская управа, съ тѣмъ чтобы произвести ее до закрытія навигаціи текущаго года. На рр. Камѣ и Бѣлой намѣчены были пристани (Смыловка, Челны, Азекуль) для свозки хлѣба, какъ наиболѣе удобные пункты для развозки его отсюда по уѣзду; намѣчены были также лица для собиранія свѣдѣній о цѣнахъ и о мѣстахъ будущей закупки—какъ совершенно неожиданно губернаторъ сообщилъ управѣ, что, по распоряженію министерства, заготовку хлѣбной пропорціи будетъ производить не она, а органы правительственные.

Я не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса, кто могъ удачнѣе исполнить намѣченную программу, земство или правительство; мнѣ достаточно лишь указать на одно большое преимущество закупки земской: она была въ интересахъ самого бѣдствующаго населенія. Во 1-хъ, часть всей операціи могла быть совершена съ помощью наличныхъ въ краѣ запасовъ; а во 2-хъ, это послѣднее обстоятельство давало возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ лучшей организаціей привлечь къ участію въ заготовкѣ нуждающееся населеніе и дать ему столь необходимый ему заработокъ. Удивляться наличности хлѣбныхъ запасовъ на мѣстѣ нечего: скопле-

ніе его въ немногихъ рукахъ менѣе зависитъ отъ урожая, чѣмъ отъ причинъ обще-экономическаго характера. Что хлѣбъ былъ—доказательствомъ служатъ закупки, сдѣланныя, напримѣръ, по Мензелинскому уѣзду Краснымъ Крестомъ (до 100 тысячъ пудовъ) и управою (свыше 350 тыс.). Хлѣба свободнаго и теперь еще довольно: мнѣ называли одну фирму (въ Смыловкѣ), готовую выпустить на рынокъ до 900 тысячъ пуд. Если же хлѣботорговцы поприпдерживаютъ товаръ, то потому что вывозъ его на-сторону не окупитъ издержекъ перевоза, на мѣстныхъ же рынкахъ кромѣ мелкихъ партій никакой запродажи пока нельзя сдѣлать.

Мнѣ неизвѣстны проекты и разсчеты по Белебеевскому уѣзду, но по Мензелинскому—мѣстное земство намѣревалось закупить до полумилліона пудовъ, при чемъ продавецъ обязывался неустойкою въ случаѣ несвоевременной поставки на вышеупомянутыя три пристани. Правда, цѣна опредѣлялась по 78 коп. за пудъ (на двѣ копѣйки дороже, чѣмъ закупало министерство): кромѣ того, земство просило, чтобы плата за развозку хлѣба была назначена не ниже $^1/_8$ коп. съ пудоверсты, министерство же не давало больше $^1/_{10}$.

Разумѣется, трудно говорить, что вышло бы, если бы заготовка хлѣба была возложена на земство; но что вышло теперь, это я надѣюсь показать въ слѣдующемъ письмѣ.

XIII

Организація продовольственной помощи въ Уфимской губ.

(окончаніе)

Организація перевозки хлѣба изъ Спасскаго Затона въ Мензелинскій уѣздъ.—Подводная повинность.—Отдѣльные случаи безурядицы.

Хлѣбъ, закупленный для Мензелинскаго уѣзда агентами министерства финансовъ въ южныхъ губерніяхъ, во-время доставленъ на мѣсто не былъ: бо́льшая часть его замерзла въ Спасскомъ Затонѣ, откуда его пришлось потомъ развозить гужемъ съ большими затратами для казны и населенія.

Изъ Спасскаго Затона (все дальнѣйшее относится исключительно до Мензелинскаго уѣзда) хлѣбъ везли по Казанской губерніи въ два пограничныхъ пункта—дер. Ямашъ и Шереметево, гдѣ и сдавали мензелинскимъ возчикамъ. Перевозка хлѣба для нуждающагося населенія была признана обязательною для него повинностью и должна была производиться каждою деревнею по наряду. Порядокъ былъ выработанъ такой. Уѣздная земская управа, при посылкѣ соотвѣтственныхъ ордеровъ, сообщала земскимъ начальникамъ, когда, куда именно (въ Ямашъ или Шереметево) и какое количество подводъ должно быть ими отправлено за хлѣбомъ; земскіе же организовали по каждой деревнѣ артели возчиковъ, въ свою очередь, выбиравшихъ изъ своей среды артельнаго старосту. На всемъ пути слѣдованія устраивались по деревнямъ, такъ называемые, кормежные пункты (по возможности на разстояніи 50 верстъ одинъ отъ другого), гдѣ

возчики, по установленнымъ цѣнамъ, получали заранѣе отмѣченное въ артельныхъ книжкахъ количество сѣна и соломы для своихъ лошадей (12 ф. овса и 10 фун. сѣна на лошадь). Этими пунктами завѣдывали специальные приказчики, а жители деревень обложены были квартирною повинностью: обязанностью давать возчикамъ ночлегъ не дороже 3 к. за единовременный постой. На предварительные расходы дозволялось выдавать артелямъ впередъ, въ видѣ задатка, часть провозной платы, не свыше, однако, одной десятой всей причитающейся суммы.

По сдѣланному разсчету, Спасскій Затонъ поставлялъ на Мензелинскій уѣздъ 819,000 п.: 200 т. черезъ Шереметево и 619 т. черезъ Ямашъ, при содѣйствіи казанскаго земства, бравшаго на себя доставку хлѣба къ границѣ своей губ. Организовать перевозку восьмисотъ тысячъ пудовъ по всему обширному району уѣзда,—притомъ въ такую исключительно бѣдственную годину,—конечно, было дѣломъ не шуточнымъ. Въ предѣлахъ одного лишь Мензелинскаго уѣзда понадобилось заготовить 207,600 пуд. овса и 173,000 пудовъ сѣна, на сумму (въ круглыхъ цифрахъ) 256 тысячъ рублей (овесъ обходился въ 90 к., сѣно въ 40 к. за пудъ, съ доставкою на мѣсто. Высокая цѣна сѣна въ значительной степени объясняется удаленностью трактовъ отъ сѣнокосныхъ мѣстъ).

Но расходъ далеко не ограничивался одною названною цифрою: эти $^1/_4$ милліона рублей шли на оплату лишь фуража, потребнаго для извозной лошади,—надо же было оплатить и трудъ самого возчика, его личные расходы. Мы уже видѣли, что первоначально министерство положило вознагражденіе возчикамъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ коп. съ пудоверсты, при чемъ первыя 50 верстъ считались безплат-

ными. Въ свое время мензелинское земство хлопотало о $^1/_8$ к., но ему было отказано. Между тѣмъ теперь, когда дѣло дошло до перевозки, пришлось не только согласиться на $^1/_8$, но и поднять провозную плату до $^1/_7$: настолько поднялись самыя цѣны на жизненные продукты, на сѣно и овесъ.

Мнѣ кажется, у земства были основанія утверждать, что будь перевозка хлѣба по проектированной имъ цѣнѣ предоставлена ему, у него была бы возможность организовать ее съ большею пользою для населенія: во-время было бы оказано содѣйствіе лошаднымъ хозяйствамъ; тогда какъ теперь даже $^1/_7$ к. съ пудоверсты является цѣною низкой, потому что распродажа скота уже началась: многіе остались безъ лошадей, вообще весь обиходъ хозяйства значительно успѣлъ расшататься.

Ямашъ и Шереметево лежатъ на югозападной границѣ Мензелинскаго уѣзда. Если вспомнить, что самый уѣздъ тянется съ СВ. на ЮЗ., то легко понять, что трудно было обстоятельствамъ сложиться болѣе неблагопріятно: уже центральныя, южныя и сѣверо-западныя волости расположены отъ исходнаго пункта развозки не близко; восточныя же и сѣверо-восточныя верстъ на полтораста и болѣе. Есть пункты, отстоящіе отъ Ямаша и Шереметева на 185 верстъ. Провозъ туда одного пуда (135 платныхъ верстъ), въ предѣлахъ лишь Мензелинскаго уѣзда обойдется казнѣ въ 20 к.; если же прибавить сюда провозъ по Казанской губ. (27 к.), то окажется, что цѣна хлѣба, закупленнаго по 76 к., на дѣлѣ повышалась въ юго-западныхъ волостяхъ до 1 р. 3 к.—1 р. 5 к.; въ наиболѣе же отдаленныхъ отъ Ямаша—до 1 р. 23 коп. за пудъ. Нельзя не признать, что развозись хлѣбъ изъ Смыловки, Челновъ и Азекуля,—какъ это проектировало земство, —самые отдаленные пункты въ уѣздѣ отъ этихъ

пристаней не отстояли бы далѣе 20—50 верстъ, и приплата къ 78 к. не превысила бы поэтому 3—7 коп.: изъ общаго числа 31 волости всего какимъ-нибудь восьми, девяти пришлось бы везти далѣе 50 верстъ отъ исходнаго пункта, и, значитъ, вмѣсто нынѣшнихъ 1 р. 3 к.—1 р. 23 к. хлѣбъ стоилъ бы 78—85 к. Вообще, если принять нынѣшнюю переплату въ среднемъ по 30 коп. на пудъ, то на 819,000 пуд. это составитъ новыя $^1/_4$ милліона руб.

На ряду съ такою крупною цифрою, конечно, большой роли не могутъ играть расходы въ родѣ устройства кормежныхъ пунктовъ (2,000 руб. на 10 пунктовъ), разъѣзды и жалованье завѣдующему этими пунктами (600 р.), трата на мѣшки (около 15,000 р.), наконецъ, аналогичные расходы казанскаго земства,—а все же тамъ, гдѣ каждая копѣйка имѣетъ значеніе, и это что-нибудь да значитъ.

Одна седьмая копѣйки сама по себѣ—цѣна очень удовлетворительная, если бы не первыя 50 верстъ; провезти 50 верстъ даромъ, значитъ, на каждый возъ (20 пуд.) недобрать 1 р. 40 к. Вотъ почему тамъ, гдѣ возка хлѣба производится не по наряду, а по найму,—желающихъ масса. Белебеевцы, напримѣръ, возятъ сѣменной хлѣбъ съ желѣзной дороги не для себя, а въ Мензелинскій уѣздъ по той же $^1/_7$ к.,—но безъ вычета 50 верстъ,— и тамъ отбоя нѣтъ отъ желающихъ. Но тѣ же белебеевцы, развозя хлѣбъ себѣ, возятъ его, подобно мензелинцамъ, въ убытокъ. Насколько тяжела эта подводная повинность, мы уже отчасти видѣли раньше,—будемъ имѣть случай присмотрѣться и при дальнѣйшемъ объѣздѣ Уфимской губерніи. Перерасходъ обыкновенно раскладывается на всю деревню: въ извѣстную артель берутся лошадные хозяева, безлошадные же за доставку пайка расплачиваются изъ этого послѣдняго. Очевидно, при такомъ условіи

гужевая доставка всѣмъ бременемъ ложится преимущественно на бѣднѣйшую часть населенія, потому что средній хозяинъ, прокармливая извозомъ свою лошадь, до извѣстной степени еще поддерживаетъ этимъ себя.

Развозка сѣменнаго хлѣба на предстоящую весну обставлена въ денежномъ отношеніи для Мензелинскаго уѣзда нѣсколько лучше. Хлѣбъ со станцій Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, „Абдулина" и „Давлеканово", доставляется въ село Шуганъ, лежащее на южной границѣ: обладая болѣе центральнымъ (сравнительно съ Ямашемъ и Шереметевымъ) положеніемъ, Шуганъ поэтому и не вызываетъ дополнительныхъ расходовъ въ такомъ количествѣ, какъ тѣ два села.

Къ сожалѣнію, тяжелыя стороны подводной повинности сказываются не на одномъ этомъ. Можно заранѣе предвидѣть разнаго рода недоразумѣнія, оплошности, несвоевременныя выдачи, простои и т. п. Было бы утрировкою обобщать такія явленія, но въ то же время одинаково ошибочно закрывать на нихъ глаза и совершенно игнорировать ихъ. Приходитъ, напримѣръ партія возчиковъ въ Шереметево съ ордерами, а тамъ никакого хлѣба по нимъ нѣтъ; возчики стоятъ задаромъ нѣсколько дней и, конечно, проѣдаются. Другая партія,—на этотъ разъ очень почтенныхъ размѣровъ, въ 360 человѣкъ,—въ томъ же Шереметевомъ простояла 10 дней, тоже въ напрасномъ ожиданіи. Существовать какъ-нибудь да надо же, и вотъ казнѣ пришлось поплатиться 720 рублями, выданными въ формѣ кормовыхъ по 20 коп. въ день на человѣка. Но 20 к. лишь подспорье, не больше: на такую субсидію при теперешнихъ цѣнахъ мужику съ лошадью въ пути не пропитаться, и въ результатѣ— добавочные расходы, на этотъ разъ уже изъ собственныхъ скудныхъ средствъ.

Наконецъ, вотъ еще однородный и, пожалуй, еще болѣе рѣзкій примѣръ. Одной деревнѣ, лежащей въ центрѣ уѣзда, пришли ордера на вывозку сѣменнаго хлѣба изъ Шугана. Земскій начальникъ распорядился отправкою артели; но въ это время земская управа узнаетъ, что намѣченная партія хлѣба въ Шуганѣ числится только на бумагѣ, на дѣлѣ ея еще нѣтъ. Тогда она отправила въ догонку земскому начальнику предупрежденіе, но послѣдній былъ уже въ разъѣздахъ по участку, и лицо, посланное къ нему, его не застало. Вмѣсто того, чтобы ѣхать на перерѣзъ возчикамъ, это лицо отправилось въ Шуганъ, гдѣ и нашло ихъ, сидѣвшихъ, конечно, безъ дѣла. Въ виду того, что сидѣть тутъ они могли неопредѣленно долго, возвращать же подводы обратно въ деревню по многимъ обстоятельствамъ было неудобно и нежелательно, ихъ направили въ Челны, на другой конецъ уѣзда, гдѣ были запасы хлѣба у частныхъ торговцевъ; но направили безъ соотвѣтственныхъ бумагъ. Въ Челнахъ положеніе несчастныхъ возчиковъ лучшимъ не стало. Въ Шуганѣ у нихъ были всѣ бумаги правильно выправленныя, но не было хлѣба; здѣсь хлѣбъ былъ налицо, но не было нужныхъ бумагъ. Лишь благодаря ходатайству мѣстнаго земскаго начальника,—который понялъ, что тутъ произошло недоразумѣніе, и повелъ дѣло на свою личную отвѣтственность, — хлѣбъ былъ выданъ, иначе бѣднымъ мужичкамъ пришлось бы и этотъ конецъ продѣлать понапрасну. Спрашивается, кто же имъ заплатитъ за безрезультатную поѣздку въ Шуганъ (послѣдній находится отъ ихъ деревни ближе 50 верстъ и потому никакихъ подъемныхъ не выдавалось), равно какъ и за путь отъ Шугана до Челновъ,—путь, который крестьяне тоже продѣлали на свой счетъ?..

XIV.

Мензелинскій районъ.

„Неурожай“ или „голодъ“?—Въ городѣ Мензелинскѣ; наплывъ мужиковъ изъ деревень.—Особенности Мензелинскаго уѣзда: помѣщичьи крестьяне; цѣны на продукты; начало тифа.

До сихъ поръ мы ѣхали „по неурожайнымъ мѣстамъ“,—съ Мензелинскаго уѣзда пошли уже прямо *голодныя*. Вы, вѣроятно, замѣтили, что до сихъ поръ я очень осторожно употреблялъ слово „голодъ“. Я сознательно старался смотрѣть на вещи возможно болѣе оптимистически, охотно останавливаясь на явленіяхъ свѣтлаго рода. Хотя съ самаго уже начала поѣздки я почувствовалъ, что ѣду именно *на голодъ*, однако названіе своимъ статьямъ я далъ намѣренно то, подъ какимъ онѣ теперь появляются въ „С.-Пет. Вѣд.“: мнѣ хотѣлось лишить другихъ какого бы то ни было повода думать, что я нарочно сгущаю краски или сознательно подчеркиваю оборотную сторону медали. Но теперь, въ предѣлахъ Мензелинскаго уѣзда, ни о какомъ „подчеркиваніи“ не можетъ быть и рѣчи. „Неурожайныя мѣста“—понятіе слишкомъ слабое для этого несчастнаго района, и если вы вздумали бы передѣлать заголовокъ моихъ статей, замѣнивъ въ немъ „голодными“ соотвѣтственное прилагательное, то это отнюдь не будетъ натяжкой или утрировкой. Называть въ настоящую пору Мензелинскій уѣздъ только „неурожайнымъ мѣстомъ“,—граничило бы, пожалуй, даже съ неумѣстной проніей, служа по меньшей мѣрѣ выраженіемъ черстваго сердца, упрямымъ нежеланіемъ видѣть явленія такими, каковы они есть.

Я пріѣхалъ въ Мензелинскъ глухою ночью, остановился въ гостинницѣ, а вставши, тотчасъ же поѣхалъ въ земскую управу, гдѣ и просидѣлъ все утро. Въ гостинницѣ я не успѣлъ не только „прописаться", но даже и назвать своей фамиліи, а между тѣмъ, вернувшись изъ управы, я узнаю, что ко мнѣ уже приходили просители, хлопотавшіе о пособіи. Полагая, что это—просто недоразумѣніе, я обратился за разъясненіями къ коридорному, не смѣшали ли меня съ какимъ-нибудь офиціальнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе. что наканунѣ еще изъ города выѣхалъ въ уѣздъ одинъ изъ мѣстныхъ представителей Краснаго Креста. Но коридорный упорно подтверждалъ, что приходили именно ко мнѣ.

— Да почему они знаютъ, кто я такой?

— Пріѣхалъ, говорятъ, чиновникъ: можетъ, пособіе окажетъ, милость свою проявитъ.

Я напустился было на своего Абдуллу, который съ самаго Белебея служилъ мнѣ въ качествѣ переводчика, человѣка хорошо знающаго мѣстныя условія жизни и не мало облегчившаго мнѣ сношенія съ башкирскимъ населеніемъ; у меня мелькнула было мысль, не подалъ ли онъ какого повода; но съ первыхъ же словъ честнаго и вѣрнаго татарина мнѣ стало яснымъ, что я ошибался на его счетъ.

Тогда я поспѣшилъ завѣрить коридорного, что передъ нимъ—самый обыкновенный смертный, безъ малѣйшаго намека на какія либо полномочія, и просилъ предупредить объ этомъ всѣхъ, кто вздумалъ бы явиться ко мнѣ снова въ качествѣ „просителей". Однако, передъ вечеромъ вторично собираясь выѣхать, я наткнулся въ сѣняхъ на группу мужиковъ, повидимому, меня поджидавшихъ и сдѣлавшихъ робкое движеніе остановить меня. Но я, конфузясь необычной роли, въ которую меня облекали, малодушно шмыгнулъ мимо нихъ. Однако

и на слѣдующее утро у крыльца стояла новая толпа,—и притомъ тутъ были и новые мужики, не одни вчерашніе. Они переминались въ нерѣшительности. И вотъ стоило лишь задать имъ вопросъ: „что вамъ, братцы?“ чтобы въ отвѣтъ услышать печальную, неприкрашенную повѣсть, нескончаемый рядъ унылыхъ показаній на одну и ту же невеселую тему...

Глухая деревня, ничтожный надѣлъ, полный неурожай; никакихъ заработковъ; скотина на половину распродана; домашняя шарабора, что еще представляетъ какую цѣнность,—въ закладѣ или снесена въ городъ на базаръ; ребята голышемъ сидятъ на печи, бабы воютъ или бьются о стѣну.

— Отощали мы, батюшка баринъ,—совсѣмъ безъ хлѣба сидимъ; такъ вотъ и живемъ отъ пайка до пайка, а его развѣ что на полмѣсяца хватаетъ. И побираться-то стало негдѣ; у всякаго своя кадушка пустая стоитъ. Вотъ только и есть одёжа ,что на себѣ. Посылали было насъ на работу, такъ несподручна оказалась: изъ силъ выбились, проѣлись,—почитай, что и хуже вышло, что ходили. А дома совсѣмъ ходь пропадай!

И сколько потомъ, во всю поѣздку по Мензелинскому уѣзду, приходилось мнѣ натыкаться на яркое подтвержденіе сказанному! Чуть не каждый домъ въ любой деревнѣ могъ служить прекрасною иллюстраціей словамъ этихъ несчастныхъ „просителей“. Они идутъ въ городъ въ смутной надеждѣ хоть на какую помощь, хоть на какой-нибудь заработокъ. Толкнутся къ земскому,—а тотъ говоритъ: дожидайтесь пайка; да и что опять тому остается иного, когда онъ, кромѣ ордеровъ, ничего и выдать имъ не можетъ? Толкнутся къ батюшкѣ—съ тѣмъ же результатомъ; въ земской управѣ и безъ нихъ отбоя нѣтъ отъ голодныхъ; ищутъ работы на базарѣ—

и тамъ ихняго брата хоть отбавляй... Вотъ тутъ и выбирай, что лучше: тащиться ли въ городъ или сидѣть дома въ холодной избѣ и смотрѣть съ мучительнымъ сознаніемъ своего безсилія на голодныхъ ребятъ...

Мензелинскій уѣздъ,—подобно сосѣднему Белебеевскому, и даже еще болѣе,—исключительно земледѣльческій; отхожіе промыслы здѣсь не развиты, и населеніе кормится почти единственно отъ одной земли. Крестьянскіе надѣлы весьма неодинаковы по своимъ размѣрамъ: башкиры—вотчинники и припущенники, какъ и въ Белебеевскомъ, владѣютъ отъ 6 до 15 десятинъ на душу; крестьяне государственные отъ 4 до 7. Но кромѣ нихъ здѣсь не мало и барскихъ, съ такъ-называемою дарственною землею. Помѣщичьи земли занимаютъ не послѣднее мѣсто въ Мензелинскомъ уѣздѣ; изъ нихъ-то, при освобожденіи крестьянъ, и нарѣзывали дарственные участки,—иные размѣромъ не болѣе 1 десятины съ осминникомъ. Обольстившись заманчивою перспективою быть на будущее время свободными отъ выкупныхъ платежей, многіе изъ крестьянъ предпочли ничтожный кусокъ болѣе крупному и теперь хоть и каются, да уже поздно.

Бывшую помѣщичью деревню, даже и теперь зимою, когда всенивеллирующій снѣгъ сглаживаетъ и скрываетъ особенности, не трудно съ перваго же раза отличить отъ поселеній государственныхъ крестьянъ: убогенькія лачужки, покривившіяся, тѣсныя, рѣдко гдѣ съ деревянною крышей, маленькіе дворики, мизерное хозяйство, жалкая обстановка внутри... Сѣвооборотъ трехпольный, а между тѣмъ въ вышеупомянутую десятину съ осминникомъ входитъ также и усадебное мѣсто. Много ли посѣешь на такомъ полѣ? Да это—даже и не „поле“, а узенькая полоска въ 50 шаговъ ширины. Обык-

новенно нѣсколько такихъ полосокъ, 8—10, лежащихъ подъ рядъ одна за другой, снимаются въ аренду кѣмъ-нибудь однимъ; хозяева же этихъ участковъ, въ свою очередь, снимаютъ такія же полосы у другихъ или „покупаютъ“ землю, у своего ли помѣщика, или вообще на сторонѣ. Долгосрочной аренды почти не существуетъ и то лишь на удѣльныхъ и казенныхъ земляхъ; годовая же колеблется отъ 6 до 12 р. за десятину (3.600 кв. с.) озимаго поля, и отъ 3 до 6 р. ярового: помѣщичья идетъ дороже, башкирская, какъ и всегда, дешевле.

Если бывшіе помѣщичьи крестьяне жили значительно бѣднѣе государственныхъ, по крайней мѣрѣ у нихъ хоть какой-нибудь да заработокъ былъ на помѣщичьей усадьбѣ—теперь они и его лишились. Мѣстные землевладѣльцы и сами, вслѣдствіе неурожая, несутъ страшный уронъ: тяжелый экономическій кризисъ захватилъ чуть не всѣ здѣшнія экономіи. Ѣдешь по уѣзду,—то и дѣло слышишь или видишь: тутъ на овчарнѣ вмѣсто обычныхъ 3.000 головъ овецъ держатъ только 800; тамъ хозяинъ перезакладываетъ имѣніе съ цѣлью получить возможность обсѣменить весною поля: убытки считаются тысячами и десятками тысячъ; въ этой усадьбѣ половина оконъ заколочена: хозяева жмутся въ двухъ—трехъ комнатахъ, экономя на топливѣ; въ той семьѣ вмѣсто трехъ прислугъ держатъ нынче одну—кормить меньше придется; тутъ оставляютъ безъ починки заборъ, поломанныя земледѣльческія орудія; тамъ подъ яровое подготовили лишь небольшую часть прежняго посѣва и т. д., и т. д. Подобное сокращеніе въ хозяйственномъ обиходѣ помѣщика прежде всего отражается на крестьянинѣ: прежде экономіи держали батраковъ круглый годъ, лѣто и зиму, а теперь на барскій дворъ ему и нечего ходить—когда-то желанный работникъ, теперь его оттуда чуть не гонятъ.

А между тѣмъ цѣны на все поднялись. Ржаная мука, съ 25—40 к. въ 1897 г., съ полтинника въ январѣ 1898 г., теперь поднялась до рубля; овесъ съ 18—40 к. тоже стоитъ на рублѣ. Сѣно приходится покупать уже не за 6 к. пудъ, а за 30, несмотря на то, что мѣстами (хоть такихъ въ уѣздѣ и немного набралось) урожай сѣна, на заливныхъ лугахъ, которыми Мензелинскій уѣздъ вообще изобилуетъ, все же былъ удовлетворительный. Скачки въ цѣнѣ на солому еще рѣзче: въ эту зиму ее покупаютъ на базарахъ по 16 коп. за пудъ, а прежде этихъ денегъ хватало на цѣлый возъ. Я беру цѣны за послѣдніе $1\frac{1}{2}$—2 года; а если прослѣдить за ними въ теченіе большаго періода времени, то наклонность къ повышенію бросится въ глаза еще сильнѣе. Такъ, напримѣръ, нынѣшняя рублевая рожь стоила 40 коп. лишь полтора года назадъ; но въ 1894 году она стоила всего 8 — 12 к. Сопоставьте же этотъ постоянный, неумолимый ростъ цѣнъ съ такимъ же постояннымъ, неумолимымъ за послѣднее время изъ года въ годъ обѣднѣніемъ мензелинскихъ крестьянъ, и вамъ не трудно будетъ представить все критическое положеніе, въ какомъ застала ихъ нынѣшняя нужда-бѣда.

Чего ужъ лучше: въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ, т.-е. еще задолго „до голода“, въ нѣкоторыхъ деревняхъ отцы и матери выгоняли дѣтей на поле питаться травою, собирать коренья. Это заявленіе я слышалъ вовсе не отъ тѣхъ, кто былъ самъ поставленъ въ такую ужасную необходимость, а отъ земскаго начальника, отъ лица, которому не было никакого основанія преувеличивать, а потому и у насъ нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять этому факту. Чего ужъ, я говорю, лучше? избу топить нечѣмъ, не на что дровъ купить,—такъ мужикъ дверь съ петель снялъ и снесъ ее, заложилъ до новаго пайка, а

входъ завѣсилъ разною рванью. Можетъ быть, скажутъ, это и глупо, но въ бѣдѣ, когда человѣка охватываетъ тупое отчаяніе, нельзя требовать постоянно логичности и цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ. Придетъ новый паекъ, дверь будетъ выкуплена, но ссуда, и безъ того ничтожная, убавится еще на нѣсколько фунтовъ.

На этой почвѣ такъ легко разыграться болѣзнямъ. Тифъ началъ вспыхивать въ уѣздѣ съ самой еще осени. Правда, это были только вспышки (до сихъ поръ ихъ удавалось почти вездѣ заглушать); на него наваливались всею силою, немедленно посылали сестеръ милосердія, врачей на счетъ Краснаго Креста, принимались необходимыя мѣры; но, заглушенный въ одномъ мѣстѣ, тифъ чуть не тотчасъ же вспыхивалъ въ другомъ... Въ дер. Игимъ, всего въ 12 верстахъ отъ города, онъ упорно держался пять мѣсяцевъ и унесъ до 50 жертвъ.

По общимъ завѣреніямъ, нынѣшняя нужда во много разъ превосходитъ голодный 1891 годъ. Что же дѣлается, чтобы помочь населенію въ этой бѣдѣ?..

XV.

Мензелинскій районъ.

(продолженіе)

Послѣдовательный ростъ нужды въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ въ цифрахъ. —Сборъ урожая 1898 г.; размѣръ недочетовъ.—Кормовая ссуда и поддержка живого инвентаря.—Однолошадныя семьи.

Послѣдовательный ростъ нужды въ Мензелинскомъ уѣздѣ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (цифры округлены):[1]

въ сентябрѣ	было ѣдоковъ	77,000	чел.;	имъ	выд.	58,000	п.	хлѣба.
въ октябрѣ	„	„	233,000	„	„	204,000	„	„
въ ноябрѣ	„	„	268,000	„	„	234,700	„	„
въ декабрѣ	„	„	269,000	„	„	235,300	„	„
въ январѣ	„	„	276,000	„	„	242,000	„	„

Такимъ образомъ наблюдается неизмѣнное повышеніе; съ особенною силою проявляется оно съ октября мѣсяца, тотчасъ послѣ того, какъ населеніе проѣло собственные запасы и осталось безъ хлѣба. Въ этомъ отношеніи небезъинтересно сопоставить приведенныя цифры съ соотвѣтственными по Белебеевскому уѣзду. Тамъ:

въ сентябрѣ	былоѣ доковъ	3,160 чел.;	имъ выд.	2,770 п.	хлѣба.
въ октябрѣ	„	„ 112,600 „	„	„ 98,500 „	„
въ ноябрѣ	„	„ 168,000 „	„	„ 147,000 „	„
въ декабрѣ	„	„ 192,000 „	„	„ 168,000 „	„
въ январѣ	„	„ 240,000 „	„	„ 210,000 „	„

И здѣсь сильный подъемъ нужды приходится на октябрь, но съ тѣмъ характернымъ отличіемъ, что дальнѣйшій ростъ ѣдоковъ, прогрессируя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, повышается крупными скачками: каждый разъ новый контингентъ нуждающихся самъ по себѣ уже представляетъ внушительную цифру,— тогда какъ въ уѣздѣ Мензелинскомъ количество ѣдоковъ, сразу дойдя до очень высокаго напряженія, далѣе повышается сравнительно уже слабо. Такое отличіе намъ станетъ понятнымъ, если вспомнить, что у белебеевцевъ собственнаго хлѣба хватало на 109 дней, а у мензелинцевъ онъ вышелъ уже черезъ 36 дней: первые не только держались, но и не сразу вынуждены были протянуть руку за правительственною помощью; кромѣ того белебеевская нужда была не сплошная по всему уѣзду, и одна семья у другой могла, по крайней мѣрѣ, первое время, нѣсколько заимствоваться; неурожай же Мензелинскаго уѣзда былъ сплошнымъ, и потому всѣмъ болѣе или менѣе сразу пришлось опуститься.

Имѣя въ январѣ дѣло съ 240 тыс. ѣдоковъ, белебеевская земская управа ожидала и впредь повышенія ихъ числа: въ февралѣ, напримѣръ, на новыя 20 тысячъ, всего до 260 тысячъ, и только съ

марта по іюль колебанія предвидѣлись съ большею постепенностью, однако, попрежнему въ увеличивающейся прогрессіи, именно въ предѣлахъ 264—267 тыс. человѣкъ. Въ общемъ,—по разсчету названной управы,—до 1 іюля 1899 г. требовалось для Белебеевскаго уѣзда 1.786.772 пуда, т.-е. значительно болѣе тѣхъ 1.047,000 пуд., что были разрѣшены и проектированы министерствомъ. Еще 3 января на совѣщаніи представителей мѣстной администраціи, подъ предсѣдательствомъ уфимскаго губернатора, было постановлено ходатайствовать о дополнительныхъ 625 тысячахъ, такъ какъ иначе съ апрѣля голодающему населенію пришлось бы сидѣть безъ хлѣба.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Первая изъ двухъ вышеприведенныхъ таблицъ показываетъ, что до февраля мензелинцы успѣли проѣсть 974 тыс. пудовъ хлѣба. Первоначально выдача его, вѣроятно, производилась изъ мѣстныхъ продовольственныхъ запасовъ, потому что собственно изъ 1.310,000 пуд., разрѣшенныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ выдачѣ нуждающемуся населенію до 1 мая, израсходовано было не 974, а 855 тыс. пудовъ, на 119 тыс. пуд. менѣе. Но даже и при остаткѣ въ 455 тыс. пудовъ управа, выдавая въ январѣ 242 т. п., имѣла всѣ основанія предполагать расходъ послѣдующихъ мѣсяцевъ въ среднемъ по 250 тыс. пудовъ. Такимъ образомъ, до 1 мая изъ ассигнованнаго министерствомъ запаса не хватало во всякомъ случаѣ не менѣе 295 тыс. пудовъ, а до 1 іюля—795 тыс. пуд.

Этотъ недочетъ сталъ несомнѣненъ уже въ началѣ января,—не только для тѣхъ, кто предвидѣлъ его еще осенью, но и для тѣхъ, кто въ ту пору готовъ былъ еще его оспаривать. Таковое обстоятельство побудило 15 января мензелинское уѣзд-

ное продовольственное совѣщаніе,— въ составѣ предсѣдателя земской управы, уполномоченнаго уфимскаго губернатора, двухъ членовъ управы, исправника, податного инспектора и пяти земскихъ начальниковъ,—ходатайствовать о соотвѣтственномъ увеличеніи продовольственной помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по другому пункту, тоже считавшемуся для нѣкоторыхъ осенью спорнымъ—о необходимости кормить въ іюлѣ мѣсяцѣ хотя бы лицъ нерабочаго возраста—совѣщаніемъ вопросъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ. Оно нашло „выдачу продовольственной ссуды въ іюлѣ необходимою, въ виду того, что безъ таковой выдачи населеніе не сможетъ прокормить малолѣтнихъ и стариковъ, такъ какъ сельскохозяйственными работами во владѣльческихъ хозяйствахъ заработать многаго нельзя". Такою мотивировкой продовольственное совѣщаніе поддерживало свое ходатайство объ іюльской ссудѣ въ размѣрѣ 200 т. п.

Такъ стоялъ въ мой пріѣздъ (въ половинѣ января) вопросъ о нуждѣ продовольственной. Но для Мензелинскаго уѣзда не менѣе существеннымъ вопросомъ нынѣшней зимы является также и поддержка рабочаго скота. Я уже указывалъ на то, что неурожай прошлаго года захватилъ не одни посѣвы, но тяжело отозвался и на кормовыхъ травахъ.

Мы уже знаемъ, что въ Мензелинскомъ уѣздѣ насчитывается теперь безъ малаго 60,000 нуждающихся дворовъ. Къ началу осени у нихъ числилось: лошадей—75 т. головъ, крупнаго рогатаго скота—59 т., мелкаго рогатаго—206 т.; между тѣмъ кормовыхъ средствъ, несмотря на всю ихъ внушительную абсолютную цифру (3 мил. 200 т. пуд. сѣна и 4 мил. 300 т. пуд. соломы), могло хватить всего лишь на 87 дней, даже при минимальной вы-

дачѣ 8 ф. сѣна и 12 ф. соломы для лошадей и коровъ, и 3 ф. сѣна или 5 ф. соломы для мелкаго рогатаго скота на день.

Такимъ образомъ до первой весенней травы нуждающееся населеніе вынуждено продовольствовать свой скотъ на счетъ покупнаго или ссуднаго корма. Самая ссуда, въ силу приведеннаго разсчета, выростала въ громадныя цифры полутора милліоновъ пудовъ сѣна и болѣе четырехъ милліоновъ пудовъ соломы. Помимо денежныхъ затратъ, едва ли оказалась бы легкою сама процедура закупки и доставки на мѣсто всего такого количества. О поддержкѣ *всего* живого инвентаря въ предстоящую зиму нечего было и думать, а потому земство ограничилось болѣе скромною задачей: оказаніемъ помощи въ прокормленіи рабочихъ лошадей, и притомъ не болѣе какъ по одной лошади на каждаго домохозяина.

Такимъ образомъ, въ намѣренія уфимскаго земства входила поддержка *всѣхъ* домохозяевъ, у кого были лошади, но практическое осуществленіе этой мысли получило иное направленіе. Особая комиссія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще въ последнихъ числахъ сентября постановила сосредоточить усилія правительства на сохраненіи лошадей, главнымъ образомъ, въ однолошадныхъ дворахъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы признакъ этотъ не служилъ „препятствіемъ къ оказанію помощи и такому двору, въ которомъ многолошадность является послѣдствіемъ не особой зажиточности дворохозяина, но нераздѣльностью семьи, большимъ числомъ взрослыхъ членовъ оной, при нѣсколькихъ душевыхъ надѣлахъ и т. п.“. Въ примѣненіи, однако, къ Уфимской губерніи 4 ноября состоялось предписаніе земскимъ начальникамъ выдавать ссуду однимъ только однолошаднымъ дворамъ. Мнѣ

неизвѣстно, почему постановленіямъ министерской комиссіи понадобилось придать болѣе тѣсное толкованіе; можетъ быть, даже и сами постановленія являлись простымъ лишь проектомъ,—но не трудно видѣть, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ возможность снова наблюдать столкновеніе двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: одной, желавшей удовлетворить очевидную нужду данной мѣстности, и другой, которая остерегалась взвалить на плечи государства слишкомъ большія обязательства.

За всю свою поѣздку я нигдѣ и ни отъ кого не слышалъ сочувствія принятой мѣрѣ. Не поддержать теперь двухлошадную семью—значитъ, почти навѣрное, низвести ее на степень однолошадной: таково почти всеобщее убѣжденіе въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Невозможность, при нынѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ, прокормить самому двѣ лошади, признается едва ли не всѣми. Разумѣется, еще лучше понимаетъ это и само населеніе. Помню, какъ одинъ башкирецъ, двухлошадный, наивно и добродушно обратился къ своему земскому начальнику за совѣтомъ: если такое распоряженіе, дѣйствительно, существуетъ, то не продать ли ему теперь же одну лошадь, чтобы получить право на ссуду и въ то же время понапрасну не тратиться на ея прокормъ? Или другой примѣръ. Двѣ семьи, два брата, живутъ отдѣльными хозяйствами, каждый въ своемъ дворѣ; у каждаго по одной лошади,—въ силу дѣйствующихъ теперь правилъ ссуду получатъ и тотъ и другой. Но живи эти же двѣ семьи нераздѣльно—а такихъ, конечно, сколько угодно—и имѣй тѣ же двѣ лошади совмѣстно, и та, и другая окажутся внѣ права на ссуду.

Конечно, никто не станетъ оспаривать, что однолошадный имѣетъ болѣе права на помощь, чѣмъ двулошадный; но есть положенія, когда нельзя раз-

бирать, кому отдавать предпочтенiе, а слѣдовало бы помочь и тому, и другому. Крестьянинъ Мензелинскаго уѣзда сколько-нибудь сносно вести свое хозяйство можетъ только съ двумя лошадьми, а не поддержать такого—значитъ рисковать очень сильнымъ пониженiемъ общаго уровня экономическаго благосостоянiя мѣстнаго населенiя. Характерно, что до половины января, кормовую ссуду (сѣномъ) выдавали *каждому* лошадному двору, сколько бы лошадей въ немъ ни числилось (разумѣется, за исключенiемъ дворовъ, признанныхъ вообще ненуждающимися), по разсчету на одну лошадь; но при мнѣ было получено категорическое запрещенiе подобной раздачи и повторено требованiе поддерживать исключительно однолошадныхъ.

Вышеупомянутое отступленiе отъ предписанiй типично, разумѣется, не какъ „отступленiе", а какъ выраженiе малопригодности предписанной мѣры. Земство совмѣстно съ земскими начальниками проектировало было брать за норму не однолошадный дворъ, а наличность лошади съ приходящимся на нее работникомъ и земельнымъ надѣломъ. Въ этомъ случаѣ мѣриломъ являлась не только лошадь, но и наличность тѣхъ рабочихъ рукъ, которыя могли утилизировать ея лошадиную силу. Такъ, напримѣръ, дворъ съ 5 лошадьми и 1 работникомъ долженъ былъ получать ссуду на одну лошадь, въ томъ разсчетѣ, что остальныя четыре все равно остались бы мертвымъ капиталомъ, въ данную минуту безъ приложенiя, и усилить количество запашки были бы не въ состоянiи. Столько же, т.-е. на 1 лошадь, не больше, но и не меньше, получалъ дворъ, гдѣ при такомъ же 1 работникѣ было всего 3 или 2 лошади—основанiя здѣсь понятны тѣмъ болѣе. Но если и въ трехлошадномъ семействѣ было 3 работника, по одному на каждую, то

такая семья имѣла право на тройную порцію; наконецъ, въ семьѣ,—хотя бы и богатой рабочими руками, но бѣдной возможностью приложить ихъ къ дѣлу,—соотвѣтственно этому понижалась и ссуда: такъ 3 работника съ 1 лошадью получали только на одну эту лошадь. Нельзя не признать, что въ изложенномъ проектѣ есть много основательнаго, и, если не ошибаюсь, то въ Мензелинскомъ уѣздѣ,—не на всемъ пространствѣ, а по нѣкоторымъ участкамъ,—такая мѣра и была осуществлена въ январѣ мѣсяцѣ; но упомянутое распоряженіе, конечно, окончательно пріостановило дальнѣйшее ея примѣненіе.

Норма кормовой выдачи установлена въ размѣрѣ 2 фун. ржаной муки (т. наз. посыпки) въ день на каждую лошадь, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, во время же предстоящихъ весною тяжелыхъ полевыхъ работъ по 10 пуд. сѣна на лошадь. Впрочемъ, для Уфимской губерніи посыпка замѣнена сѣномъ и соломою, по разсчету за 2 ф. муки по 10 ф. сѣна: выдача посыпки разсчитывалась министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ предположеніи, что населеніе будетъ имѣть возможность найти необходимый грубый кормъ, и такимъ образомъ посыпка должна была играть роль подспорья; между тѣмъ въ большей части неурожайной полосы Уфимской губерніи сѣна накошено было настолько мало, что не къ чему было и подмѣшивать муку. Кромѣ того, башкирское населеніе, плохо питаясь само, рѣдко даетъ подсобный кормъ скоту въ видѣ муки; да, наконецъ, фактически было бы невозможно услѣдить, какъ оно употребитъ эту муку, отдастъ ли скотинѣ или используетъ само. Въ силу такихъ соображеній, мучная посыпка замѣнена была сѣномъ и соломой. На каждую лошадь выдается теперь ежемѣсячно по $7^1/_2$ пуд. сѣна.

Чтобы покончить съ вопросомъ о лошадяхъ, остановлюсь еще на нѣкоторыхъ цифрахъ. Расходъ на ссуду 1 лошади министерство опредѣлило въ 10 р. 20 к., уфимское же губернское продовольственное совѣщаніе, въ засѣданіи 31 октября, вычислило, что съ 15 ноября по 15 мая понадобится каждой лошади

сѣна	45 п.	по 30 к.	пудъ	на 13 р.	50 к.
посыпки. . .	3 „	„ 80 „	„	на 2 „	40 „
соли	1/4 „	„ 40 „	„	на — „	10 „
			Итого на сумму	16 р.	— к.

Недочетъ въ 5 р. 80 к. предполагается восполнить на счетъ болѣе низкой цѣны, по какой пока закупалось сѣно; тѣмъ что часть однолошадныхъ дворовъ уже продали лошадей или ушли съ ними на заработки; наконецъ тѣмъ, что не всѣ будутъ получать ссуду съ 15 ноября. Не трудно видѣть, что подобный разсчетъ являлся скорѣе выраженіемъ желанія сгладить рѣзкую разницу двухъ вычисленій, чѣмъ результатомъ солиднаго основанія надѣяться дѣйствительно достигнуть этого сглаживанія: дѣло въ томъ, что если сѣно пока покупалось ниже 30 к., то вѣдь оно могло и подняться выше трехъ гривенъ, что на дѣлѣ и случилось; потомъ, если не всѣ получали ссуду съ 15 ноября, то едва ли, при нынѣшнихъ условіяхъ, это явленіе можно причислить къ разряду желательныхъ; наконецъ, что до распродажи однолошадныхъ, то именно этотъ фактъ и означалъ, что помощь сама по себѣ какъ разъ не достигла вполнѣ своей цѣли: не для того ли и организовали ее, чтобы предупредить распродажу?...

Мензелинское уѣздное продовольственное совѣщаніе въ засѣданіи 1 декабря высчитало, что до

неурожая 1898 г. въ Мензелинскомъ уѣздѣ уже почти 28% крестьянскихъ дворовъ, т.-е. около 17500, оставалось безлошадными, а къ веснѣ 1899 г. ихъ окажется, по всей вѣроятности, до 40%, т.-е. 25000 дворовъ; но уже 15 января, въ томъ же совѣщаніи,— по спискамъ, представленнымъ земскими начальниками,—было констатировано, что прокорму подлежатъ 39,000 лошадей, т.-е., принимая во вниманіе постановленіе объ однолошадныхъ, 39,000 дворовъ.

Очевидно, нужда растетъ...

XVI.

По Мензелинскому уѣзду.

Общія впечатлѣнія.—Отдѣльныя картины и сцены.—Деревня Поліоновка; безотрадность положенія.—Малочисленность столовыхъ.—Во что обходится населенію доставка продовольственнаго хлѣба.—Деревня Приволье.—Безсиліе посторонняго наблюдателя.

Передъ выѣздомъ изъ Мензелинска, желая по возможности лучше оріентироваться въ предстоящей поѣздкѣ по уѣзду, вы спрашиваете, гдѣ деревня побѣднѣе, гдѣ позажиточнѣе, гдѣ меньше, гдѣ больше терпятъ нужду, но въ отвѣтъ вамъ съ унылой улыбкой махаютъ рукой, въ знакъ того что, куда ни поѣзжай, въ сущности—вездѣ одинаково плохо. „Выборъ“ самый широкій, въ какую сторону ни двинься. Искать далеко не придется.

Дѣйствительно, почти подъ самымъ городомъ расположены четыре деревни: Поліоновка, Денисовка, Колесниково и Приволье,—одна другой незавиднѣе. Лучшею иллюстраціей ихъ положенія служитъ тотъ фактъ, что уже съ декабря мѣсяца пайки выдаются здѣсь всѣмъ нуждающимся поголовно, и нерабочимъ, и рабочимъ, даже мужчинамъ; ме-

жду тѣмъ какъ по другимъ мѣстамъ кормить или не кормить взрослую бабу,—не говорю уже мужика,—считалось вопросомъ, на который нерѣдко давался отрицательный отвѣтъ.

Населеніе—бывшіе помѣщичьи съ дарственной землею, т.-е. съ надѣломъ въ $1^1/_8$ дес. на душу, „подъ поле 2 осминника, а третьяго нѣтъ, такъ прямо и сѣешь на ржанецъ, развѣ что купишь на сторонѣ; да кто нынче покупывалъ?..“ Въ Поліоновкѣ еще есть столовая на 40 ребятъ, но она преимущественно на своихъ, изъ Денисовки ходитъ туда всего 7 человѣкъ, и отсутствіе добавочной пищи къ правительственному пайку уже значительно отражается на положеніи послѣдней.

Деревнюшка—въ 20 дворовъ, и половину ихъ я обошелъ самъ. Стоялъ яркій солнечный день; солнце радостно искрилось на твердомъ упругомъ снѣгѣ; но деревня стояла какъ бы окоченѣлая, и если бы не дымокъ изъ двухъ-трехъ трубъ, можно было бы подумать, что она покинута своими обитателями. На пустынной улицѣ даже колокольчикъ моей кошевой не вызываетъ ничьего любопытства, ничьего движенія. Сугробы снѣга у дворовъ; пустой дворъ; оголенные навѣсы и службы, лишенные своей соломы; въ пригонахъ и стайкахъ — тоже пустота; кой-гдѣ еще выглянетъ лошаденка со впалыми боками, тощая, облѣзлая; подолгу стоитъ она на одномъ мѣстѣ, не шевельнувшись, не дрогнувъ своимъ тѣломъ, какъ бы понимая, что сколько ни шарь по пригону, не найти ничего. Вы распахиваете дверь въ избу, и картина, тамъ ожидающая васъ,—варьируясь подробностями въ каждой данной семьѣ, въ сущности вездѣ остается одною и той же: старики и старухи лежатъ на печи, — кто по хворости, кто ища отогрѣться; тамъ же и ребята: выйти не въ чемъ, а на печкѣ все же теп-

лѣе,—какъ ни относительно въ нынѣшнюю зиму это „тепло" по мензелинскимъ деревнямъ. Мать безнадежно убаюкиваетъ грудного ребенка, а тотъ съ помутившимися глазками отказывается отъ сухой груди и уже не кричитъ, а только стонетъ безъ перерыва.

Если гдѣ и нѣтъ этого стона, если гдѣ ребята и не лежатъ на печкѣ, а сидятъ на лавкѣ или кучкой ежатся въ углу, то на ихъ блѣдныхъ отощалыхъ лицахъ вы все равно не прочтете ни прежняго оживленія, ни того простодушно-наивнаго выраженія, что̀ есть удѣлъ дѣтскаго возраста: нужда пригнула и ихъ, забралась и въ ихъ сердечки, наложила и на нихъ свой сдержанно-суровый отпечатокъ болѣзни и страданія... Ни оживленнаго разговора, ни шутки: мысль всѣхъ упорно сосредоточена на одномъ—когда мы будемъ ѣсть и будемъ ли? Главѣ такой несчастной семьи, если онъ не ушелъ по сосѣднимъ деревнямъ „собирать кусочки", остается одно—созерцать свою безпомощность и безсиліе.

Достаточно бѣглаго взгляда по избѣ для того, чтобы убѣдиться, что „продавать" болѣе нечего: о носильномъ платьѣ я уже и не говорю. Гдѣ тамъ!—когда иной разъ застанешь голенькаго ребенка, а если постарше, такъ полуприкрытаго рванымъ платкомъ или юбкою, въ то время какъ мать или старшая сестра стираетъ единственную имѣющуюся перемѣну. Если у кого и остались еще сундуки, то въ тѣхъ, куда я заглядывалъ, лежали на днѣ какія-то тряпки, старыя кофты, едва ли очень соблазнительныя для покупателя или закладчика. Уныло, съ дрожью въ голосѣ, отвѣчаетъ мужикъ на наши разспросы; уже не сдерживая слезъ, вставляетъ свои замѣчанія хозяйка. Въ этой семьѣ одинъ цикорій остался, пьютъ только его, больше ничего

нѣтъ; а въ той семьѣ два непочатыхъ каравая есть,—но я охотно вѣрю, что ихъ берегутъ какъ зеницу ока и что далеко не всѣ прикоснутся къ нимъ: вѣдь здѣсь пятеро ртовъ, въ возрастѣ отъ 3 до 11 лѣтъ! Зато въ третьей избѣ своего хлѣба нѣтъ уже 3 дня: вчера какая-то „благодѣтельница дала 13 коп., такъ купили немного“, а завтра поведутъ въ городъ продавать послѣднюю лошадь. Да и легко сказать: поведутъ! Не всякому и выйти есть въ чемъ, а если одинъ изъ семьи вышелъ, другому не въ чемъ и подумать.

Вотъ еще для примѣра семья въ 5 человѣкъ: отецъ, мать, трое дѣтей. Имъ всѣмъ полагается по пайку,—по 35 ф. на мѣсяцъ. Но полностью паекъ никогда не доходитъ: фунта 3 отдашь за привозъ его изъ Ямаша, да фунта 2 за „лопатки“ (помолъ). И это еще сносный разсчетъ, потому что по другимъ деревнямъ отъ пайка всего 28 — 29 фунтовъ останется... Въ данномъ случаѣ семейное продовольствіе убавилось еще на полпуда: надо было отдать сосѣду за забранное въ предыдущемъ мѣсяцѣ, такъ что весь мѣсячный бюджетъ на 5 человѣкъ сводился къ 3 п. 10 ф., т.-е. даже при самой умѣренной ѣдѣ недохватка по крайней мѣрѣ въ два пуда! Удивительно ли, что названная семья, получившая паекъ три недѣли назадъ, въ день моего посѣщенія сидѣла вовсе безъ хлѣба?..

Что-то болѣзненно-надорванное слышится въ рѣчахъ денисовскихъ бабъ и мужиковъ. Это—уже не жалоба, а просто потребность высказаться, излить постороннему человѣку все, что наболѣло на душѣ; хоть на минуту забыться отъ того рокового призрака, что мучительно гвоздитъ мысль и не даетъ покоя .. И всѣ рѣчи, если ихъ суммировать одною фразою, пожалуй, сводятся къ слѣдующей, кѣмъ-то сказанной въ этотъ день: „Вотъ теперь вся деревня

хоть караулъ кричи,—умираютъ съ голоду, и не перенести!..“ Но отчего же вы не заявите земскому начальнику, священнику своему или доктору? Отчего не сходите въ управу? Скажите имъ...

Но вы не доканчиваете своего вопроса, сразу почувствовавъ всю его наивность: оказывается, деревня уже ходила,—но имъ велѣно ждать новой ссуды, помочь же нечѣмъ!..

Сельскій староста является ходатаемъ за всю деревню. Открытіе столовой было бы привѣтствовано здѣсь, какъ праздникъ, какъ самый радостный день въ эту тяжелую зиму, но... но пока-то столовая еще открывается, да и будетъ ли еще открыта, теперь же, сейчасъ, безотлагательно надо хоть что-нибудь, чтобы купить хлѣба и не отощать совсѣмъ. „Помираемъ, батюшка, сами видите“. Вы даете это „что-нибудь“, но можно ли быть увѣреннымъ, что ваша помощь окажется достаточною до новаго пайка? Да и подъ силу ли она единичнымъ усиліямъ, особенно, если впереди у васъ еще и не такія Денисовки?.. Но, Боже мой, неужели все еще надо твердить и повторять, что та помощь, какая оказывается нуждающемуся населенію, далеко и далеко недостаточна?

Сейчасъ же въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Денисовки—Колесниково и Приволье,—двѣ новыхъ голодаевки, чуть ли еще не въ худшемъ положеніи. Столовыхъ тутъ тоже нѣтъ. Вообще несоотвѣтствіе межъ спросомъ и предложеніемъ чувствуется въ мензелинскихъ деревняхъ куда какъ замѣтнѣе, чѣмъ въ белебеевскихъ. Тамъ, если припомните, мы насчитали, что четыре пятыхъ дѣтей въ нуждающихся семьяхъ лишены возможности кормиться въ столовыхъ; здѣсь количество нестолующихся значительно выше. Напримѣръ, въ подгородномъ участкѣ числится около 23,000 человѣкъ населенія и среди

нихъ всего какихъ-нибудь 5 проц. могутъ просуществовать безъ поддержки; на остальныхъ 21,850 чел. приходится около 10,000 дѣтей, ходятъ же изъ нихъ въ школьныя столовыя (другихъ нѣтъ) всего 860 ребятъ. Другими словами, *девять десятыхъ, — даже болѣе*,—нуждающихся дѣтей сидятъ на хлѣбѣ и на цикоріи. Избѣжать этого доступно лишь только тѣмъ семьямъ, гдѣ еще осталось что снести на рынокъ или въ закладъ. Но много ли такихъ?..

Въ Денисовкѣ мы встрѣчались съ семьями, которыя провозъ своего пайка на чужихъ лошадяхъ окупаютъ платою изъ самой ссуды; въ Колесниковѣ, наоборотъ, пришлось наталкиваться на хозяевъ лошадныхъ, самихъ возившихъ себѣ хлѣбъ;—и имъ паекъ обошелся еще дороже. Отсюда до Ямаша,— куда, какъ я имѣлъ случаи неоднократно говорить, надо ѣздить за хлѣбомъ, — разстоянія 143 версты, т.-е. платныхъ изъ нихъ 93. Одинъ многосемейный хозяинъ привезъ на возу 9 пайковъ себѣ, да 13 п. чужихъ. Казенной платы получилъ онъ на себя 1 рубль, да за тѣ 13 пуд. взялъ по 7 коп. — 91 коп. При другихъ условіяхъ отъ этихъ двухъ руб. безъ малаго, пожалуй, что-нибудь и осталось бы еще, но теперь перерасходъ начался съ первой стоянки. Положеннаго овса и сѣна на кормъ лошади прямо не хватало, а не увеличить выдачи,—лошадь откажется везти: вотъ уже и приплата! Разсчетъ на дорогу сдѣланъ на четыре кормежки, чуть ли даже не на три, по 40 верстъ, а между тѣмъ мужику понадобилось кормить шесть разъ. Въ результатѣ: выдано изъ своего кармана 1 руб. 20 коп. за 3 п. сѣна. Но и это еще не все: надо накормить и самого себя. Если голодная лошадь воза не стащитъ, то обыкновенно и мужикъ во время дороги, за работой—если останется на одномъ ломтѣ, что теперь

идетъ на него дома, въ избѣ, — тоже далеко не уйдетъ за своимъ возомъ. Хлѣба у него выходило по 5 фун. въ день. „Коровай-то какъ возьмешь съ ночлега, въ сутки-то его и нѣту; 6 дней ѣзды, вотъ и 30 фун., а за нихъ по 3 к. плати. Давалъ $2^1/_2$, такъ и смотрѣть не хотятъ; хорошо еще въ самомъ Ямашѣ урядникъ, такъ тамъ больше 2 коп. не берутъ. А то вынесутъ тебѣ его прямо изъ печи, горячій онъ, и въ руки не ухватишь: тяжелый, тутъ же его при тебѣ и рѣжутъ, а извѣстно, въ горячемъ хлѣба по вѣсу всегда больше". Въ концѣ концовъ ушли не только провозныя деньги, но мужику изъ 9 пайковъ осталось на предстоящій мѣсяцъ всего лишь восемь.

Деревня Приволье... Какою насмѣшкой звучитъ теперь это названіе! Барская усадьба на въѣздѣ напоминаетъ о прежнихъ помѣщичьихъ временахъ, о прежней *привольной* жизни, а теперь окна барскаго дома на половину заколочены досками, въ самой же деревнѣ, если кому удалось насушить съ лѣта смородиноваго листа, тотъ считаетъ себя уже счастливымъ, такъ какъ можетъ пить не цикорную бурду, а иной, положимъ, непитательный, но все же согрѣвающій и ароматный напитокъ. Не забыть мнѣ тутъ одной семьи! Просторная свѣтлая изба: видимо, хозяева прежде жили не безъ достатка. И посуда разная есть,— разныя чашки, кадочки, впрочемъ, несомнѣнно, изъ числа уже тѣхъ, за которыя ни на какомъ базарѣ ничего не выручишь. Есть и сундукъ, но въ немъ даже и кофты завалящей не осталось,—и самъ онъ весь расползся и растрескался. На дворѣ никакого хозяйства, ни скотины, ни птицы, ни какихъ-нибудь дровень; плетень обрубленъ и пошелъ на дрова; крыша безъ соломы. Семья изъ 7 человѣкъ; самъ хозяинъ больной, двое дѣтей тоже, всѣ трое лежатъ на печкѣ. Полутора-

годовалый ребенокъ медленно, съ остановками и слабымъ голосомъ кричитъ, выражая этимъ свои ощущенія голода; онъ сосетъ сухую корку хлѣба и пьетъ время отъ времени холодную воду, которую подноситъ ему мать. Ребенокъ—на колѣняхъ старшей сестры, а подлѣ другой, трехъ-четырехъ лѣтъ, сидитъ и безсмысленно уперся глазами на одну точку. Эта корка хлѣба единственная въ цѣломъ домѣ! Я взялъ посмотрѣть ее; она была въ полномъ смыслѣ *корка*, — сухая, жесткая. Мокрыя губы ребенка обмусолили ея краешекъ, но ни смочили ея, ни въ силахъ были вызвать наружу питательную мякоть, которой къ ней, впрочемъ, и не было вовсе. Ѣсть тутъ, разумѣется, было нечего молодымъ неокрѣпшимъ зубамъ, и *ѣда* была въ сущности самообманомъ. Семья два дня уже ничего не ѣла; въ теченіе двухъ дней въ ея распоряженіи была одна эта сухая корка, это жалкое подобіе хлѣба. Ни чаю, ни цикорія, ни смородиноваго листа, ничего, ровно ничего... „Заѣли уже два пуда впередъ,—больше не даютъ, а теперь съ голоду помираемъ". И дѣйствительно, чѣмъ это не „помиранье"? Изстрадавшееся сердце матери не находитъ себѣ и слезъ; жгучая боль прорывается въ горькихъ сѣтованіяхъ на несправедливость судьбы; страхъ за будущее охватываетъ несчастную женщину.

Надо много самообладанія, нужны крѣпкіе нервы, чтобы вынести подобное зрѣлище. Чувствуешь свое безсиліе передъ этой бѣдою, сознаніе же той безвыходности, въ какой стоятъ эти люди, а рядомъ съ ними и еще, — десятки, сотни, тысячи такихъ же несчастныхъ, -сознаніе это охватываетъ ужасомъ и васъ самихъ. Конечно, безъ куска хлѣба вы ихъ не оставите; ваша дорожная корзина съ припасами будетъ принесена и опорожнена; вы оставите этой несчастной матери нѣсколько рублей; вы это сдѣ-

лаете и во второй, и въ третьей избѣ, потому что и тамъ не многимъ лучше живется; но вы чувствуете, что дальше итти въ этомъ направленіи вы все равно не въ состояніи, — а между тѣмъ можно ли быть увѣреннымъ, что вонъ въ той же избѣ, которую вы прошли мимо, не такъ же голодаютъ, какъ и въ этихъ? Можетъ быть, тамошнія даже хуже? И почему Приволье, Колесниково, а не Меллитамакъ, не Артамоновка? Почему Денисовка, Поліоновка, а не Новый Сакловъ, не Нуркѣево? Развѣ въ Мензелинскѣ не разсказывали вамъ о нихъ разныхъ ужасовъ? А Языково, Карамалы́ или Сарманово?.. Тамъ, вы тоже навѣрное знаете, голодъ захватилъ уже не мало жертвъ.

Какою жалкою величиною, какимъ ничтожествомъ чувствуешь себя среди этого нескончаемаго моря страданій, слезъ и нужды! Мрачныя, неумолимыя волны надвигаются со всѣхъ сторонъ, охватываютъ васъ, давятъ. Я знаю, нѣкоторые не въ силахъ были оставаться лицомъ къ лицу передъ этой нуждою: ея размѣры, вызванныя ею страданія и ничтожество собственныхъ силъ не только отнимали какую-либо надежду на результатность оказываемой помощи, но прямо подавляли, вселяли какой-то безотчетный ужасъ и страхъ. Они бѣжали... Конечно, это—малодушіе, но, ей-Богу! я не рѣшился бы бросить въ этихъ людей камнемъ упрека...

XVII.

По Мензелинскому уѣзду.

(Окончаніе)

Мучительныя сцены. — Никифоръ Соловьевъ и его семья. — „Счастливая“ семья въ дер. Степановкѣ.—Деревня безъ хлѣба.— О. М. Сидорченко. — Заключеніе: Что надо дѣлать? Знаніе и любовь въ борьбѣ съ нынѣшнею нуждою.

Я сильно запоздалъ со своими письмами: мензелинскую нужду на исходѣ января я описываю спустя цѣлыхъ два мѣсяца; но, признаться, я почти намѣренно откладывалъ свое перо и, по возможности, оттягивалъ окончаніе описанія своей поѣздки. Въ началѣ, наоборотъ, мнѣ хотѣлось дѣлиться своими впечатлѣніями; теперь же такъ больно бередить свои раны, такъ мучительно тяжело вторично переживать всѣ ощущенія, какими подарила меня эта поѣздка... Раньше мнѣ все же легче было оставаться въ положеніи простого наблюдателя и описывать то, что видѣлъ,—говорить объ этомъ видѣнномъ, разсуждать... Теперь же такъ трудно отдѣлить свое собственное волненіе отъ чужихъ страданій, такъ трудно забыть эти тяжелыя, надрывающія сцены,— а забыть такъ хотѣлось бы, такъ хотѣлось бы уйти мыслями подальше отъ этого гнетущаго кошмара,— тѣмъ болѣе что сознаніе, что за эти два мѣсяца, въ массѣ, всѣ эти страданія не только не ослабли, но усилились, съ удвоенною болью отзывается въ сердцѣ...

Чѣмъ дальше въ глубь уѣзда,—тѣмъ нужда, кажется, все тяжелѣе, все обостреннѣе. Позвольте же мнѣ быть, по возможности, краткимъ, тѣмъ болѣе что сегодняшній день—особенно тягостный по воспоминаніямъ.

Онъ начался для меня задолго до свѣта. Деревня еще спала, когда я выѣзжалъ изъ дер. Языковой, съ своего послѣдняго ночлега. Мы сворачиваемъ съ главной широкой улицы въ боковую, не менѣе широкую, и, проѣхавъ нѣсколько саженъ, останавливаемся подлѣ избушки, похожей болѣе на ящикъ въ формѣ куба, чѣмъ на человѣческое жилье. Мы—несомнѣнно въ «улицѣ», но чувствуемъ себя скорѣе гдѣ-то въ открытомъ полѣ, по крайней мѣрѣ, на пустырѣ: ни плетня, ни огорода, ни пригона, ни службъ никакихъ кругомъ; изба въ сторонѣ отъ другихъ избъ, безъ малѣйшаго подобія крыши, совсѣмъ какъ деревенская баня на задахъ жилыхъ построекъ. Это—домъ Никифора Соловьева. Ямщикъ слѣзаетъ съ облучка и, увязая по колѣно въ снѣгу, шагаетъ черезъ улицу; за ямщикомъ слѣдую и я. Мы стучимся въ окно и, нащупывая дверь, входимъ. Никифоровъ, между тѣмъ, «вздулъ» огня; т.-е. зажегъ микроскопическую лампочку, которая, распространяя потоки копоти, не въ силахъ освѣтить и половины избы.

Тяжелую картину засталъ я здѣсь. Много бѣдныхъ избъ пришлось мнѣ повидать въ эту поѣздку,—а видѣлъ я ихъ не одну сотню,—но бѣднѣе не было избы Никифора Соловьева. Другія, по крайней мѣрѣ, хоть жильемъ смотрѣли: есть и полати, и полки для посуды, и крюки; гдѣ и нары сколочены; на стѣнѣ хоть какое ни-на-есть, а полотенце виситъ; подъ лавкою лохань поставлена; больной ли,—его все же прикроютъ чѣмъ-нибудь, а тутъ... Тутъ ни полокъ, ни полатей, ни полотенецъ, ни лоханей... Пустой какой-то ящикъ: что амбаръ, что кладовушка, все одно. Деревянный столъ, деревянная скамейка, пара чайныхъ чашекъ, пустыхъ и давно немытыхъ, да въ придачу та лампочка-коптилка—вотъ и вся, *буквально вся* домашность Ни-

кифоровой избы. Не было дажа пола; онъ пошелъ на дрова, и наши ноги ступали по выбитой землѣ, по ссохшимся комкамъ песку, натыкаясь на куски кирпича, отвалившіеся отъ печки.

Эта печка—единственное пристанище на ночь. Семья еще спала, если только можно назвать спаньемъ лежанье на голыхъ кирпичахъ,—выбитыхъ, пыльныхъ, неровныхъ. Никакой подстилки... Въ пригонѣ у скотины и то бываетъ мягче. Жена Никифора еще не успѣла слѣзть и лежала, отогрѣвая своимъ тѣломъ младшаго ребенка, которому на видъ было не болѣе года. Она съ усиліемъ стягивала съ себя вытертый зипунъ и тщетно пыталась прикрыть имъ ребенка; но подложить что-нибудь было ей нечего, и только жалкую, хилую головенку, на которой виднѣлся грязный, засаленный чепчикъ, она держала на своей ладони, защищая нѣжныя косточки отъ непосредственнаго прикосновенія къ кирпичу. Старшій мальчишка, 5 лѣтъ, лежалъ тутъ же, въ одной рубашенкѣ. Въ избѣ—это чувствовалось—было прохладно и давно не топлено. Но у Никифора Соловьева, мнѣ говорили, трое дѣтей: гдѣ же третій? Конфузясь, мать объяснила, что онъ—въ печкѣ.—Какъ въ печкѣ?—Да, въ печкѣ, голенькій, провелъ ночь. Она хоть и не топлена, но, очевидно, въ ней не такъ назябнешь; двое младшихъ лежали межъ отцомъ и матерью, согрѣвались ихъ дыханіемъ, тепломъ ихъ тѣла, этому же не было бы мѣста у нихъ, и вотъ его уложили внутрь печки Я открылъ заслонку, и изъ темной пасти выглянула взъерошенная голова на худенькомъ, голомъ тѣльцѣ, перемазанномъ сажей и золой. Глаза испуганно таращились на свѣтъ; спросонья мальчуганъ не могъ меня разсмотрѣть, и я услышалъ первыя слова, которыми онъ начиналъ свой день: «тятька, дай поѣсть».

Онъ былъ голоденъ, какъ голодны были и остальныя ребята, какъ голодны были мать и отецъ...

Сегодня мнѣ только разъ удалось вздохнуть болѣе спокойно и болѣе широкою грудью: въ Степановкѣ я набрелъ на семью, вплотную облѣпившую столъ и сидѣвшую за самоваромъ. Ребятье съ аппетитомъ жевало хлѣбъ, глотало теплую жидкость и, выпивъ одну чашку, тянулось за другой. Лица сытыя, беззаботныя... Мать съ отцомъ любовно смотрѣли на дѣтей, но въ ихъ лицахъ нетрудно было прочесть и тревогу. Да и какъ иначе: семья безспорно была съ достаткомъ; но именно *была!* Чтобъ имѣть возможность накормить дѣтей до сыта и не слышать надрывающаго возгласа: «тятька, дай поѣсть», пришлось продать двѣ коровы, лошадь, распродать кое-что и изъ домашности; а теперь всего и осталось что пара лошадей; запасовъ никакихъ, и впереди, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, грозный разсчетъ съ дѣйствительностью. «Голодъ», Богъ дастъ, перенести удастся; отъ тифа и цынги, Богъ дастъ, тоже уберегутся,—но раззореніе къ осени ждетъ этого мужика несомнѣнно, и изъ «справнаго» онъ неизбѣжно станетъ на положеніе «захудалаго». Прокормить семь ртовъ въ теченіе зимы, расходуя на это не проценты съ капитала, а самый капиталъ, не подъ силу крестьянину, хотя бы и зажиточному...

А тутъ же рядомъ, въ той же Степановкѣ, другая большая семья уже недѣлю сидитъ безъ правительственнаго пайка: побирается Христа-ради, да вотъ еще Красный Крестъ выдалъ два дня тому назадъ 14 фунтовъ. Все и хозяйство-то 5 тощихъ куръ! Женины и дочернины сарафаны давно уже позаложены; дровъ нѣтъ, такъ крышу начали ломать... Самъ хозяинъ боленъ,—съ печи не слѣзаетъ. Семья въ 8 человѣкъ, а пайковъ только 6, потому

что еще дочь замужняя съ ребенкомъ отъ мужа ушла, а тамошнее общество, гдѣ мужъ приписанъ, въ паекъ ее не включило, вотъ и приходится дѣлиться...

Отовсюду горькія сѣтованія на судьбу. Съ кѣмъ ни поговоришь, каждый жалуется на безвыходность положенія. У этого не всѣ пайки получаютъ, а у того плетня на дрова не хватило, такъ сѣни разломалъ, да и то съ тѣмъ, чтобы на половину ихъ купить нѣсколько фунтовъ муки. Лошади такъ и убываютъ; число ихъ въ каждой деревнѣ таетъ со дня на день. Напримѣръ, въ Языковой въ концѣ января ихъ насчитывалось всего 83 на 184 семьи; трехлошадныхъ было всего 3 двора, двулошадныхъ—6; остальные дворы владѣли по одной,—при чемъ въ 113, т.-е. *у двухъ третей деревни, совсѣмъ не было лошадей*! Солома, совсѣмъ старая, лежалая лѣтъ 8—10, покупалась по 1 руб. за 40 сноповъ,—«а много ли въ нихъ? Въ одно беремя ухватишь; лошадь-то и ѣсть сразу такую не станетъ, а ты и такой-то не вездѣ сыщешь...»

Тяжело видѣть *семью,* когда она сидитъ безъ хлѣба; но еще тяжелѣе видѣть въ такомъ положеніи цѣлую *деревню.* Такъ было со мной въ Екатериновкѣ и Басарѣ. Я попалъ туда въ ту пору, когда январскій паекъ былъ съѣденъ, а до февральскаго оставалась еще недѣля и даже болѣе. Въ Екатериновкѣ, напримѣръ, на 99 дворовъ какихъ-нибудь развѣ 8 сидѣли съ хлѣбомъ; и мѣстный учитель, и сельскій староста, оба въ одинъ голосъ вызывались хоть по именамъ перечислить тѣхъ, кто еще въ состояніи прокормиться,—такъ это легко и быстро сдѣлать; вся же остальная деревня совсѣмъ безъ куска, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у однихъ не только хлѣба, но и скотины нѣтъ, и домашности никакой, а у другого остались

еще лошадь или коровенка. Но куда продашь такую отощалую? Да и потомъ достаточно хотя немного знать деревню (если ужъ не влѣзть самому въ шкуру крестьянина), чтобы понять, что такое значитъ тамъ лошадь, какое громадное значеніе играетъ она въ жизни крестьянина. Не только мужикъ, даже баба такъ не дрожитъ за своего ребенка, какъ за лошадь. «Что ужъ и за крестьянинъ, коли безъ лошади; не удержишь лошади, такъ вѣкъ котомки не снимешь, такъ въ батраки и готовься идти».

«Голова кругомъ идетъ»—сообщаетъ староста—«всѣ донимаютъ, а что я самъ подѣлаю? Пойдутъ къ священнику, а тотъ говоритъ: «Что я вамъ дамъ? У меня хлѣба нѣтъ». Просто бѣда. Иной въ сутки разъ ѣстъ, а другой ни съ чѣмъ и по двое сидитъ, а то доведется и трое, не ѣвши. Надѣнетъ на себя котомку, да и идетъ по деревнямъ, изъ одной въ другую; гдѣ кусокъ— другой и добьется, съ тѣмъ и живетъ. Просто обезсилѣли; на человѣка-то взглянешь, дурной онъ, право, такъ вѣтромъ и качаетъ. Мы и раньше не были, какъ слѣдуетъ, крестьяне, а все же мотались, а нынче... Если бы и смерть пришла, такъ, кажись, легче».

Вы заходите въ одинъ домъ, въ другой и третій,—иногда подъ рядъ, безъ всякаго выбора, и всюду наталкиваетесь на одну и ту же картину. Деревня, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ, вся поднимается на ноги, бѣжитъ за вами; каждый проситъ заглянуть къ себѣ, чтобы дать убѣдиться въ его положеніи; васъ молятъ о помощи, рыдаютъ, падаютъ на колѣна, тутъ же прямо на улицѣ, на снѣгу... Кажется, никогда не забыть этихъ удручающихъ сценъ въ Екатериновкѣ и Басарѣ, этого выраженія лицъ, этого отчаянія и слезъ. Тяжелый день! Тяжелыя воспоминанія!.. Когда подъ вечеръ мнѣ приш-

лось проѣзжать черезъ новую деревню Натальевку,—гдѣ нужда, какъ я зналъ, не менѣе, чѣмъ въ тѣхъ—у меня, признаться, не хватило мужества и нервовъ, чтобы остановиться и снова подвергнуть себя нравственной пыткѣ—я малодушно проѣхалъ мимо...*)

Послѣднею стоянкой былъ пригородъ Заинскъ, и здѣсь, напослѣдки, судьба захотѣла улыбнуться мнѣ. Какъ въ началѣ моей поѣздки, въ дер. Шланлыкуль, такъ и здѣсь, въ лицѣ мѣстной учительницы, Ольги Максимовны Сидорченко, мнѣ снова пришлось видѣть столько самоотверженной готовности оказать посильную помощь, столько молодой энергіи, столько благороднаго рвенія и заботы, что хотѣлось опять вѣрить въ возможность успѣха въ той борьбѣ, какую ведутъ здѣсь всѣ эти скромные, честные люди. И дѣйствительно, какъ результатъ такихъ усилій, мы видимъ смягченныя формы нужды, облегченіе страданій, меньше голодныхъ, меньше больныхъ. И вотъ почему такъ неотвязчиво снова возстаетъ прежній вопросъ: почему сравнительно такъ рѣдко проявленіе подобныхъ симпатичныхъ явленій? Отчего нѣтъ людей? Куда подѣвались остальные? Что мѣшаетъ имъ приняться за работу?... А работы такъ много, такъ много!..

Заинскомъ кончался мой объѣздъ Уфимской губерніи. Съ стѣсненнымъ сердцемъ покидалъ я эти глухія деревни, изнуренныя нуждою, засыпанныя снѣгомъ. Давно исчезли онѣ изъ виду; мрачныя картины давно уже смѣнились другими, болѣе спо-

*) Слава Богу: изъ Мензелинскаго уѣзда я недавно получилъ извѣстіе, что въ Натальовкѣ открыта теперь столовая на 70 человѣкъ.

койными и даже радостными, а я какъ будто все еще слышу жалобную пѣсню голодныхъ дѣтей, какъ будто все еще вижу понурыя лица несчастныхъ бабъ и мужиковъ. Они стоятъ передо мной точно безмолвный, но живой укоръ нашей безпомощности и равнодушія. Я настойчиво спрашивалъ себя: какъ бороться со страшнымъ врагомъ? Какъ сломить его? Чего недостаетъ намъ? Въ чемъ наша сила?.. Но ни одинъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня.

И вотъ однажды, когда забрежжившее утро сорвало съ измученной земли пелену мрачной ночи, на свѣтломъ фонѣ нарождавшагося дня я прочелъ два магическихъ слова,—всего лишь два слова, но они внесли миръ и надежду въ мою встревоженную душу... Слова эти были: «*знаніе*» и «*любовь*».

И думается съ тѣхъ поръ мнѣ: если знаніемъ мы все еще пока не особенно богаты, то развѣ бѣдны мы любовью? И не въ этой ли любви слѣдуетъ прежде всего черпать наши силы для борьбы съ тяжелымъ недугомъ,—для того чтобы посильно помочь этимъ несчастнымъ, безвиннымъ страдальцамъ?.. Примѣръ А. Х. Фейзъ-Хановой и О. М. Сидорченко еще болѣе убѣждаетъ меня, что любви въ русскомъ обществѣ—еще неисчерпаемый источникъ. И право, сколько хорошаго можно сдѣлать теперь съ этой любовью!

ЧАСТЬ II.

НА ИСХОДѢ ГОЛОДНАГО ГОДА.

Тяжелая година еще не завершила полнаго своего кругооборота, но уже подходитъ, слава Богу, къ концу. Зимняя стужа смѣнилась весеннимъ тепломъ; радостно зазеленѣли деревья; расцвѣтились унылыя поля, до сихъ поръ скрытыя подъ бѣлымъ покровомъ; отощалый скотъ давно уже набираетъ силы на свѣжемъ подножномъ корму; яровая пахота закончена, черная пашня одѣлась зеленымъ ковромъ, а озимый посѣвъ уже заколосился. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ сѣнокосъ, скоро начнется и уборка радостнаго, давно жданнаго хлѣба.

Однако, нужда и теперь еще тяжелая и безспорная, и борьба съ нею продолжается попрежнему напряженная и непрерывная. Хотя острый періодъ цынги уже миновалъ, но больныхъ считаютъ еще тысячами; хотя теплое время и позволило раскрыть двери и окна, освѣжить душныя и зараженныя избы, но оно не уменьшило этимъ ни на щепоть пустоту крестьянскихъ кадушекъ: населеніе попрежнему все еще безъ своего хлѣба.

Читавшіе въ февральскихъ и мартовскихъ №№ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» текущаго года мои письма «По неурожайнымъ мѣстамъ» легко

поймутъ, почему новая поѣздка въ мѣста, пораженныя голодомъ, представлялась для меня полною самаго живого интереса. Въ нынѣшній разъ, я остановился на Прикамьѣ, разсчитывая заглянуть частью въ новые пункты, частью въ старые, болѣе или менѣе, уже знакомые. Мои іюньскія наблюденія пріурочились въ эту поѣздку къ Чистопольскому уѣзду, Казанской губерніи, и къ Мензелинскому—Уфимской.

I.

Вступленіе.

Положеніе дѣла въ іюнѣ сравнительно съ январемъ. — Частная благотворительность.—Три періода въ исторіи нынѣшняго года: осенній—правительственный, зимній—краснокрестный, весенній—частнообщественный.

Пять мѣсяцевъ многое измѣнили, и положеніе наблюдателя въ іюнѣ стало существенно инымъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было для него въ январѣ. Вотъ почему и самый характеръ интересовъ въ эту лѣтнюю поѣздку во многомъ непохожъ на прежній. Я говорю не о *впечатлѣніяхъ*,— само собой разумѣется, что послѣднія не могли не измѣниться, и очень существенно, за періодъ пяти мѣсяцевъ,—но именно о характерѣ *интересовъ*, о тѣхъ цѣляхъ и задачахъ, какія возникали и сами собою напрашивались въ эту поѣздку.

Въ январѣ приходилось еще считаться съ довольно многочисленными голосами, упорно доказывавшими отсутствіе серіозной нужды и не хотѣвшими признать, что голодъ уже начался и назойливо врывается въ наши двери; приходилось вскрывать и выводить наружу то, на что многіе желали бы закрыть глаза и обойти молчаніемъ. Въ іюнѣ всякіе споры подобнаго рода становились излишни: грозовая туча разразилась съ небывалою силой, и результаты ея необычайнаго дѣйствія у всѣхъ на лицо. Много жертвъ унесла она съ собою: уничтожены десятки и сотни тысячъ благосостояній, и если уже закрывать въ настоящую пору глаза, то, конечно, не въ смыслѣ отрицанія факта, а лишь подъ дѣйствіемъ того ужаса, который наводитъ собою этотъ самый фактъ.

Съ другой стороны, мы, несомнѣнно, уже «на исходѣ голоднаго года»; борьба съ нимъ подходитъ къ концу, и потому на первый планъ, естественно, выступаетъ желаніе подвести итоги, выяснить ближайшіе результаты этой борьбы, а также характеръ и способы, какими она велась. Окончательный подсчетъ итоговъ, разумѣется, еще рановременен̆ъ, да онъ и не подъ силу одному человѣку, не говоря уже про то, что двухъ-трехъ недѣль, которыми я располагалъ въ настоящемъ случаѣ, было бы слишкомъ недостаточно для подобной работы; что же, однако, до способовъ и характера тѣхъ усилій, какія прилагались и продолжаютъ прилагаться и по настоящую минуту въ дѣлѣ борьбы съ ужаснымъ бичомъ, посѣтившимъ наши поволжскія и прикамскія губерніи, то здѣсь, думается, уже возможно говорить, если еще и не всегда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ желаемой точностью. опредѣленностью и откровенностью, то все же съ гораздо болѣе отчетливымъ и яснымъ для самого себя представленіемъ.

На этотъ разъ вниманіе наблюдателя особенно останавливаетъ на себѣ частная благотворительность, проявившаяся въ формахъ и размѣрахъ очень разнообразныхъ, и, если размѣры эти въ общемъ далеко не могутъ быть названы крупными, значительно уступая аналогичнымъ пожертвованіямъ 1891—1892 гг., то, въ конечныхъ своихъ выводахъ, они—все же виднѣе и ощутительнѣе, чѣмъ можно было на это разсчитывать еще зимою. И чѣмъ болѣе всматриваешься въ помощь, оказанную нуждающимся частными лицами, тѣмъ ярче и съ тѣмъ болѣе симпатичнымъ обликомъ выступаетъ она на общемъ фонѣ борьбы съ нынѣшнимъ голодомъ.

По времени, частная благотворительность проявилась позже правительственной и позже Красна-

го Креста: раньше она сдерживалась въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ препятствіями чисто внѣшняго характера, и хочется думать, что во всемъ этомъ значительно большую роль играли недоразумѣнія, невыясненность, чѣмъ причины сколько-нибудь серіозныя. Во всякомъ случаѣ, въ исторіи истекающаго голоднаго года участіе общества— одинъ изъ типичнѣйшихъ его моментовъ, и я постараюсь въ нынѣшнихъ своихъ письмахъ удѣлить ему возможно больше вниманія.

Три только-что упомянутыхъ фактора благотворительной помощи — правительственный, краснокрестный и частно-общественный—дѣйствовали и дѣйствуютъ, гдѣ взаимно дополняя одинъ другого, гдѣ лишь въ механической одновременности и послѣдовательности, а гдѣ такъ, кажется, даже не безъ противорѣчій и чуть ли не помѣхи другъ другу. Объясненій послѣднему слѣдуетъ искать, прежде всего, въ исторіи самыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію послѣдствій прошлогодняго неурожая, и когда-нибудь исторія эта, конечно, будетъ написана.

Впрочемъ, выраженія: «противорѣчія» и «помѣха», можетъ-быть, правильнѣе было бы замѣнить словами: «шероховатости, недоразумѣнія» и другими подобными, такъ какъ, въ общемъ, чаще замѣчалась лишь несогласованность дѣйствій и притомъ— на ряду съ нерѣдкими случаями полной солидарности и дѣйствій рука объ руку. По крайней мѣрѣ, этого слѣдовало ожидать въ такомъ важномъ вопросѣ.

Кстати, объ этой исторіи. Въ соотвѣтствіи съ названными тремя видами помощи уже и теперь сами собою намѣчаются три послѣдовательныхъ періода въ борьбѣ съ голодомъ 1898—1899 гг.

Въ первый, *осенній*, дѣйствуетъ исключительно одно только *правительство*; забота сосредоточена на такъ называемомъ казенномъ (земскомъ) 35-фунтовомъ пайкѣ, на закупкѣ и доставкѣ хлѣба, на обсѣмененіи озимыхъ и яровыхъ полей, организаціи общественныхъ работъ и прокормкѣ крестьянскаго скота. Всего этого, однако, оказалось недостаточно: степень нужды уже въ концѣ осени была констатирована значительно бо́льшая, чѣмъ предполагалось вначалѣ; къ тому же формы ея были столь разнообразны и индивидуальны, что и формъ помощи требовали болѣе гибкихъ и разносторонихъ, чѣмъ тѣ, какія могло предложить правительство,—и вотъ въ содѣйствіе ему выступаетъ *Красный Крестъ*, отмѣчая собою второй періодъ, которому можно придать названіе періода *зимняго*: это время столовыхъ, раздачи теплой одежды, добавочныхъ порцій муки и сѣна. Подобно правительству, и Красный Крестъ пытался было организовать общественныя работы, выходя изъ вполнѣ справедливой мысли о желательности придать оказываемой помощи характеръ не милостыни, а вознагражденія за трудъ; но, какъ раньше, такъ и теперь, общественныя работы широкаго примѣненія на практикѣ не имѣли, и, въ общемъ, ихъ нельзя назвать удавшимися.

Нужда, между тѣмъ, росла не по днямъ, а по часамъ; къ голоду присоединились еще и болѣзни: тифъ, цынга; правительство съ Краснымъ Крестомъ, хотя и продолжаютъ развивать свою благотворительную дѣятельность, но даже и ихъ совмѣстныя усилія оказываются недостаточными: спросъ помощи превышаетъ ея предложеніе,—и вотъ тогда-то, съ цѣлью восполнить дѣйствія правительственныхъ и краснокрестныхъ органовъ, выступаетъ на сцену само общество. Борьба принимаетъ осо-

бенно интенсивный и симпатичный характеръ въ этотъ третій, весенній, періодъ. Одно время позволительно было опасаться, что общественныя силы останутся безучастными къ народной бѣдѣ, и это порождало толки самые разнообразные: съ одной стороны утверждали, будто общество устранено противно своему желанію, а съ другой—говорили, будто бы оно само добровольно устраняется отъ участія,—толки, очевидно, одинаково неблагопріятные, какъ для устранителей, такъ и для устранявшихся. Слава Богу, опасенія оказались напрасными, и общество явилось на помощь несчастнымъ, не только денежными средствами, но и личнымъ трудомъ; теперь едвали не на всемъ пораженномъ неурожаемъ пространствѣ можно наблюдать сотни лицъ, гдѣ маленькими, гдѣ многочисленными группами, а гдѣ и совсѣмъ въ одиночку, которыя безкорыстно участвуютъ въ общемъ дѣлѣ, самоотверженно забывъ личные интересы или удобства домашней обстановки. Мы будемъ имѣть случай еще не разъ слѣдить за ихъ благородной и полной живого общественнаго значенія работой.

II.

Цынга.

Послѣдовательный ея ростъ и размѣры въ Чистопольскомъ уѣздѣ.—Принятыя мѣры.—Медицинская помощь, оказанная Краснымъ Крестомъ.—Эпидемія въ Мензелинскомъ уѣздѣ.

Размѣры, степень напряженія цынги и организація медицинской помощи—вотъ вопросы, которые, прежде всего, напрашиваются сами собою, по крайней мѣрѣ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ эпидемія дала себя знать особенно сильно.

Началась она еще въ концѣ февраля, съ начала марта; но регистровать начали ее, повидимому, значительно позже. О быстротѣ же ея роста, отчасти, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ началѣ апрѣля цынготныхъ больныхъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ числилось до 2,000 человѣкъ, а къ 23 апрѣля—уже 4,776, т. е. вдвое болѣе—подъемъ настолько сильный, что даже вызываетъ сомнѣніе въ истинности первой цифры: она, скорѣе всего, ниже дѣйствительной. Косвенное подтвержденіе находимъ и въ томъ, что первоначальная регистрація, вообще, была далека отъ точности и не въ состояніи прослѣдить всѣ заболѣванія. Дѣло въ томъ, что насколько позже населеніе охотно заявляло о своей болѣзни (имѣя въ виду лучшее питаніе, дававшееся цынготнымъ), настолько же вначалѣ оно скрывало ее изъ обычной недовѣрчивости къ дѣйствіямъ «начальства». Къ тому же, вообще, цынга первоначально развивалась медленно, недѣлями, и по отсутствію рѣзкихъ характерныхъ признаковъ далеко не сразу бросалась въ глаза.

Апрѣль и май были періодомъ самыхъ тяжелыхъ формъ заболѣванія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшаго напряженія цынги. Послѣдняя представляла опасность не только въ силу своей интенсивности, но и по обширности захваченнаго района, по количеству людей, которыхъ она поражала. Мѣстами это былъ настоящій пожаръ, что́ сразу вспыхиваетъ и въ какихъ-нибудь полчаса пепелитъ всю деревню. Число больныхъ безъ преувеличенія росло не по днямъ, а по часамъ. Регистрація, въ сущности, всегда запаздывала, не поспѣвая за эпидеміей, и потому приходилось считать, такъ сказать, заднимъ числомъ. Въ началѣ мая Красный Крестъ имѣлъ дѣло уже не съ 4,000, а съ 9,000 цынготныхъ, т. е.

снова съ вдвое большею цыфрой, чѣмъ въ концѣ апрѣля. Къ 15 мая въ его спискахъ стоитъ уже 10,018 человѣкъ, къ 31 мая—11,017! Но это—наивысшій предѣлъ. Эпидемія, какъ быстро росла, такъ же быстро и спадала. По свѣдѣніямъ, любезно доставленнымъ мнѣ представителемъ Краснаго Креста въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ началѣ іюня цынготныхъ считалось всего 8,549 человѣкъ, да и эта цифра, какъ оказалось вскорѣ, въ данную минуту была уже выше дѣйствительной, и даже въ пунктахъ, считавшихся „гнѣздами" эпидеміи, при своемъ объѣздѣ я встрѣчалъ значительное ея ослабленіе. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Новой Ибрайкиной, вмѣсто 819 зарегистрованныхъ больныхъ, оказалось всего 288.

Проявлялась цынга очень неравномѣрно: гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе. Въ только-что упомянутой Новой Ибрайкиной ($2^1/_2$ т. населенія) эпидемія поразила треть населенія,—въ Кульбаевой Марасѣ немногимъ развѣ менѣе: на 3,170 жителей—633 больныхъ. Эти пункты, дѣйствительно,—*гнѣзда;* но нельзя назвать ничтожнымъ процентомъ, когда въ участкѣ на 11,000 жителей—больныхъ до полуторы тысячи и т. п. Съ другой стороны, нерѣдки случаи, когда тѣ же полторы тысячи приходились на тридцатитысячный районъ, когда изъ 28 тысячъ болѣло всего 540 человѣкъ, или даже 210 на 31,000. Въ общемъ, на 317 селеній уѣзда можно считать не менѣе 200 деревень, пораженныхъ цынгою. Всего сильнѣе пострадала западная и южная половина уѣзда и при томъ почти исключительно деревни, населенныя инородцами, особенно чувашами: русское населеніе перехворало сравнительно въ ничтожномъ количествѣ, быть можетъ, благодаря нѣсколько лучшимъ гигіеническимъ условіямъ своего жилья. Дѣйствительно, кто не видалъ самъ, тому трудно

представить себѣ всю грязь, темноту, скученность домашней обстановки чистопольскаго, да и вообще, приволжскаго инородца.

Мнѣ пришлось слышать мнѣніе, будто причину цынги слѣдуетъ искать въ отравленіи населенія гнилымъ мясомъ, которымъ оно, будто бы, питалось: осенью били скотъ, не надѣясь прокормить его за зиму; между тѣмъ, вскорѣ наступила оттепель, и мясо сильно попортилось, — зимою же добивали отощавшую скотину тѣ, кому не удалось, не смотря на всѣ усилія, сберечь ее до весны,— причемъ инородецъ не солилъ мяса, и оно также портилось. Въ доказательство того, что не „голодъ" былъ причиною цынги, указывали на многочисленные факты заболѣваній въ достаточныхъ семьяхъ. Такъ Красный Крестъ регистрируетъ въ дер. Якушкиной семью съ хозяйствомъ въ 6 лошадей, 6 коровъ и 15 овецъ; въ ссудѣ не нуждались и ея не получали, а, между тѣмъ, хозяйка дома заболѣла цынгою одна изъ первыхъ, съ 3 марта. Въ семьѣ, владѣвшей 2 лошадьми, 5 овцами и состоявшей изъ 6 человѣкъ, пятеро получали ссуду, и больныхъ оказалось двое. Въ чувашскихъ деревняхъ приходилось даже силою отнимать гнилое мясо, но его зарывали въ снѣгъ и прятали всевозможными путями.

Однако, едва ли было бы правильно приписывать цынгу одному гнилому мясу: спрашивается, многіе ли ѣли мясо, даже и гнилое? Казенной ссуды, какъ извѣстно, не хватало, и въ произведенномъ примѣрѣ 2 лошади и 5 овецъ, если онѣ не были распроданы, не только не поддерживали семьи, но въ данную минуту являлись еще тяжелымъ бременемъ, отнимая отъ нея часть пайка на свой прокормъ. Нѣтъ, отсутствіе хорошаго питанія, вообще,—вотъ основная причина заболѣваній, и тамъ, гдѣ этотъ

пробѣлъ своевременно восполнялся, тамъ повсюду замѣчалось и соотвѣтственное ослабленіе эпидеміи.

Сравнительно съ цынгою, размѣры тифа,—особенно сыпного,—кажутся уже ничтожными; тѣмъ не менѣе, игнорировать его было бы крайне неосторожно: онъ и до сихъ поръ гдѣ пройдетъ, а гдѣ снова вспыхнетъ: и въ Чистопольскомъ, и въ Мензелинскомъ уѣздахъ можно и теперь указать деревни, гдѣ онъ упорно держится или переходитъ въ другія, сосѣднія.

При такомъ страшномъ взрывѣ эпидеміи,—какъ сейчасъ указанный, — мѣстныхъ медицинскихъ средствъ, разумѣется, было болѣе, чѣмъ недостаточно. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ—всего 4 земскихъ больницы, считая, въ томъ числѣ и городскую, и по фельдшеру — на волость. Помощь этимъ слабымъ силамъ пришла съ разныхъ сторонъ: отъ Краснаго Креста и отъ частныхъ лицъ, а, сверхъ того, въ уѣздѣ въ послѣднее время дѣйствуютъ два прекрасно организованныхъ отряда Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, подъ завѣдываніемъ прив.-доц. московскаго университета Садовскаго, и принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, подъ завѣдываніемъ д-ра Вальтера. Помощь Краснаго Креста распространена на весь уѣздъ, раздѣленный имъ на 15 медицинскихъ участковъ: повсюду,—гдѣ это было необходимо, — устроены временныя больнички на 6—8, 12—15, а гдѣ и на 30 и болѣе человѣкъ каждая; въ апрѣлѣ такихъ было открыто до 50, къ началу іюня число ихъ, соотвѣтственно ослабленію эпидеміи, уменьшилось до 26.

Для болѣе яснаго представленія о томъ, что сдѣлано Краснымъ Крестомъ, возьмемъ самую южную часть уѣзда, Зачеремшанскія волости. Земскія врачебныя средства сводились здѣсь къ 1 врачу,

2 фельдшерамъ 1 фельдшерицѣ-акушеркѣ. Районъ — въ 80 верстъ разстоянія, съ населеніемъ въ 60,000 чел. населенія, — больницы не имѣлъ. Правда, земство увеличило свои силы еще 3 сестрами милосердія, но бо́льшаго сдѣлать было не въ состояніи.

Красный Крестъ прислалъ сюда 1 врача, 5 студентовъ-медиковъ, 2 студентокъ-медичекъ, 2 фельдшерицъ, 7 сестеръ милосердія, 9 монахинь и основалъ 8 больничекъ.

Впрочемъ, чтобы быть справедливымъ, я долженъ напомнить старую истину, что однѣ цифры еще не говорятъ всего: такъ, мнѣ приходилось слышать сѣтованія студентовъ на то, что послали ихъ въ деревню, во врачебные пункты, а не снабдили ни инструментами, ни даже медикаментами, что́ въ самой основѣ, конечно, должно было парализовать ихъ дѣятельность.

О размѣрахъ благотворительной помощи Краснаго Креста, по связи съ размѣрами самой нужды, можно судить еще и по другимъ образцамъ. Беру одинъ изъ нихъ, — на этотъ разъ въ предѣлахъ Уфимской губерніи. Здѣсь, сравнительно съ Казанской, цынга надѣлала меньше опустошеній. Въ то время какъ въ одномъ Чистопольскомъ уѣздѣ она захватила болѣе 11,000 жертвъ, во всей Уфимской губ. число цынготныхъ не превышало 8,000—9,000. Впрочемъ и здѣсь эпидемія нашла свои излюбленныя мѣста, проявилась очень и очень интенсивно, прежде всего, разумѣется, въ наиболѣе пострадавшемъ отъ неурожая Мензелинскомъ уѣздѣ, гдѣ къ 1 мая цынготныхъ числилось 5,847.

Особенно силенъ былъ взрывъ эпидеміи въ юго-западномъ углу уѣзда. Въ волости Карамалинской на 14,000 населенія переболѣло цынгою около 1,000, а въ Альметмулинской (13,000 населенія) общее число зарегистрованныхъ выросло до 1,490

чел.; при чемъ обѣ эти цифры ниже дѣйствительныхъ: не всѣ попали въ списки, кто переболѣлъ дома, кому помощь была оказана слишкомъ поздно и пр. Въ этихъ двухъ волостяхъ Красный Крестъ устроилъ 27 больничекъ на 243 кровати; до 1 іюня въ нихъ перебывало 1,677 чел. амбулаторныхъ и 366 клиническихъ цынготныхъ.

Выписываясь изъ больницы, больные переходили въ такъ называемые врачебно-питательные пункты (числомъ 15, на 700 чел.), гдѣ они пользовались улучшеннымъ, сравнительно съ обыкновенными столовыми, питаніемъ, ѣли по два раза въ день и получали еще чай, сахаръ, лимонъ. Въ общемъ, можно сказать, четыре пятыхъ всѣхъ больныхъ получили помощь Краснаго Креста.

Характерно, что больнички приходилось открывать еще въ двадцатыхъ числахъ мая: даже и въ эту пору въ нѣкоторыхъ пунктахъ эпидемія, вмѣсто того, чтобы ослабнуть, усиливалась и не хотѣла сдаваться. Впрочемъ, съ іюня, она уже несомнѣнно идетъ на убыль, и къ началу іюля, въ двухъ названныхъ волостяхъ, вмѣсто 27 больничекъ дѣйствуютъ всего лишь 7. Зато въ полномъ ходу врачебно-питательные пункты; изъ нихъ послѣдній былъ открытъ всего еще 1 іюня.

III.

Красный Крестъ.

Заслуги Краснаго Креста въ борьбѣ съ нынѣшнимъ голодомъ.— Недостатокъ людей.—Отношеніе къ частной благотворительности.—Флаги и внѣшніе знаки Краснаго Креста; недоразумѣнія съ мусульманскимъ населеніемъ. — Отношеніе общества къ Красному Кресту. — Канцелярскіе порядки. — Отчетность земскихъ начальниковъ по Красному Кресту. — Бумажный контроль.

Заговоривъ о Красномъ Крестѣ, позволю себѣ остановиться еще и на другихъ сторонахъ его дѣя-

тельности. Въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какое организовалъ Красный Крестъ въ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, нѣкоторые промахи и шероховатости почти неизбѣжны, и нечего бояться открыто признаться въ этомъ. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что положительныя стороны въ теперешней дѣятельности этого благороднаго и высокосимпатичнаго по своей идеѣ учрежденія съ избыткомъ перевѣшиваютъ его тѣневыя.

Я уже прежде имѣлъ случай подчеркивать важное и благотворное вліяніе Краснаго Креста въ борьбѣ съ нынѣшнимъ голодомъ, и думаю, что никто не заподозритъ меня въ желаніи не видѣть и не признавать этого вліянія. Положительное значеніе дѣятельности Краснаго Креста съ его высокогуманными цѣлями стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Населеніе пострадавшихъ губерній по справедливости помянетъ добромъ и теплымъ словомъ Красный Крестъ, въ трудную минуту оказавшій ему столь существенную и настоятельно-необходимую помощь. Уже въ одномъ разнообразіи формъ оказываемой помощи большая заслуга Краснаго Креста: онъ устроилъ не только столовыя, но и хлѣбопекарни, врачебно-питательные пункты, оказываетъ помощь медицинскую, поитъ молокомъ малолѣтнихъ дѣтей, снабжаетъ ихъ одеждою, подкармливаетъ скотъ и т. п. Далеко не всѣ категоріи нуждающихся имѣли право на правительственную ссуду,— Красный Крестъ не оставилъ и ихъ. Такъ, напримѣръ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ внѣ земской помощи осталось до 23% населенія: сиротъ, инвалидовъ, разночинцевъ и пр.— и всѣхъ ихъ Красный Крестъ взялъ на свое попеченіе.

Другою, не менѣе важною, заслугой Краснаго Креста было то, что онъ выступилъ со своею по-

мощью какъ разъ въ ту пору, когда было особенно важно пробудить спавшее сознаніе общества и вывести послѣднее изъ того безразличія, чуть не апатіи, въ какую оно, было, погрузилось. Кто не помнитъ того, какъ русское общество, долго усыпляемое стереотипною фразою: „все обстоитъ благополучно", встрепенулось, узнавъ, что Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ благоугодно было повелѣть отправить уполномоченныхъ Краснаго Креста на Поволжье? И это былъ безспорно важный моментъ въ исторіи нашей борьбы съ нынѣшнимъ голодомъ. Дѣятельность Краснаго Креста явилась коррективомъ дѣятельности мѣстной администраціи; его появленіе въ голодныхъ губерніяхъ служило авторитетнымъ и въ ту пору особенно желательнымъ признаніемъ серіозности положенія и необходимости принятія соотвѣтственныхъ мѣръ.

Уже одно это ставитъ Красный Крестъ выше какихъ-либо нападокъ. Придираться къ нему изъ-за мелочей значило бы лишь обнаружить свою близорукость. Но зато чѣмъ выше и симпатичнѣе положительныя стороны даннаго явленія, тѣмъ непріятнѣе рѣжутъ глаза эти „мелочи", и едва ли есть надобность доказывать, что указаніе на нихъ возможно не ради однихъ только „нападокъ" или „придирокъ", но также изъ желанія, чтобы въ хорошемъ и было одно только хорошее.

Мнѣ передавали, и я не имѣю основаній не вѣрить, что по нѣкоторымъ деревнямъ столующіеся вынуждены оплачивать извѣстною суммою денегъ свое право столоваться. Такъ, напримѣръ, въ Уфимской губерніи, жители Сурунчака, Богодаровской волости, всею деревнею заявляли, что столовщикъ беретъ съ нихъ по 8 коп. (прежде по 10 коп.) въ мѣсяцъ съ человѣка, въ школьной же столовой

платится по 3 к. (прежде по 5 к.). Подобный же случай наблюдался и въ селѣ Токмакъ, гдѣ платилось тоже 3 коп. Очевидно, *платная* столовая стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ идеей о даровой помощи горячею пищею, какую имѣлъ въ виду Красный Крестъ. Однако, какъ ни непріятенъ такой фактъ самъ по себѣ, но, будучи, по всей вѣроятности, единичнымъ, широкаго значенія онъ, понятно, имѣть не можетъ, и потому останавливаться на немъ ради его самого, пожалуй, и не стоило бы. Но онъ характеренъ, какъ показатель тѣхъ неблагопріятныхъ условій, при какихъ работалъ и работаетъ Красный Крестъ. *У него, очевидно, нѣтъ въ достаточномъ количествѣ людей.*

Красный Крестъ выслалъ въ пострадавшія губерніи двухъ уполномоченныхъ, одного „главнаго" и другого—просто „уполномоченнаго", приставивъ къ нимъ десятокъ-другой помощниковъ. На всѣхъ ихъ выпала почетная и трудная задача организовать дѣло помощи, — дѣло, которое каждый, нѣтъ сомнѣнія, выполнилъ не только добросовѣстно, но и самоотверженно: вспомнимъ эти восемь мѣсяцевъ напряженнаго труда, постоянныхъ лишеній, въ обстановкѣ, способной навести ужасъ на человѣка, мало-мальски привыкшаго къ требованіямъ культурной городской жизни. Одинъ изъ помощниковъ (Бодиско) палъ уже жертвою тифа, схваченнаго во время объѣздовъ зараженныхъ деревень и развившагося на почвѣ постояннаго недоѣданія и нервнаго возбужденія.

Но организація — это лишь первый, начальный шагъ. За нимъ слѣдуетъ второй — осуществленіе самаго дѣла. Оно было передано въ руки земскихъ начальниковъ. Разумѣется, *непосредственнаго* завѣдыванія столовыми не могли взять на себя и они, и не только въ силу прямыхъ своихъ служебныхъ

обязанностей, но и по разбросанности въ участкѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ волостей, всей этой массы столовыхъ. Такимъ образомъ дѣло неизбѣжно попадало въ руки сельскихъ попечителей, а таковыми, за немногими исключеніями (сельскіе священники, школьные учителя и учительницы, помѣщики), являлись волостные старшины, сельскіе старосты и вообще лица изъ крестьянской среды. Для большинства завѣдывавшихъ столовыми, послѣднія были тяжелою, навязанною обузою; контроль заведенъ былъ по неизбѣжности, формальный, *казенный* — на этой почвѣ и могли вырости такія явленія, какъ только-что отмѣченныя въ Сурунчакѣ и Токмакѣ.—„Столовать-то онъ насъ столовалъ, — пришлось мнѣ слышать ироническое замѣчаніе по адресу одного такого попечителя (изъ другой уже мѣстности), — а только, подишь ты, краснокрестный горохъ какимъ-то чудомъ все же взялъ да и выросъ на полѣ у него, у этого самаго столовщика-то!"

И противъ этого Красный Крестъ, конечно, безсиленъ. Къ каждому мѣшку съ мукой или горохомъ особаго контролера вѣдь не приставишь, и дѣло можетъ спориться лишь тамъ, гдѣ въ него вкладывается любовь и горячее желаніе добра своему ближнему. Вотъ почему, когда съ весны по деревнямъ стала организоваться частная помощь, частныя столовыя, то земскіе начальники (изъ тѣхъ, для кого слова: „участіе общественныхъ силъ" не составляютъ пугала) по мѣрѣ возможности поспѣшили воспользоваться новыми дѣятелями и охотно передавали въ ихъ завѣдываніе краснокрестныя столовыя. Надо ли говорить, что люди, принесшіе съ собою самоотверженное сознаніе своего общественнаго долга, проявили и здѣсь ту же отзывчи-

вость сердца и заботливость о ввѣренныхъ имъ интересахъ?..

И потому какъ-то странно слышать, будто бы Красный Крестъ (вѣроятно, въ лицѣ лишь мѣстныхъ своихъ представителей?) выражалъ неудовольствіе на то, что „частная помощь оттерла на задній планъ его собственную дѣятельность", и будто бы въ этомъ смыслѣ сдѣланъ былъ даже упрекъ одному земскому начальнику. „Оттирать" Красный Крестъ частныя лица не могли уже по одному тому, что они и выступали позже, и средствами такими не обладали, да и задачу свою понимали не въ соперничествѣ, а въ посильномъ *пополненіи* пробѣловъ и поэтому шли обыкновенно туда, гдѣ оказываемой помощи не хватало; не говоря уже про то, что и въ сознаніи самого крестьянскаго населенія въ большинствѣ случаевъ всѣ виды помощи, и частной, и правительственной, и краснокрестной,—одинаково понимались, какъ идущіе отъ „Царя-Батюшки, нашего общаго Кормильца и Радѣтеля". Что же до конкуренціи касательно того, кто именно кормитъ голоднаго, Красный ли Крестъ, частное ли лицо, частная организація, то, если только это соображеніе имѣло мѣсто, едва ли можно назвать его умѣстнымъ.

А между тѣмъ, сознаюсь, слово конкуренція мнѣ приходилось слышать. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая провѣрить заявленій—и первый порадовался бы ихъ опроверженію,—что въ Нуркѣевской волости Мензелинскаго уѣзда, куда за послѣднее время извѣстный кружокъ князя С. И. Шаховского также распространилъ свою дѣятельность, Красный Крестъ кормитъ дважды въ день и вообще широко помогаетъ тамъ, гдѣ этотъ кружокъ и безъ того оказалъ достаточную помощь; — въ другомъ же пунктѣ уѣзда, въ селѣ Акташъ съ

3,000 населеніемъ краснокрестныя столовыя, открытыя на 800 человѣкъ 15 мая, закрыты были (по крайней мѣрѣ большинство) уже съ 15 іюня, а между тѣмъ въ селѣ полтораста больныхъ дисентеріей — что и побудило тотъ же кружокъ поспѣшить къ акташевцамъ со своею помощью...

Вспоминаются мнѣ и нѣкоторыя другія шероховатости, между прочимъ по поводу вывѣски флаговъ и вообще ношенія знаковъ и атрибутовъ Краснаго Креста. Инородческое населеніе Казанской и Уфимской губерній, въ большинствѣ случаевъ ревностные магометане; муллы пользуются тамъ большимъ вліяніемъ и зорко блюдутъ правила мусульманской вѣры. Здѣсь не только безуспѣшенъ какой-либо прозелитизмъ, но и малѣйшій намекъ на него способенъ вызвать бурю религіознаго фанатизма. При невѣжествѣ же массы, не исключая и самихъ духовныхъ вождей ея, за таковой намекъ иной разъ могутъ быть приняты факты или поступки, съ мыслью о пропагандѣ ничего общаго неимѣющіе. Поэтому приходится быть вообще крайне осторожнымъ въ своемъ образѣ дѣйствій, въ особенности лицамъ, явившимся сюда со стороны и населенію незнакомымъ.

Извѣстно, что во время послѣдней всенародной переписи въ обѣихъ названныхъ губерніяхъ возникли настоящія волненія, мѣстами переходившія въ открытый бунтъ и неповиновеніе властямъ, вслѣдствіе распространившагося слуха, будто за переписью послѣдуетъ насильственное крещеніе всѣхъ мусульманъ. Въ виду этого нынче еще зимою, при первоначальномъ устройствѣ своихъ столовыхъ, Красный Крестъ съ благоразумной осторожностью примѣнялъ присвоенный ему знакъ *креста*. Мѣстами осмотрительность въ поведеніи становилась прямо необходимою. Въ деревняхъ со смѣшаннымъ насе-

леніемъ, съ меньшею отчужденностью народностей, или тамъ, гдѣ магометане имѣли случай заранѣе убѣждаться въ неосновательности своихъ подозрѣній,— тамъ знакъ *Краснаго Креста* не возбуждалъ никакихъ толковъ, никакого неудовольствія. Но въ болѣе глухихъ углахъ дѣло обстояло иначе. Тамъ краснокрестный флагъ носилъ уже въ глазахъ толпы характеръ оскорбленія вѣры, и появленіе его вызывало смуты.

Очевидно, въ такихъ случаяхъ само благоразуміе предписывало большую осторожность и гибкость въ сношеніяхъ съ населеніемъ. Идти на проломъ— значило бы навѣрное рисковать неудачей. Между тѣмъ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, кажется, именно этого-то убѣжденія и недоставало. Желаніе всюду дѣятельность Краснаго Креста обозначить присвоеннымъ ему знакомъ породило здѣсь нежелательныя коллизіи. Едва ли справедливо претендовать на муллъ, что, при открытіи столовыхъ, они „ставили условіемъ“, чтобы мясо рѣзалось согласно магометанскимъ обычаямъ, чтобы флагъ Краснаго Креста не вывѣшивался. Нѣкоторые члены медицинскаго персонала вполнѣ основательно отказались носить на рукѣ повязку съ Краснымъ Крестомъ, не желая раздражать населеніе. Да и какъ иначе? „Намъ этого вѣра не позволяетъ, — говорилъ мнѣ одинъ татаринъ,—если на рукѣ даже въ шутку Крестъ провести, такъ, по нашимъ законамъ, за это можно убить человѣка“. Въ дер. Каменкѣ вывѣска флага надъ зданіемъ столовой вызвала такое ожесточеніе, что земскій начальникъ, опасаясь, какъ бы движеніе не приняло большихъ и уже вполнѣ серіозныхъ размѣровъ, рѣшился на свою отвѣтственность снять его. Послѣдствія этой мѣры оказались, однако, довольно неожиданными: узнавъ о волненіи татаръ, лица, рѣшавшія этотъ

вопросъ, совсѣмъ закрыли столовую и чуть ли еще не вывели изъ Каменки медицинскій отрядъ. Впрочемъ, на помощь деревнѣ сейчасъ же пришла частная организація на средства, собираемыя г-жою Щепетильниковою.

Характерно, что и среди православнаго населенія, именно среди раскольниковъ, иногда замѣчается неодобрительное отношеніе къ символамъ Краснаго Креста: оно видитъ въ нихъ печать антихриста, въ чемъ убѣждаетъ ихъ красный кровяной цвѣтъ креста и, едва ли еще не сильнѣе, ношеніе повязки не на правой, а на *лѣвой* рукѣ.

Все это позволительно называть „невѣжествомъ", „темнотой", „необразованностью массы", но, тѣмъ не менѣе, со всѣмъ этимъ необходимо считаться. Предразсудки и предубѣжденія не искореняются въ одинъ день, тѣмъ безсильнѣе противъ нихъ предписанія и строгія мѣры.

Въ печати былъ уже отмѣченъ недостатокъ сочувствія въ обществѣ къ Красному Кресту; широкаго притока средствъ въ кассу послѣдняго, дѣйствительно, не замѣчается. Изъ $3^1/_2$ милліоновъ, собранныхъ Краснымъ Крестомъ на помощь голодающимъ, отъ частныхъ лицъ и учрежденій поступило всего полмилліона,—сумма совершенно ничтожная. Между тѣмъ пожертвованія, передаваемыя въ частныя руки, съ каждымъ мѣсяцемъ, можно сказать, все растутъ и растутъ.

Причины подобнаго настроенія общественнаго, разумѣется, сложны; искать ихъ слѣдуетъ не въ единичныхъ явленіяхъ, а въ совокупности самыхъ разнообразныхъ условій; но едва ли будетъ ошибкою однимъ изъ такихъ условій назвать тотъ формализмъ и бюрократически-казенный характеръ, который подчасъ чувствуется въ дѣйствіяхъ Краснаго Креста. Не берусь судить, основательно или

нѣтъ, но русское общество хотѣло въ Красномъ Крестѣ, думается мнѣ, видѣть, по связи съ его гуманитарными задачами, учрежденіе болѣе свободное отъ канцелярской рутины и традиціонной вѣры въ могучее значеніе бумаги за №. Отчетность, разумѣется, необходима въ каждомъ дѣлѣ, особенно денежномъ; но она не должна переходить предѣла, за которымъ ей грозитъ опасность превратиться въ пустую формальность, безцѣльно поглощающую силы работника, что особенно бываетъ досадно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этихъ силахъ и безъ того нуждаешься для приложенія ихъ къ настоящему, живому дѣлу.

Если иной разъ услышишь, что изъ-за какихъ-нибудь неизрасходованныхъ или во-время неврученныхъ трехъ копѣекъ ведется сложная канцелярская переписка, шлются изъ одной канцеляріи въ другія запросы, отношенія и разъясненія, то это вызываетъ ироническій смѣхъ и сожалѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый признаетъ, что при существующемъ у насъ бюрократизмѣ иначе и быть не можетъ, тѣмъ болѣе что государственныя и служебныя отношенія не могутъ слагаться на одной вѣрѣ; ихъ опредѣленіе должно быть свободно отъ субъективной оцѣнки. Разъ правительство опредѣлило пособіе нуждающемуся населенію въ размѣрѣ именно 35 фунтовъ въ мѣсяцъ, ни больше, ни меньше, то всякое уклоненіе отъ этого постановленія было бы нарушеніемъ закона, всякій излишне выданный фунтъ явился бы уже растратою казеннаго имущества.

Но въ томъ-то и преимущество Краснаго Креста, въ томъ его и положительная сторона, что онъ можетъ гибче приспособиться къ народной нуждѣ, въ болѣе разнообразныхъ формахъ отвѣтить потребностямъ населенія, не стѣсняясь ни формой, ни

способомъ. Красный Крестъ, конечно, такъ и поступаетъ, но потому-то и представляется излишнею и стѣснительною для другихъ (да, вѣроятно, и для него самого) та бумажная отчетность, каковою онъ обставилъ свое дѣло и образецъ чему онъ нашелъ уже готовымъ въ бюрократическомъ строѣ нашихъ правительственныхъ учрежденій. Развѣ не обидно въ такомъ живомъ дѣлѣ видѣть эти горы оправдательныхъ документовъ, расписокъ и квитанцій, эти кипы отчетныхъ вѣдомостей и раздаточныхъ списковъ, эти груды ежемѣсячныхъ отчетовъ, двойную бухгалтерію примѣнительно къ каждой копѣйкѣ, получаемой и расходуемой?..

Вамъ возражаютъ, что долгъ чести требуетъ дать отчетъ въ каждой израсходованной народной копѣйкѣ. Безспорно. Но вѣдь отчетность, говоря по существу, заключается не въ томъ, что эта копѣйка внесена въ такую-то рубрику. Дѣло, наконецъ, и, не въ размѣщеніи этихъ копѣекъ по рубрикамъ, а въ *цѣлесообразности* ихъ расхода. Внося въ Красный Крестъ свои пожертвованія, общество вноситъ ихъ въ силу своего довѣрія къ этому учрежденію и въ формальной отчетности не нуждается. Оно вѣритъ, что Красный Крестъ израсходуетъ его деньги съ пользою для дѣла, вѣря также, что Красный Крестъ найдетъ и лицъ, которымъ *само довѣряетъ*, на которыхъ само надѣется. Между тѣмъ, заботливо регламентируя дѣятельность своихъ исполнительныхъ органовъ, не показываетъ ли этимъ самымъ Красный Крестъ недостатокъ своего къ нимъ довѣрія? Но вѣдь если это такъ, то не ослабнетъ ли и у общества вѣра въ Красный Крестъ, потому что общество хорошо знаетъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ помощь нуждающемуся, цѣлесообразность и справедливое распредѣленіе послѣдней зависитъ исключительно отъ доброй

воли распредѣляющаго, а не отъ тѣхъ требованій и условій, какія къ нему предъявляются извнѣ.

Еще въ зимнюю поѣздку сильно поразило меня обиліе той канцелярской работы, что приходилось вести каждому, имѣвшему дѣло съ Краснымъ Крестомъ. Даже частныя лица, если они получали средства отъ Краснаго Креста, обязывались представленіемъ длинныхъ именныхъ списковъ, квитанцій, разсчетовъ и т. п. Земскіе же начальники прямо были завалены этой работой; по цѣлымъ днямъ сидѣли они за „бумагами“,—и это въ пору, когда ихъ присутствіе и учащенный объѣздъ участковъ былъ болѣе чѣмъ когда необходимъ. Далеко не всѣ могли сами справиться съ перепиской; обычнаго письмоводителя не хватало, приходилось нанимать еще второго.

— „Помилуйте“, — говорилъ мнѣ одинъ земскій начальникъ не то съ горечью, не то съ ожесточеніемъ — „да у моего письмоводителя за это время волосы вылѣзли изъ головы — столько работы! И это еще только при ежемѣсячной отчетности! А что бы это вышло, если бы представлять отчеты, какъ они на этомъ настаивали, было, черезъ каждыя двѣ недѣли! Но такой срокъ прямо невозможенъ. И сколько уходитъ одной бумаги! Расходъ этотъ несемъ не только мы, но и бѣдный сельскій учитель или учительница, тратясь на него изъ своего кармана“.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какъ обставлено это дѣло хотя бы *въ предѣлахъ дѣятельности однихъ только земскихъ начальниковъ*. Получивъ деньги изъ мѣстнаго уѣзднаго комитета, земскій начальникъ выдаетъ въ полученіи ихъ квитанцію по особой квитанціонной книжкѣ. Это *первый* моментъ. *Вторымъ* моментомъ является внесеніе денегъ на приходъ въ приходо-расходную книгу; *третьимъ* —

выдача денегъ сельскому попечительству съ внесеніемъ ихъ въ расходъ. Сельское попечительство въ свою очередь заприходываетъ полученную сумму въ особую книгу и также выдаетъ расписку въ ихъ полученіи — это моменты *четвертый* и *пятый*. Какъ видите, каждый изъ нихъ сопровождается работою пера, спеціальной регистраціею, составленіемъ особыхъ номеровъ. Одна и та же копѣйка фигурируетъ подъ рубриками разныхъ наименованій. Этимъ, однако, еще не оканчиваются продѣлываемыя надъ нею манипуляціи.

Получивъ расписку сельскаго попечителя, земскій начальникъ регистрируетъ ее въ числѣ другихъ оправдательныхъ документовъ — моментъ *шестой;* попечитель же, въ свою очередь, по мѣрѣ расхода, выписываетъ деньги въ расходную книгу съ приложеніемъ отобранныхъ расписокъ продавцовъ — моменты *седьмой* и *восьмой*, такъ какъ и расписка продавца (иногда и нѣсколько расписокъ) есть тоже особый актъ, новое звено всей этой длинной цѣпи. Вслѣдъ за этимъ въ хронологической послѣдовательности сельскимъ попечительствомъ ведется запись купленныхъ продуктовъ на приходъ (мом. *девятый*) и выпись ихъ на расходъ (мом. *десятый*), съ тѣмъ же обязательнымъ отобраніемъ расписокъ получателей (мом. *одиннадцатый*) и съ составленіемъ раздаточныхъ списковъ (мом. *двѣнадцатый*) или отчетныхъ вѣдомостей по веденію столовой (мом. *тринадцатый*).

Кончается мѣсяцъ, и сельскія попечительства представляютъ земскому начальнику подробный отчетъ со всѣми оправдательными документами— это *четырнадцатый* моментъ. Прежде чѣмъ начать пользоваться этими отчетами для составленія своего собственнаго, земскому начальнику приходится сдѣлать тщательную провѣрку его во всѣхъ отно-

шеніяхъ — это будетъ уже *пятнадцатый* моментъ. Провѣрка же это далеко не фраза. Отчетовъ много, а зачастую составлены они не по формѣ, неясно, съ упущеніями: тамъ расписка не приложена — надо затребовать ее; тутъ переврали—надо исправить; тамъ напутали—обращайся за разъясненіями и т. п. Да иначе, пожалуй, и не можетъ быть при малограмотности тѣхъ лицъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, стоятъ во главѣ сельскихъ попечительствъ. Во всякомъ случаѣ, такая провѣрочная работа для земскаго начальника — одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ въ веденіи всего дѣла.

Провѣрка, наконецъ, закончена, и земскій начальникъ приступаетъ къ выборкѣ изъ сельскихъ отчетовъ всевозможнаго рода свѣдѣній для составленія мѣсячной вѣдомости и представленія ея въ мѣстный комитетъ Краснаго Креста — *шестнадцатый* моментъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ относительно каждаго пункта, гдѣ устроена помощь въ томъ или иномъ видѣ (столовая, хлѣбопекарня, чайная, пріютъ, общежитіе, врачебные пункты), должны *каждый мѣсяцъ* сообщаться свѣдѣнія слѣдующаго рода: 1) когда организована и съ какого времени производится помощь; 2) въ чемъ именно выразилась помощь населенію и какое именно учрежденіе помощи было организовано; 3) какому числу лицъ эта помощь была оказана; 4) сколько было собрано средствъ ко времени организаціи учрежденія; 5) сколько средствъ поступило отъ Краснаго Креста; 6) сколько поступило частныхъ пожертвованій, и притомъ: а) деньгами и б) продуктами; 7) итогъ поступившихъ на данное учрежденіе средствъ: а) деньгами и б) продуктами; 8) сколько израсходовано: а) деньгами и б) продуктами; 9) сколько остается налицо: а) деньгами и б) продуктами; 10) званіе, имя, отчество и фамилія: а) завѣдыва-

ющихъ учрежденіями Краснаго Креста, б) предсѣдателей комитетовъ, в) попечительствъ или попечителей. Наконецъ, не довольствуясь всѣмъ этимъ, бланкъ Краснаго Креста даетъ мѣсто новой, на этотъ разъ, правда, уже послѣдней рубрикѣ, — 11) особыхъ „примѣчаній“.

Все сказанное лишь въ слабой степени даетъ надлежащее представленіе о томъ количествѣ бумаги, что исписывается, и времени, что затрачивается на эти записи. Во всякомъ случаѣ, если имѣть въ виду всѣ неурожайныя губерніи, то этихъ бумагъ накопится сотни и сотни пудовъ,— именно пудовъ, — листами, тетрадями тутъ уже не пересчитать. Одни „оправдательные документы“ чего стоютъ! А отчетныя вѣдомости по веденію столовыхъ, гдѣ требуется обозначеніе, сколько въ данной столовой было въ *каждый день* ѣдоковъ и сколько выдано продуктовъ! А именные списки столующихся! А такіе же именные раздаточные списки лицъ, получившихъ одежду, съ обозначеніемъ не только имени и фамиліи получателя, но и числа его лѣтъ, названія полученной одежды (кульмякъ, платокъ, шапка, рубаха, опанки) и количества каждаго предмета въ отдѣльности!

Спрашивается, къ чему все это? Красный Крестъ устроилъ тысячи столовыхъ; въ нихъ кормится не одна сотня тысячъ людей; не одна тысяча ребятъ одѣлась на средства Краснаго Креста, — что скажутъ послѣднему эти безконечныя вереницы именъ? Есть ли возможность земскому начальнику всегда, каждый разъ, безошибочно провѣрить, дѣйствительно ли тѣхъ, а не этихъ кормитъ сельскій попечитель, и именно столько-то, а не меньше? закуплены-ли продукты, дѣйствительно, по заказанной цѣнѣ или нѣтъ? О, цѣна будетъ проставлена, „отчетность“ будетъ соблюдена, но... что же изъ этого?..

Съ другой стороны, есть ли возможность и Красному Кресту провѣрить, что земскій начальникъ, дѣйствительно, во всѣхъ случаяхъ производилъ закупки и распредѣленіе помощи такъ, какъ это имъ показано? Кто будетъ провѣрять его дѣйствія? Уполномоченный Краснаго Креста? Но вѣдь онъ одинъ на уѣздъ, а земскихъ начальниковъ десятокъ, сельскихъ же попечительствъ сотни. Ему пришлось бы функціонировать чуть не исключительно въ роли контролера, въ ущербъ прямымъ и болѣе существеннымъ обязанностямъ... Мѣстный комитетъ Краснаго Креста, засѣдающій въ уѣздномъ городѣ? На основаніи этихъ бумажныхъ отчетовъ? Но надо-ли доказывать, что этотъ контроль и есть наиболѣе „бумажный"?.. Въ самихъ земскихъ начальникахъ онъ вызываетъ одну только улыбку снисхожденія.

— Но какъ же поступить иначе? Безъ угрозы контроля и отчетности можно опасаться, что суммы не всѣ полностью уйдутъ по назначенію.

Насколько это вѣроятно, судить не мнѣ; но если это такъ, то выводъ изо всего сказаннаго мало утѣшителенъ: у Краснаго Креста не только нѣтъ людей, но ясно, что ихъ и нельзя создавать путемъ канцелярскимъ, путемъ „отношеній" и „предписаній". Не потому ли общество съ большимъ довѣріемъ и отнеслось къ благотворительной помощи частныхъ лицъ? Не потому ли и *вѣритъ* имъ болѣе, не нуждаясь въ ихъ отчетности, — вѣритъ, какъ *людямъ*, о которыхъ знаетъ, что они пошли по влеченію собственнаго сердца, не „по службѣ", и что уже по одному этому стоятъ выше всякихъ подозрѣній?..

IV.

Частная благотворительность.

Какое свѣтлое явленіе отмѣтитъ будущій историкъ на темномъ фонѣ нынѣшняго голоднаго года?—Образчики самоотверженной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Привычка постоянно обращаться съ историческимъ матеріаломъ невольно вызываетъ движеніе исторически подойти даже и къ современнымъ явленіямъ, хотя для нихъ собственно историческое освѣщеніе казалось бы еще и рановременнымъ. Такой пріемъ, разумѣется, не совсѣмъ остороженъ, но.... я допустилъ эту погрѣшность уже въ первомъ своемъ письмѣ, въ замѣчаніи о тѣхъ періодахъ, на какіе, по моему мнѣнію, дѣлится исторія нынѣшняго голоднаго года. Каюсь, вотъ и теперь, собираясь говорить о частной благотворительной помощи, невольно ставишь себя въ положеніе того бытописателя, которому впослѣдствіи выпадетъ на долю невеселая задача возстановить въ памяти позднѣйшихъ поколѣній картину современной нашей косности и омертвѣнія общественной жизни. Его перо заговоритъ нѣсколько бодрѣе, развѣ еще когда рѣчь зайдетъ, именно, объ участіи общества въ борьбѣ съ теперешнимъ голодомъ. И, думается мнѣ, рѣчь его будетъ приблизительно такова:

„То была печальная пора въ жизни русскаго общества, въ развитіи русской общественной мысли. Послѣ кратковременнаго оживленія, наступившаго въ началѣ второй половины вѣка, стали сгущаться новыя сумерки, и сознаніе живого дѣла, сознаніе своихъ обязанностей снова начало меркнуть, тус-

кнѣть. Къ обществу, призванному, было, къ извѣстной самобытности, снова отнеслись съ недовѣріемъ, и бюрократизмъ снова поднялъ свою голову. Казалось, севастопольскій погромъ достаточно подчеркнулъ его безсиліе, достаточно раскрылъ ту пропасть, въ какую ввергалъ онъ все государство, но годы залѣчили тяжелую рану, и старый порядокъ опять властно протянулъ свою руку. Послѣ праздничнаго оживленія и свѣтлыхъ надеждъ снова потянулись сѣрые будни; интересы къ явленіямъ общественной жизни стали замирать все сильнѣй и сильнѣй; свѣтлыя надежды потухли; всюду прокралось формальное, бездушное отношеніе, и рядомъ съ нимъ—пессимизмъ отчаянія; порывались живыя общественныя связи, а слабыя попытки немногихъ встряхнуться и пробудить дремавшую мысль разбивались о каменное равнодушіе и явное недовѣріе.

„Но вотъ, на самомъ исходѣ столѣтія, грянулъ оглушительный громъ; большая бѣда стряслась надъ русской землею: тяжелая, безысходная нужда посѣтила русскія села, татарскія деревни. Опасность грозила всей странѣ, дѣло было не только государственнымъ, но и общественнымъ. Казалось, не только польза страны, не только интересы политики и управленія громко вопіяли къ небу, но также и сознаніе единства, общности интересовъ, сознаніе нравственнаго долга, потребность, посильною помощью утоляя физическій голодъ ближняго, утолить и духовную жажду собственнаго сердца, — короче говоря, та потребность живой, дѣятельной любви, что никогда не должна глохнуть ни въ какомъ обществѣ, и безъ которой — горе лишеннымъ ея.

„Это государственное и общественное дѣло сразу стало неминуемымъ, неотложнымъ. *Государство*

тогда же пошло на борьбу съ лютымъ врагомъ, тогда же начало примѣнять мѣры, какія считало необходимыми или возможными для себя. Но отчего же молчало *общество?* Отчего не поднялось и оно? Неужели даже и такая бѣда не въ силахъ была расшевелить его сонную мысль? Или, дѣйствительно, заглохло въ немъ сознаніе долга, и, въ самомъ дѣлѣ, замерла потребность живой, дѣятельной любви?...

„Нѣтъ, говорить такъ значило бы несправедливо наносить обиду. Сознаніе долга, правда, глушилось, но не заглохло; потребность живой, дѣятельной любви замирала, но не замерла. Проявиться общественному самосознанію въ надлежащей степени мѣшали обстоятельства чисто внѣшняго характера, начиная съ того, что общество было далеко не достаточно освѣдомлено съ истиннымъ положеніемъ дѣла въ голодающихъ губерніяхъ, и кончая увѣренностью (она раздѣлялась тогда довольно многими), что дѣло можетъ обойтись и безъ него. Очевидно, въ ту пору его минута еще не наступила.

„Между тѣмъ, грозный бичъ неустанно и безпощадно косилъ здоровье и жизнь тысячъ людей. Картина разрушенія съ каждымъ мѣсяцемъ становилась все разительнѣе, все болѣе потрясающа; стоны и крики пострадавшихъ раздавались все громче, и ихъ не въ состояніи были теперь заглушить ни сытый индифферентизмъ, ни холодная увѣренность въ собственныхъ силахъ. Борьба предвидѣлась упорная. Правительство приняло рядъ мѣръ изъ числа самыхъ настоятельныхъ и неотложныхъ, но его средствъ и единичныхъ усилій все-таки не хватило на всю борьбу. Появился и Красный Крестъ, но вражеская сила по прежнему не хотѣла сдаваться и одолѣвала съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

„А общество, въ массѣ, все еще не трогалось съ мѣста! Отсутствіе яснаго, отчетливаго представленія о степени и размѣрахъ бѣды, съ одной стороны, и недовѣріе, высказываемое ему съ другой стороны,—вотъ что порождало его неподвижность.

„Между тѣмъ, единичные работники изъ среды общества то тамъ, то тутъ стали появляться сравнительно еще задолго. Они не только боролись, но и дѣлились своими впечатлѣніями; не только работали, но и взывали о помощи. И вотъ, наконецъ, ихъ голосъ и примѣръ были услышаны и мало-помалу начали оказывать свое дѣйствіе; положеніе дѣла стало уясняться гораздо отчетливѣе, картина рисоваться гораздо ярче. Тревога и скорбь душевная охватили спокойнаго до сихъ поръ зрителя, и въ ту пору, когда ужасы народнаго бѣдствія, казалось, готовы были достигнуть своего апогея, наступилъ желанный переломъ: на борьбу съ голодомъ двинулась и масса. Опасность дальнѣйшаго промедленія слишкомъ уже была теперь въ глаза, и всѣ, кто имѣлъ отзывчивое сердце, спѣшили на помощь. Посыпались деньги, устроился сборъ вещами; но самымъ цѣннымъ была помощь самими людьми. Необходимость въ рубляхъ, въ одеждѣ, въ разныхъ медикаментахъ была несомнѣнная; но пожалуй еще необходимѣе были въ эту минуту сами люди, въ которыхъ ощущался всю зиму такой недостатокъ.

„И вотъ, сотни и сотни людей самоотверженно пошли теперь въ зараженныя и обезсиленныя деревни. Ледъ пробился, плотина прорвалась, потокъ хлынулъ. Русское общество нервнымъ, порывистымъ движеніемъ точно спѣшило вознаградить себя за несвоевременную спячку, за невольное бездѣйствіе. Въ глухіе углы Поволжья и Прикамья потянулись доктора и женщины-врачи, студенты и студентки,

фельдшерицы и сестры милосердія, учителя и учительницы, помѣщики и литераторы, консерваторки и художники, люди свободные отъ службы и взявшіе отпускъ, мужчины и женщины, вдовы и замужнія, молодежь и взрослые, безбородые и съ сѣдиной, богатые и бѣдные, лица съ положеніемъ и никому неизвѣстные...

„Многихъ захватилъ этотъ чистый, свѣтлый потокъ, затронувъ и мѣстныхъ дѣятелей, вызвавъ и въ нихъ усиленную энергію, готовность итти на работу. Внося чистыя, еще неиспытанныя радости въ жизнь участниковъ этого благороднаго движенія, онъ въ то же время нравственно освѣжилъ, приподнялъ и все современное общество. Этою стороною онъ является свѣтлымъ лучомъ на общемъ фонѣ тогдашней сѣрой дѣйствительности, отрадной, примиряющею страницей въ исторіи того времени. Благодаря этому движенію, тяжелую годину 1898—1899 г. найдется чѣмъ помянуть также и хорошимъ. Хвала всѣмъ, кто будилъ насъ въ это время, всѣмъ, кто напоминалъ о нашемъ долгѣ:

> Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.
> Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
> Русскій народъ!..“

Вотъ что, или приблизительно что, думается мнѣ, скажетъ будущій историкъ о нашемъ времени вообще, и о той годинѣ, что теперь заканчивается, въ частности.

И развѣ онъ не будетъ правъ? Развѣ участіе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ голодомъ не приподняло нашего настроенія, развѣ не почувствовалась струя свѣжаго, здороваго воздуха?.. Развѣ могли безслѣдно пройти эти многочисленные примѣры добровольнаго удаленія въ деревенскую глушь,

гдѣ иные прямо до самозабвенія жертвуютъ своими силами, здоровьемъ, покоемъ душевнымъ?..

Вотъ хоть бы этотъ юноша-студентъ: утомленный экзаменами (а кто же не знаетъ, что нынѣшніе экзамены нервировали одною уже своей обстановкой?), онъ все-таки ѣдетъ не домой, а сюда, въ эту татарскую деревушку, гдѣ объясняться приходится съ помощью переводчика, гдѣ прежде, чѣмъ оказать медицинскую помощь, надо побѣдить вѣковые предразсудки, гдѣ, наконецъ, мерзость запустѣнія всей обстановки одна способна привести васъ въ отчаяніе. Онъ, однако, не раскаивается въ своемъ пріѣздѣ: онъ лишь хотѣлъ бы имѣть почаще извѣстія о своихъ родныхъ, безпокоясь о нихъ; но въ тотъ уголъ, куда забросила его судьба, почта приходитъ чуть ли не разъ въ мѣсяцъ. Нервы и безъ того страшно приподняты, а нужда кругомъ — громадная, средства для борьбы съ нею — ничтожны: невольно закрадывается сомнѣніе, неувѣренность, — но я лично вѣрю, что онѣ не сломятъ юной души, и молодой работникъ останется до конца на мѣстѣ.

На „великое дѣло любви“ идетъ не одна молодежь; я видѣлъ людей во цвѣтѣ лѣтъ, пожилыхъ, съ сѣдыми волосами, но у всѣхъ у нихъ одинаково горячее сердце. Вотъ — почтенная старушка, жена педагога; ей уже за 60, но цѣлую весну, изо дня въ день, съ утра и до вечера она за работой; вотъ — молодая дѣвушка изъ обезпеченной петербургской семьи, она одна-одинешенька среди татарской деревни, и сколько воли, сколько настойчивости въ преслѣдованіи поставленной цѣли!..

А вотъ — и еще молодое существо: путемъ какой борьбы досталась ей настоящая работа! Отецъ грозилъ отказать ей отъ дома, если она пойдетъ, но она была не въ силахъ бороться противъ того,

что считала своимъ долгомъ, и предпочла разрывъ. Насколько же тяжелѣе должна стать ей самая работа при томъ настроеніи, какое она теперь испытываетъ!

Или еще вспоминаются мнѣ глубокіе, вдумчивые глаза, впалыя щеки и та печать утомленія на лицѣ, которой не сгонишь ни минутной улыбкой, ни оживленнымъ разговоромъ въ теченіе вечера. Много слезъ выплакали эти глаза; много горя принесла съ собою смерть дочери-малютки... Но личное горе сдѣлало еще понятнѣе горе чужое. Знакомые удивлялись этой поѣздкѣ; заглазно, можетъ-быть, даже осмѣивали ее: поддержка была найдена въ одномъ только мужѣ, которому лишь служебныя обязанности помѣшали слѣдовать за женою. И вотъ, она вдалекѣ отъ родныхъ и близкихъ, одна среди незнакомыхъ людей, говорящихъ на непонятномъ ей языкѣ, но нуждающихся въ ея кускѣ хлѣба и въ ея медицинской помощи.

Мѣсяцъ напряженной работы дѣлаетъ ее восковою, доводитъ до галлюцинацій, но самоотверженная женщина не сдается на убѣжденія, на явную необходимость дать себѣ отдыхъ и съ ранняго утра до поздней ночи на своемъ благородномъ посту. Что для нея всѣ эти Ибрагимы, Нигматуллы, вчера еще совсѣмъ невѣдомые, чужіе люди? Поймутъ ли они движенія ея души? Будутъ ли помнить ее?.. Она объ этомъ не спрашиваетъ, повинуясь лишь влеченію своего сердца, сознанію своего долга.

Развѣ это не подвигъ? Развѣ это не святой человѣкъ? Преклонимся передъ такими людьми! Повторяю, они — дороги намъ, потому что будятъ нашу заснувшую совѣсть.

V.

Частная благотворительность.

(продолженіе).

Воспитательное значеніе частной благотворительности. — Впечатлѣніе, производимое ею на туземное населеніе; отдѣльные примѣры — Пасторъ Френсисъ.— Возможность болѣе непосредственнаго соприкосновенія съ нуждою.— Печальныя недоразумѣнія.—Развращаетъ ли даровая помощь?— Какъ помочь этому злу?—Заколдованный кругъ.— Степень нужды и степень обнищанія въ цифровыхъ данныхъ.

Здоровая благотворительность не знаетъ различія національностей, истинный христіанинъ оказываетъ помощь, не спрашивая, кто я такой. Тѣмъ отраднѣе наблюдать, какъ на этой почвѣ сглаживаются житейскія несправедливости. Здѣсь у мѣста вспомнить, какъ татарское населеніе въ той мѣстности, гдѣ работалъ кружокъ кн. Шаховского, первоначально не безъ удивленія присматривалось къ его дѣятельности: татарамъ казалась необычною та сердечная теплота, съ какою совершенно незнакомые имъ люди вникали въ положеніе нуждающихся, то чувство человѣчности, какимъ была проникнута оказываемая помощь. И зато надо было видѣть то радостное и благодарное чувство, когда они сами проникли во внутренніе мотивы, руководившіе кружкомъ: „Нонче русскіе татарча за человѣка считаютъ! Спасибо Государю и россійскимъ господамъ“. Бѣдняги! Какъ долго, должно-быть, ждали они *человѣческаго* отношенія къ себѣ!

И зато какъ умѣютъ они чувствовать эту человѣчность, выражая ее мелочнымъ ли подаркомъ, вниманіемъ...Мнѣ вспоминается разсказъ о проводахъ,

устроенныхъ цѣлою деревнею при отъѣздѣ одной изъ сотрудницъ кружка кн. Шаховского. Благодарностямъ и заботамъ не было конца: всякій наперерывъ старался усадить, уложить вещи; женщины забыли о необходимости прятать отъ посторонняго взора свое лицо, и въ воздухѣ то и дѣло раздавались восторженныя «рахметъ», «прощай», «бикъ якши» и т. п.

А то какъ-то приходитъ къ другой сотрудницѣ одна старуха и умильно начинаетъ гладить ее ладонью по лицу. Та допытывается причины такой ласки, тѣмъ болѣе удивленная, что лично ей, какъ состоятельной, ничѣмъ не была еще полезна: «у тебя сердце доброе—было отвѣтомъ,—ты о нашихъ бѣдныхъ татарахъ заботишься. Спасибо тебѣ».

Въ своей записной книжкѣ я нахожу еще слѣдующій разсказъ, слышанный мною въ Чистопольскомъ уѣздѣ: «Почти тотчасъ же по пріѣздѣ сюда особенно бросилась мнѣ въ глаза одна татарка съ дочерью: жалкія, совсѣмъ безпомощныя существа, онѣ всю зиму ходили голодныя, оборванныя до невозможности; вмѣсто платья, на нихъ висѣли однѣ тряпки. Я ихъ накормила, пригрѣла и вскорѣ же каждой сшила по кульмяку, да, кромѣ того, купила обѣимъ еще пару платковъ. Подарокъ мой прямо ошеломилъ бѣдную женщину: ничего подобнаго, повидимому, она не ожидала. Переходъ отъ грязной рвани къ чистому, прочному платью былъ такъ рѣзокъ, радость такъ велика, что нервы ея не выдержали: бѣдняга не падала въ ноги, не благодарила—нѣтъ, она даже оставила вещи на лавкѣ, а сама ушла за занавѣску и зарыдала тамъ. Среди этихъ рыданій она произносила непонятныя мнѣ слова, но смыслъ ихъ былъ ясенъ: это была ея молитва».

А что вы скажете про это письмо, которое я привожу цѣликомъ, безъ какихъ-либо измѣненій, съ полнымъ сохраненіемъ его стиля:

„Его высокоблагородію. Господинъ докторъ! Пришлите намъ лѣкарствъ, питья положеніемъ три ложки въ день и порошковъ отъ кашля. Мы васъ очень благодаримъ, что вы котораго лѣчили мальчика, теперь онъ выздоровѣлъ, за то и благодаримъ. Вылѣчившійся мальчикъ именемъ Фролъ Алексѣевичъ Н—нъ. Я желаю быть вашимъ слугой. Я хочу научиться отъ васъ этому дѣлу, которымъ вы занимаетесь. Я буду съ вами всегда, куда бы то вы ни уѣхали. Мнѣ ужъ 15 лѣтъ. Е. Н—нъ".

Это письмо само говоритъ за себя. Сколько новыхъ представленій зародилось въ головѣ юноши съ пріѣздомъ этихъ еще невиданныхъ въ его околоткѣ людей, и кто знаетъ, куда приведутъ его проснувшаяся мысль и загорѣвшаяся жажда знанія...

Я только-что сказалъ, что здоровая благотворительность не знаетъ различія національностей. Въ одной изъ татарскихъ деревень того же Чистопольскаго уѣзда неожиданно для себя я встрѣтилъ пастора Френсиса, объѣзжающаго пострадавшія губерніи по порученію благотворительнаго общества, что при англиканской церкви въ С.-Петербургѣ. Почтенный пасторъ давно уже извѣстенъ на поприщѣ благотворительности. Человѣкъ возвышеннаго характера, съ истинно-христіанскимъ сердцемъ, онъ неустанно ищетъ обездоленныхъ и несчастныхъ и, все равно, гдѣ бы ни нашелъ ихъ, въ петербургской-ли трущобѣ, въ татарской-ли голодаевкѣ, онъ,— можно быть заранѣе увѣреннымъ,—проявитъ одинаковую чуткость и гуманность. Лично у меня съ пасторомъ Френсисомъ связаны самыя свѣтлыя и благодарныя воспоминанія за то широкое содѣйствіе, какое онъ оказалъ въ голодный 1891—1892 г. столовымъ въ Оренбургской губерніи, въ организаціи которыхъ я тогда принималъ участіе. Точно такъ же и теперь достаточно было обратить его вниманіе

на нѣкоторые пункты, заслуживающіе, по моему мнѣнію, особой поддержки, чтобы встрѣтить ту же благородную готовность итти на встрѣчу нуждѣ.

Пасторъ Френсисъ—уже во второй разъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Раньше онъ пріѣзжалъ сюда въ началѣ мая съ мистеромъ Лонгомъ, секретаремъ Стэда; отсюда онъ намѣревался ѣхать въ Спасскій уѣздъ, Казанской губерніи, для организаціи тамъ своей помощи и особенно въ Малмыжскій, Вятской губерніи, такъ какъ, по слухамъ, краснокрестныя столовыя тамъ уже прикрывались, а можно было опасаться, что нужда въ нихъ все еще сказывалась. Большія средства, находящіяся въ распоряженіи пастора Френсиса, дѣлаютъ его помощь особенно цѣнной. Къ тому же она согрѣта такою любовью!

Я не разъ указывалъ, что помощь Краснаго Креста, въ силу прямыхъ задачъ своихъ и условій положенія, гораздо гибче помощи казенно-правительственной: она обладаетъ большею способностью примѣняться къ народной нуждѣ, подмѣчать ея оттѣнки и потому лучше удовлетворяетъ ихъ. *Въ этомъ отношеніи* настолько же выше Краснаго Креста благотворительность частная. Организація помощи, ея осуществленіе—все это дѣлается частными благотворителями болѣе или менѣе непосредственно на мѣстѣ. Тутъ люди *сами* предварительно обходятъ деревню, составляютъ себѣ понятіе о степени и размѣрахъ нужды, *сами* устраиваютъ столовыя, *сами* закупаютъ провизію и если не сами готовятъ пищу, то зачастую *сами* раздаютъ ее, *сами* рѣжутъ хлѣбъ, *сами* отвѣшиваютъ.

Во всякомъ случаѣ, все дѣлается подъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Заглазной работы почти нѣтъ или она доведена до минимума, и не только въ томъ случаѣ, если на рукахъ—всего одна столовая или, хотя и нѣсколько, но въ одной деревнѣ.

но и тамъ, гдѣ столовыхъ больше и онѣ въ нѣсколькихъ деревняхъ. А только постоянное непосредственное соприкосновеніе съ нуждой и въ состояніи отличить нужду Якова отъ нужды Степана, прослѣдить ихъ послѣдовательныя измѣненія, что особенно важно, какъ для своевременности, такъ и для правильнаго распредѣленія оказываемой помощи.

На мѣстѣ все виднѣе. Старикъ, цынготный въ сильной степени, живетъ съ единственной дочерью страшно бѣдно въ жалкой лачугѣ. Онъ столуется не въ той деревнѣ, гдѣ живетъ, но въ другой, единственно потому, что тутъ онъ только „живетъ", приписанъ же къ другому сельскому обществу. Осенью, когда сельскіе старосты составляли списки, онъ былъ включенъ въ списокъ *своей* деревни, а не этой, и вотъ въ теченіе всей зимы, ежедневно, и въ хорошую, и въ дурную погоду, дочурка, плохо одѣтая, ходила за 3 версты за обычною порціей изъ 2 фунтовъ хлѣба и кринки варева для себя и для отца. О, они не были обдѣлены, зачѣмъ! Но въ массѣ, а главное, *на извѣстномъ разстояніи* они превратились въ ярлычки съ соотвѣтственными именами, въ простой нумеръ, который такъ легко укладывается въ любой списокъ, въ любую рубрику. Они не были забыты, нѣтъ,—но, очевидно, о нихъ никто *не подумалъ*, не было кому позаботиться. Для этихъ онъ былъ чужой, а тѣ, вѣроятно, еще въ заслугу себѣ ставятъ, что не „позабыли" старика, вставивъ его въ свой списокъ. Никому не было дѣла до того, какъ заживо сгнивалъ онъ въ темной, смрадной конурѣ, а тщедушное, слабенькое существо ежедневно вязло въ сугробахъ, тщетно ежась отъ вѣтра въ своей одежонкѣ. Но вотъ пріѣхали издалека другіе люди и за „нумеромъ" вскрыли живого человѣка; они *воочію* увидали его

невозможное положеніе, и безполезная ходьба въ сосѣднюю деревню, разумѣется, сразу же прекратилась, необходимая помощь была тотчасъ же подана.

А въ какую категорію пострадавшихъ отнести ту группу крестьянъ, что съ осени и зимы, не надѣясь на лучшее, рѣшились покинуть свою деревню и переселиться въ Сибирь? Они распродали свои усадьбы, избы, часть скарба, но теперь вернулись, не найдя на новыхъ мѣстахъ того, чего искали... Нѣкоторые дотащились до родного угла, по выраженію разсказчика, „буквально голыми“; если бы даже и допустить въ этомъ выраженіи нѣкоторую гиперболу, то все же не особенно сильную, такъ какъ партія не рѣшалась днемъ войти въ деревню, а дождалась у поскотины сумерокъ: не такъ стыдно было! Легко судить, въ какомъ положеніи они теперь: хотя имъ и вернется надѣлъ, но ни избъ, ни лошадей, ни сѣмянъ на предстоящій посѣвъ,—ничего этого у нихъ нѣтъ!

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ деревня Корчажки, въ районѣ дѣятельности г-жи Сидорченко, всю зиму и весну крѣпилась, держалась своимъ хлѣбомъ, а 21 іюня не выдержала и слезно запросила о помощи. Она была оказана ей немедля, безъ проволочекъ; а явись таковыя, и столовая, разрѣшенная позже, уже не достигла бы своей цѣли: къ 15—20 іюля Корчажки будутъ снова съ хлѣбомъ, новымъ, своимъ. При тѣхъ же условіяхъ въ селѣ Токмакъ была открыта столовая 27 іюня. Кружокъ кн. Шаховского открылъ столовую въ Новомъ Каширѣ 29 іюня.

Тѣмъ больнѣе встрѣчаться съ препятствіями на почвѣ формальностей и холоднаго отношенія къ дѣлу. Въ одной изъ деревень Чистопольскаго уѣзда открыта была столовая на средства, собираемыя

для этого района г-жею Щепетильниковою, но черезъ нѣкоторое время земскій начальникъ закрылъ ее на основаніи того, что ему неизвѣстно было, дано ли губернскими властями дозволеніе на ея открытіе. Священникъ, завѣдывавшій столовою, получилъ отъ названнаго земскаго начальника формальное отношеніе съ требованіемъ или предъявить разрѣшеніе губернатора, или немедленно прекратить свою дѣятельность подъ угрозой уголовной отвѣтственности. Заявленіе о томъ, что казанскій губернаторъ далъ общее разрѣшеніе г-жѣ Щепетильниковой, и что въ другихъ земскихъ участкахъ таковымъ вполнѣ удовлетворяются, не подѣйствовало, и столовая была закрыта. Самое закрытіе произошло съ торжественной обстановкой,—съ понятыми, волостнымъ, старшиной и составленіемъ формальнаго акта. Возникла переписка, разрѣшеніе, разумѣется, было подтверждено,—но время между тѣмъ ушло и деревня, кажется, такъ и осталась безъ столовой.

А печальный инцидентъ въ томъ же Чистопольскомъ уѣздѣ съ благотворительницей, что, пріѣхавъ изъ Крыма, организовала такую щедрую помощь нуждающемуся населенію въ одномъ изъ большихъ селъ! Тоже недоразумѣніе, хотя подкладка здѣсь болѣе серіозная и болѣе печальная... Дѣло, говорятъ, вышло изъ-за самыхъ невиннѣйшихъ книжекъ (кажется, какого-то „Ходатая по крестьянскимъ дѣламъ“), не только дозволенныхъ цензурою, но и допущенныхъ въ сельскія школьныя библіотечки. Можно было указать на нѣкоторую несвоевременность появленія этихъ книжекъ; посовѣтовать считаться съ извѣстными подозрѣніями, но... право, этимъ бы и ограничиться. Мысль эта особенно приходитъ на умъ, когда вспомнишь слышанные разсказы о подозрительныхъ личностяхъ, которыя

шныряютъ по уѣзду, сегодня называясь студентами харьковскаго, а завтра московскаго университетовъ, и наводятъ разговоръ на темы, которыя обыкновенно принято обходить въ бесѣдѣ съ совершенно незнакомыми лицами.

Говорятъ, даровая помощь развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на населеніе. Внѣ всякаго сомнѣнія, и это готовы признать, кажется, всѣ, не исключая и тѣхъ, кто помощь свою оказываетъ въ самыхъ щедрыхъ и широкихъ размѣрахъ. Населеніе, дѣйствительно, пріучается попрошайничать, низкопоклонничаетъ, льститъ и старается играть на слабыхъ вашихъ стрункахъ. При описи дворовъ малосемейныя семьи выпрашивали у сосѣдей двухъ-трехъ ребятъ на время описи; такъ какъ цынготныхъ кормили обильнѣе, то, бывали случаи, люди чернили себѣ зубы, травили десна сюрьмою, наводили на ногахъ темныя пятна. Въ нынѣшній проѣздъ свой по Мензелинскому уѣзду нигдѣ я не встрѣтилъ такого попрошайничества, какъ именно въ той деревнѣ, на которую въ прошлый разъ я истратилъ сравнительно большую сумму денегъ. Въ одной столовой въ теченіе цѣлой недѣли аккуратно къ каждому обѣду появлялась дѣвченочка, совсѣмъ голенькая, въ одномъ платочкѣ на головѣ: мать ея хотѣла разжалобить, кого слѣдовало; но, когда это афишированіе своей бѣдноты не помогло, то въ слѣдующіе дни для ребенка нашлось и платье.

— „Я не узнаю теперь моей Нуркѣевской волости“—пришлось мнѣ слышать при одной встрѣчѣ— прежде я любила ее, а теперь, боюсь,—порою овладѣваетъ нехорошее чувство:—прежде здѣшніе татары, какъ и вообще всѣ татары, ни въ ноги не кланялись, ни рукъ не цѣловали, не клянчили, и въ этомъ отношеніи всегда выгодно отличались отъ

русскаго населенія, гдѣ, въ общемъ, гораздо рѣзче переходъ отъ униженности до наглости,—а теперь это все исчезаетъ передъ соoораженіемъ: нельзя-ли, угождая и выпрашивая, добиться лишняго куска?"

Какъ же избѣгнуть этого зла?

На этотъ счетъ я вполнѣ раздѣляю мнѣніе тѣхъ, кто считаетъ необходимымъ, организуя помощь, предварительно внушить населенію убѣжденіе въ томъ, что помощь эту раздаютъ ему не „по милости", не по субъективному мѣрилу, не по настроенію данной минуты, а руководясь исключительно извѣстнымъ принципомъ, вполнѣ опредѣленной наличностью семейныхъ и матеріальныхъ условій, и что никакихъ отступленій отъ принятаго правила сдѣлано не будетъ. Тогда, несомнѣнно, сократятся и случаи вымаливанія и выпрашиванія.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ нельзя обходить,—особенно если вспомнить, что въ массѣ кормящихся почти вся бѣднота ѣстъ нынче куда лучше прежняго: она и въ урожайные годы сидѣла безъ куска хлѣба (не мало даже и среднихъ по достатку крестьянъ обыкновенно къ веснѣ уже истощаютъ свой годовой запасъ). „Вѣдь, у насъ,— говорилъ мнѣ одинъ мензелинецъ—„тутъ иные въ прежніе-то годы и травку ѣли; какъ снѣгъ-то сойдетъ, такъ и пойдутъ искать ее по полямъ; а теперь у нихъ масло, пшено, горохъ каждый день".

Можетъ быть, это, въ самомъ дѣлѣ, уже „роскошь", опасная привычка, особенно если, чего добраго, въ будущемъ урожайномъ году съ весны имъ опять придется перейти на „травку" и недоѣданіе?

Но тутъ мы попадаемъ въ настоящій заколдованный кругъ. Прежде всего, можно ли серіозно обвинять мужика въ низкопоклонничествѣ, въ попрошайничествѣ, когда съ своей стороны мы такъ мало заботились поднять уровень его самоуваженія

и чувства достоинства? А затѣмъ, не слѣдуетъ очень подчеркивать и этихъ темныхъ сторонъ. Дурные инстинкты, вслѣдствіе легкаго пріобрѣтенія развиваются не у одного мужика, примѣровъ чему можно подыскать сколько угодно. Къ тому же и мужикъ не всегда ужъ такъ легко тянется за подачкой. Деревня Корчажки, о которой я упоминалъ выше, именно крѣпилась до послѣдней минуты: баба съ плачемъ проситъ принять ея ребятъ въ столовую, и изъ бесѣды съ нею ясно, что плачетъ она главнымъ образомъ отъ горькаго сознанія, что нужда ее довела до необходимости протянуть руку. Изъ той же деревни, въ другой семьѣ, мужъ, узнавъ, что его жена просилась въ столовую, поблѣднѣлъ весь отъ волненія и накинулся на нее: „пока хоть послѣдній кусокъ есть,—побираться не станемъ“.

Слышатся жалобы на отказъ отъ работы; указывался случай, что, только прикрывъ на время столовую, удалось принудить мужика итти на работу, въ которой нуждался мѣстный помѣщикъ; съ другой стороны, нерѣдко приходится констатировать вопіющіе факты эксплуатаціи, когда работодатель пользуясь положеніемъ, платилъ за день труда 10, даже 5 коп.

Говорятъ, помощь надо оказывать подъ непремѣннымъ условіемъ заработка... Но если въ пониманіи основного принципа сходятся, то относительно способовъ его осуществленія слышится уже рѣзкая разноголосица. Однажды я присутствовалъ при такомъ разговорѣ: земскій начальникъ высказался за обусловленное пособіе при какой угодно работѣ.

— Хоть воду заставьте толочь, только бы держать мужика въ сознаніи, что даромъ онъ ничего не получитъ.

— Нѣтъ, возражаетъ земецъ:—правильная постановка дѣла возможна лишь при условіи его плодотворности и цѣлесообразности. Вы думаете мужикъ не понимаетъ, что, заставляя его рыть никому ненужную яму, вы только замаскировываете, и очень плохо, свой обманъ? Или хотите, чтобъ онъ, подобно какъ въ 1891 году, смѣялся надъ нами и надъ всѣми нашими канавами и порубками: „вотъ дурачье господа! точно мы не понимаемъ, что все это такъ, зря?“

Общественныя работы въ нынѣшнемъ году не удались, и, въ общемъ, ихъ производилось очень мало.

— Ну, да по правдѣ говоря,—замѣчаетъ земецъ,—цѣны назначены были низкія, народъ неохотно шелъ на работы.

— Какое тамъ,—возражаетъ земскій начальникъ: цѣны были удовлетворительныя, а работъ все-таки не брали.

Такъ какъ указанная разноголосица—примѣръ отнюдь не единичный, то спрашивается, можетъ ли хорошо пойти дѣло, когда существенныя стороны его остаются пока еще невыясненными и спорными?..

Помощь, обусловленная трудомъ, при теперешней исключительной обстановкѣ, допустима лишь при другомъ непремѣнномъ условіи—*постоянствѣ* предлагаемаго труда (и, предполагается само собою, соразмѣрности платы съ затраченною энергіею); пока же... пока приходится, хотя бы и скрѣпя сердце, голоднаго человѣка кормить даромъ, изъ милостыни и человѣколюбія.

Да и какъ не кормить, если населеніе такъ сильно отощало за зиму? Вотъ для примѣра нѣсколько цифровыхъ данныхъ по 4 деревнямъ: Натальевкѣ, Басарѣ, Екатериновкѣ и Степановкѣ. Изъ

первыхъ трехъ въ каждой немногаго не хватаетъ до полной сотни дворовъ; въ Степановкѣ вдвое меньше. Въ Натальевкѣ изъ 96 семей 80 живутъ на чужихъ хлѣбахъ; но изъ остальныхъ съ достаткомъ далеко не всѣ 16, а только половина: другія 8 заколотили свои избы и ушли на заработки. Почти тѣ же цифры, при той же обстановкѣ (77 кормящихся семей на 93) и въ Басарѣ. Ушедшіе—несомнѣнный показатель нужды: оставшись дома, они повышаютъ процентъ столующихся, что и наблюдается въ остальныхъ двухъ селеніяхъ, гдѣ никто не уходилъ: такъ *не* столуется въ Степановкѣ (на 46 дв.) только 4, а въ Екатериновкѣ (на 99 дв.)—2 семьи.

Данныя цифры говорятъ намъ о *степени нужды*. Посмотримъ теперь *степень обнищанія* мѣстнаго населенія, по скольку о ней позволительно судить по количеству наличнаго скота. Эти данныя сведены въ слѣдующую табличку:

	Натал.	Басаръ.	Екат.	Степ.
На число семей	80	77	99	42
Приходится безлошадныхъ.	24	18	30	21
Приходится безкоровныхъ.	44	35	44	23
Приходится безлошадныхъ и безкоровныхъ	16	13	22	13

Такимъ образомъ, гдѣ четверть, гдѣ треть, а гдѣ и цѣлая половина деревни—безъ лошадей; убыль въ коровахъ и того больше, вездѣ доходя до половины; что же до наиболѣе обездоленныхъ, лишенныхъ и лошади, и коровы, то и таковыхъ—не ничтожный процентъ: пятая, четвертая, а въ несчастной Степановкѣ цѣлая треть дворовъ.

VI.

Частная благотворительность.

(ОКОНЧАНІЕ).

„Голодные“ и „нищіе“. — Отрядъ генерала Попова и его дѣятельность въ дер. Н. Ибрайкиной.

Въ глазахъ иныхъ питательная пища, раздаваемая населенію, которое мѣстами, даже въ обычные годы, уже къ веснѣ доѣдаетъ свой хлѣбъ и переходитъ на «травку» — является «баловствомъ» и «излишнею роскошью», тѣмъ болѣе, что полученіе достается безъ всякаго труда и усилія. На основаніи этого многіе считаютъ возможнымъ дѣлать упрекъ... особенно частнымъ столовымъ, гдѣ пища, сравнительно съ другими, вообще обильнѣе.

Мнѣ кажется, здѣсь необходимо, прежде всего условиться, если не въ терминахъ, то въ задачахъ кормленія и въ обстановкѣ, при какой совершалось это «балованіе». Слова: *голодный годъ*— естественно вызываютъ представленіе о чемъ-то необычайномъ, экстраординарномъ, такомъ, что не укладывается въ обычныя, нормальныя рамки жизни, почему и мысль о помощи неразрывно связана съ мыслью о выполненіи *недостающаго*, съ заботою ввести въ норму то, что вышло изъ этой нормы. Вы и идете нормировать нарушенный порядокъ, но вдругъ натыкаетесь на «травку», да не какъ на экстраординарное явленіе, а какъ на обычное и заурядное. Не пойдутъ ли прахомъ всѣ ваши прежнія соображенія и разсчеты? Сравнительно съ этою «травкою», разумѣется, горохъ, пшено и свѣжій, мягкій кусокъ хлѣба покажутся чуть не лукулловымъ пиршествомъ,—но человѣчно ли будетъ,—да и сами-то

вы въ силахъ ли станете,—свести свою помощь на одну эту «травку»?

Въ томъ-то и бѣда, что рядомъ съ голодомъ дѣйствуетъ другой, едва ли еще не болѣе страшный факторъ—*обнищаніе* деревни, и дѣйствуетъ именно какъ явленіе постоянное, давно уже не представляющее изъ себя ничего экстраординарнаго. Вамъ приходится кормить не столько *голоднаго*, еще вчера сытаго и обезпеченнаго, сколько *нищаго*, который всѣ 365 дней въ году живетъ впроголодь. Передъ вами не человѣкъ, злосчастной судьбою выброшенный за бортъ своего корабля и, попавши на негостепріимный берегъ, временно очутившійся въ затруднительномъ положеніи; это—пловецъ, который, кажется, никогда не зналъ никакого берега, ни руля, ни вѣтрилъ.

Самый голодъ, въ сущности, порожденъ тою же нищетой, и не горько ли сознавать, что накормить человѣка въ тѣхъ размѣрахъ, какъ этого требуетъ здоровый, нормальный организмъ, оказывается равносильнымъ „баловству" и „потворству"? Тотъ, кто говоритъ противъ теперешней „роскоши", забываетъ, что весною приходилось вести борьбу не только съ голодомъ, но и съ болѣзнями, а, вѣдь, улучшенное питаніе больного — одно изъ первыхъ условій! Что можетъ сдѣлать хорошая пища, прекраснымъ примѣромъ служитъ деревня Новая Ибрайкина въ Чистопольскомъ уѣздѣ. На этомъ примѣрѣ я позволю себѣ остановиться нѣсколько дольше.

Въ Н. Ибрайкинѣ съ начала мая работала небольшая группа лицъ на частныя средства, начало и солидное основаніе которымъ было положено генераломъ Поповымъ, что дало и самому кружку названіе „отряда генерала Попова". Новая Ибрайкина—большая деревня въ 400 слишкомъ дворовъ и съ населеніемъ въ 2,500 жителей. Прошлымъ лѣ-

томъ почти вся она сгорѣла до тла; за осень успѣли обстроиться весьма немногіе, и большинство всю зиму провело въ страшной скученности, сырости и грязи. Распродавали, что могли, и напримѣръ изъ тысячи лошадей къ лѣту осталось всего 559 головъ. Красный Крестъ открылъ здѣсь столовыя съ 4 марта, начавъ съ 300 человѣкъ и постепенно дойдя до 600, съ общимъ числомъ столовыхъ въ 21. Тѣмъ не менѣе нужда была такъ велика, что два мѣсяца спустя, когда пріѣхалъ отрядъ (6 мая), положеніе деревни было отчаянное: Н. Ибрайкина точно вымерла: не лаяла ни одна собака; ни взрослыхъ, ни дѣтей не показывалось на улицѣ; всюду некрытыя крыши съ одними стропилами; на обгорѣлой черной землѣ ни травинки; внутри избъ все убранство зачастую — въ одномъ обломкѣ отъ лампы или въ деревянной чашкѣ, никуда негодной. Въ одной избѣ оказалось двое малыхъ ребятъ безъ матери.

Цынга охватила чуть не всю деревню. Больныхъ легкою формой (припухлость и краснота десенъ) была тьма тьмущая; много было и съ кровоизліяніями подъ кожу и въ мышцахъ; еще тяжелѣе была форма съ сведеніемъ суставовъ колѣнныхъ, даже локтевыхъ и бедренныхъ. Иной субъектъ и безъ того худой, анемичный, мѣсяцами сидѣлъ или лежалъ, обнявъ колѣна, согнувшіяся у него подъ острымъ угломъ. Но самою тяжелою формой были отеки по всему тѣлу,—особенно отеки ногъ и рукъ съ водянкою живота и сильными кровоизліяніями. Больныхъ этой послѣдней категоріи насчитывалось къ маю до полутораста человѣкъ, преимущественно женщинъ съ грудными младенцами. При этомъ несчастныя еще кормили ихъ. Смертность была не малая.

Отрядъ генерала Попова вступилъ съ Краснымъ Крестомъ въ соглашеніе, и послѣдній передалъ ему

всѣ столовыя, а самъ, выйдя изъ Новой Ибрайкиной, отчислилъ расходовавшіяся на нее средства въ другіе пункты. Отрядомъ были выполнены всѣ необходимыя формальности, и въ теченіе всей его дѣятельности отношенія къ мѣстной администраціи и къ Красному Кресту сложились наилучшимъ образомъ.

Новые работники пріѣхали, задавшись цѣлью оказать свою помощь, хотя бы и на маломъ районѣ нужды, но по возможности интенсивнѣе и какъ можно быстрѣе. Вмѣсто 21 столовой, отрядъ сразу открылъ ихъ по всей деревнѣ 47 (вся операція, начавшись 11 мая, была завершена къ 26 мая), да послѣ еще добавилъ 4: двѣ больничныхъ и двѣ на 200 грудныхъ въ безкоровныхъ семьяхъ, чтобы матери не такъ истощались, кормя грудью (Здѣсь ребяткамъ выдавалась манная каша на молокѣ).

Кормилъ отрядъ, дѣйствительно, очень недурно. Вотъ какія перемѣны установлены были въ 47 столовыхъ, гдѣ въ полдень пища выдавалась безразлично и здоровымъ, и больнымъ:

а) каша густая, полфунта пшена и 4 зол. сала или конопляннаго масла на человѣка;

б) горохъ въ той же пропорціи, съ добавленіемъ лука, перца и лавроваго листа;

в) кашица, по четверти фунта пшена и картофеля съ лукомъ, саломъ и специями;

г) кашица въ другомъ видѣ: по четверти фунта пшена и воблы съ капустой, лукомъ, коноплянымъ масломъ и специями; наконецъ,

д) мясное варево: $^1/_4$ ф. мяса и $^1/_2$ ф. картофеля и капусты.

Порція изъ двухъ ковшей; чернаго хлѣба по 1 ф. на человѣка ежедневно.

Какъ я уже замѣтилъ, это— пища общая одинаково и для здоровыхъ, и для больныхъ. Но послѣд-

нихъ кормили, кромѣ того, еще ужиномъ. Въ тѣ дни, когда обѣдъ мясной, вечерняя трапеза состояла изъ молочной каши; въ остальные же дни—изъ мясного навара (по $^1/_2$ ф. на ѣдока) съ картофелемъ, пшеномъ, капустой и прочими приправами, да еще изъ фунтоваго ломтя бѣлаго хлѣба 3 сорта. У больныхъ въ слабой формѣ ужинъ состоялъ изъ одного этого бѣлаго хлѣба, но всѣ трудно больные пользовались мясною пищей ежедневно. Вначалѣ, когда нельзя было достать капусты, ее замѣняли сушеною прессованною зеленью.

Давали сначала больнымъ еще яйца, молоко, но въ іюнѣ выздоровленіе подвинулось настолько, что позволило обойтись безъ того и безъ другого. Наконецъ, всѣ больные пили чай съ сахаромъ, лимономъ и клюквеннымъ экстрактомъ. Во всѣхъ 51 столовой кормилось 1,300 человѣкъ, т.-е. слишкомъ полдеревни.

Результаты такого подкармливанія были поразительны. Черезъ двѣ недѣли деревни узнать было нельзя. Общее число больныхъ значительно понизилось, острыя формы ослабли, народъ повеселѣлъ, ребята запрыгали, откуда-то появились и собаки. Характернѣе всего то, что медицинская помощь, особенно имѣвшаяся въ виду при организаціи отряда, не поспѣла за столовыми, аптека запоздала, но въ концѣ мая, когда она прибыла—въ ней уже и безъ того не оказалось особенной нужды. Устроенною въ это время больничкою пользовались сравнительно мало, между тѣмъ, будь она налицо въ первые дни дѣятельности отряда, двумя недѣлями раньше, она оказалась бы переполненною. Вообще, число больныхъ къ концу мая уменьшилось вдвое, если не втрое, и спустилось до 800 человѣкъ, а къ 6 іюня и это число упало до 288 чел. Можно быть

увѣреннымъ, что теперь новоибрайкинцамъ встать на ноги будетъ много уже легче.

Отрядъ генерала Попова вводитъ насъ непосредственно въ область частной благотворительной помощи въ нуждающихся губерніяхъ. Эта помощь широкой сѣтью и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ распредѣлялась по голодающимъ деревнямъ, и обозрѣть ее въ цѣломъ не было бы никакой возможности въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ. Я остановлюсь лишь на наиболѣе яркой и, пожалуй, едва ли не самой своеобразной организаціи частной помощи, на такъ называемомъ *кружкѣ князя Шаховского*. Ему будутъ посвящены мои слѣдующія письма.

VII.

Кружокъ князя Шаховского.

Съѣздъ кружка въ Сармановѣ. — Возникновеніе кружка.— Составъ.—Наплывъ пожертвованій.—Районъ дѣятельности.— Дер. Ольгино.—Организація столовыхъ.—Напряженность работы въ первые мѣсяцы.

Попавъ въ Уфимскую губ. изъ Чистопольскаго уѣзда, мнѣ было вполнѣ естественно желать поближе ознакомиться съ дѣятельностью кружка кн. Шаховского, работавшаго какъ разъ въ этихъ мѣстахъ, именно въ юго-западномъ углу Мензелинскаго уѣзда. Я искалъ князя въ селѣ Карамалахъ, но не нашелъ тамъ.—«Поѣзжайте въ Сарманово, посовѣтовали мнѣ: завтра увидите тамъ не только его, но и всѣхъ его сотрудниковъ».

Я поѣхалъ и—не раскаялся. Кружокъ собирался въ Сармановѣ на одно изъ обычныхъ своихъ собраній для совмѣстнаго обсужденія текущихъ дѣлъ. На очереди стояло рѣшеніе вопроса, главнымъ об-

разомъ, о безлошадныхъ семьяхъ, перепись которымъ производилась кружкомъ какъ разъ въ эти дни, съ цѣлью помочь имъ въ устройствѣ своего хозяйства. Кромѣ того, предстояло обсудить степень надобности въ новыхъ столовыхъ, условія ихъ открытія, а также сдѣлать первые шаги къ предстоящей ликвидаціи всей дѣятельности кружка.

Радушно и гостепріимно встрѣченный, я имѣлъ возможность не только ознакомиться съ матеріальной, фактической стороной дѣла, но и наглядно уразумѣть тѣ духовныя силы, что такъ сплотили этихъ людей, ранѣе, въ большинствѣ случаевъ, почти незнакомыхъ другъ другу,—людей самыхъ разнообразныхъ профессій, возрастовъ, интересовъ. Отрадно было видѣть это дружеское сообщество, всецѣло проникнутое духомъ товарищества, взаимнаго уваженія и довѣрія, а во главѣ его человѣка, полнаго энергіи, твердой воли, опытнаго, умнаго руководителя.

Кружокъ обыкновенно собирался по два раза въ мѣсяцъ въ томъ или другомъ пунктѣ, опредѣляемомъ заранѣе въ предшествующемъ собраніи: это даетъ возможность всѣмъ членамъ непосредственно видѣть районъ своего сотоварища и легче судить о его положеніи; самые же съѣзды вносятъ столько оживленія, столько живого обмѣна мыслей, что неизбѣжно поднимаютъ общее настроеніе и поддерживаютъ бодрость духа и энергію,—что особенно важно при тѣхъ условіяхъ, при какихъ работаетъ кружокъ.

Кружокъ, надо надѣяться, со временемъ опубликуетъ подробный и обстоятельный отчетъ о своихъ работахъ, чего слѣдуетъ желать уже по одному тому, что въ немъ несомнѣнно найдется много поучительнаго—прежде всего для тѣхъ, кто интересуется экономическимъ положеніемъ края: стати-

стическія данныя собирались съ такою тщательностью и любовью, они такъ разносторонне освѣщаютъ матеріальный бытъ обслѣдованныхъ волостей, что въ глазахъ земскихъ начальниковъ собранный матеріалъ и теперь уже пріобрѣтаетъ большую цѣнность. Съ другой стороны—этотъ отчетъ навѣрное явился бы не безынтересною страницею и въ исторіи самой нашей общественности. Въ ожиданіи его появленія, позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими собственными впечатлѣніями и тѣми данными, которыя удалось мнѣ собрать на мѣстѣ.

Кружокъ выросъ случайно изъ поѣздки князя Шаховского въ Самарскую и Уфимскую губерніи въ январѣ нынѣшняго года. Пораженный тѣмъ, что онъ увидалъ, князь Шаховской въ началѣ февраля ѣдетъ въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ оказать посильную помощь несчастнымъ. Въ первый же день онъ собираетъ 6,000 рублей. Почти вся эта сумма была покрыта изъ одного источника, называть который едва ли есть надобность: русское общество давно уже привыкло слышать имя В. А. Морозовой каждый разъ, когда оказывается нужда въ широкой благотворительности.

Потрясающее описаніе видѣннаго (въ «С.-Петербургскихъ» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ») значительно увеличило притокъ собираемыхъ средствъ, и уже 26 февраля, заручившись оффиціальнымъ разрѣшеніемъ уфимскаго губернатора, князь Шаховской, совмѣстно съ первою помощницею, мѣстною фельдшерицею, приступилъ къ организаціи первыхъ столовыхъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, именно въ Карамалинской волости. 28 февраля къ нему примкнули г. и г-жа Волоцкіе. Общими усиліями организація помощи въ названной волости чрезъ двѣ недѣли подходила уже къ концу, когда (съ

12 марта) число сотрудниковъ увеличилось еще тремя лицами, что дало возможность, въ связи съ непрекращавшимся увеличенiемъ пожертвованiй, перенести дѣятельность кружка въ сосѣднюю Ирехтинскую волость. Число сотрудниковъ между тѣмъ росло и росло; особенно замѣтенъ сталъ приростъ съ апрѣля мѣсяца (15 челов.; въ маѣ вошло 7 сотрудниковъ, въ iюнѣ—4 сотрудника). Нѣкоторые, ограниченные временемъ, уходили изъ кружка, но въ общемъ къ половинѣ iюня кружокъ состоялъ почти изъ 40 человѣкъ. Одною изъ наиболѣе энергичныхъ, а по времени самою продолжительною сотрудницею князя была Л. В. Лепешкина, чьи интересныя корреспонденцiи о дѣятельности кружка и вообще о положенiи нуждающихся губернiй печатались въ московскомъ «Курьерѣ».

Составъ кружка—самый разнообразный. Въ него вошли: 1 земецъ, 3 статистика (изъ нихъ 2 женщины), 9 учительницъ, 2 врача, 4 фельдшерицы, 1 массажистка, 2 студента-медика, 2 слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, 1 слушательница акушерскихъ курсовъ, 2 консерваторки, 1 художница, 3 лица, занимающiяся журнальнымъ трудомъ, 1 жена профессора; 1 вдова статскаго совѣтника и т. д., и т. д. Вы видите, что здѣсь сошлись люди самыхъ разнообразныхъ положенiй и профессiй; молодежь, однако, преобладаетъ; преобладаютъ и женщины: ихъ 28 на общее число 37.

Кружокъ, по справедливости, все болѣе и болѣе завоевывалъ симпатiи общества, и притокъ средствъ его постоянно увеличивался. Самыя крупныя суммы по частямъ, доставлены были чрезъ редакцiи московскихъ газетъ: «Русскихъ Вѣдомостей»—свыше 14,000 р., и «Курьера»—около 8,000 руб. Но что особенно характерно и симпатично—это притокъ пожертвованiй буквально отовсюду и отъ всѣхъ

слоевъ общества. Рядомъ со значительными присылками отъ людей состоятельныхъ, отъ разныхъ обществъ и учрежденій, получались пятаки, собранные школьниками, копѣйки солдатскія, небольшія суммы по подпискѣ гдѣ-нибудь между туземными торговцами на базарѣ города Намангана, «рубль отъ крестьянина», «деньги, предназначенныя на елку» и т. д. и т. д. въ этомъ родѣ. Всего кружокъ собралъ свыше 62,000 рублей.

По мѣрѣ увеличенія наличныхъ силъ и средствъ, раздвигался и районъ дѣятельности кружка. Мы уже видѣли, что раньше всего вниманіе князя Шаховского привлекла Карамалинская волость. Закончивъ ея организапію къ 17 марта, онъ немедленно перешелъ въ сосѣднюю Ирехтинскую, гдѣ организаціонная работа велась до 28 марта. Съ 11 по 27 апрѣля работаютъ въ Альметмулинской волости; въ началѣ мая въ Старокаширской; съ 15 по 20 мая—въ Нуркѣевской. Это главный районъ, охватившій и безъ того чуть не половину уѣзда. Но, кромѣ того, кружокъ оказывалъ помощь отдѣльнымъ деревнямъ и другихъ еще волостей: Поисѣевской, Богодаровской, Языковской, Акташевской, Мензелинской и Балтаевской. Въ общемъ память о кружкѣ князя Шаховского будетъ храниться въ одиннадцати волостяхъ Мензелинскаго уѣзда.

Кружокъ обыкновенно бралъ цѣлыя волости и на всемъ пространствѣ каждой изъ нихъ устраивалъ сѣть своихъ столовыхъ; но мы сейчасъ видѣли, что это отнюдь не мѣшало ему заходить и въ отдѣльныя деревни другихъ волостей, разъ тамъ оказывалась нужда въ его содѣйствіи. Такъ, 3 апрѣля кружокъ открылъ столовыя въ дер. Ольгиной, Богодаровской волости. Эта деревня любопытный примѣръ въ доказательство того, что я не разъ уже называлъ *гибкостью* въ примѣненіи къ тѣмъ

средствамъ, какими располагаетъ частная благотворительность сравнительно съ правительственною.

Ольгино — отрѣзанный, чрезполосный уголъ въ своей Богодаровской волости. Наступила весна, а съ нею—распутица; разливомъ снесло мосты, водою все залило; сношенія съ своимъ административнымъ центромъ порваны; провозъ страшно затрудненъ.. Еще два, три дня—и ужасы голодной смерти, казалось, готовы были разразиться надъ несчастной деревней... Одинъ старикъ началъ уже давиться; въ глазахъ любого изъ Ольгинцевъ читалась одна общая всѣмъ мысль—«помогите, дайте поѣсть». Въ эту то минуту и явился кружокъ. Онъ былъ подлѣ, ближе всѣхъ, въ сосѣднихъ деревняхъ Прехтинской волости. Чтобы судить объ условіяхъ, достаточно сказать, что провизію люди тащили на себѣ, на спинахъ, закупать же приходилось фунтами и горсточками, такъ какъ сосѣдніе рынки совсѣмъ пустовали.

Организація столовыхъ велась обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Начинали съ подворной переписи наиболѣе нуждающейся деревни, обходя каждый дворъ и опредѣляя экономическое положеніе каждой семьи. Опросъ, по отношенію *каждой* семьи, ставилъ своею цѣлью опредѣленіе: 1) числа членовъ семьи вообще и дѣтей, грудныхъ до 3-хъ—и 15-тилѣтняго возраста, въ частности; 2) количества скота (лошадей, коровъ, мелкаго) прошлою осенью и въ данную минуту; 3) размѣровъ и формъ получаемаго пособія (число земскихъ пайковъ, отъ Краснаго Креста, кормового и число столующихся въ Красномъ Крестѣ); 4) размѣровъ озимаго и ярового посѣва; 5) способовъ отопленія избы (кизякомъ или дровами); 6) размѣровъ и качественной стороны жилыхъ помѣщеній и строеній надворныхъ. Кромѣ того, при обходѣ постоянно отмѣчалось об-

щее впечатлѣніе, какое производила данная семья на переписчика. Результаты опроса и подлинныхъ наблюденій отмѣчались соотвѣтственною цифрой по пятибальной системѣ, при чемъ для большей провѣрки сельскій сходъ обыкновенно тоже приглашался къ участію; его спрашивали: съ кѣмъ онъ «равняетъ» такую то семью и на какихъ основаніяхъ? Такой пріемъ былъ очень полезенъ, вскрывая иногда такія стороны, которыя иначе могли бы легко ускользнуть отъ вниманія наблюдателя: такъ, напримѣръ, у одного оказывался пчельникъ; у этого сынъ жалованье получаетъ, что, по мнѣнію схода, и ту, и другую семью ставило въ положеніе гораздо лучшее, чѣмъ это могло казаться съ перваго раза.

Сутки спустя послѣ окончанія подворной описи деревни, варилась первая шурпа, а еще чрезъ день выдавался и первый испеченный хлѣбъ. При составленіи списка столующихся кружокъ всегда руководился, во-первыхъ, тѣмъ, сколько человѣкъ изъ данной семьи уже столуется у Краснаго Креста; во-вторыхъ, есть-ли корова для малолѣтнихъ (до 3-лѣтняго возраста), и въ третьихъ, сколько человѣкъ могутъ прокормиться на получаемые казенные пайки, при чемъ на одного ѣдока клалось два такихъ пайка. Если при обходѣ избъ впечатлѣніе получалось очень плохое, то брали всѣхъ остальныхъ членовъ семьи, не столовавшихся у Краснаго Креста; наоборотъ, если впечатлѣніе получалось болѣе сносное, то только часть ихъ.

Приблизительно, выходило такъ, что, напримѣръ, въ семьѣ изъ 8 человѣкъ съ 1 лошадью и 1 коровою, двое кормилось у Краснаго Креста, а трехъ бралъ себѣ кружокъ, изъ семьи въ 6 человѣкъ, при тѣхъ же условіяхъ, кружокъ кормилъ двоихъ, а изъ семьи въ 5 человѣкъ—одного. Намѣченныя

лица распредѣлялись по столовымъ, при чемъ особенное вниманіе обращалось на то, чтобы всѣмъ было близко до своей столовой. Это достигалось прежде всего тѣмъ, что каждая столовая устраивалась на 60 человѣкъ, не болѣе. Близость помѣщенія особенно важна была зимою, когда стояли холода, а у многихъ не хватало одежды, не только теплой но и какой-либо.

Раздавъ 60 первыхъ билетовъ, кружокъ предлагалъ ѣдокамъ выбрать изъ своей среды столовщика, кому они сами довѣряютъ. Жалованья такой столовщикъ не получалъ, зато вся семья его полностью кормилась въ столовой. Пища на домъ не выдавалась; всѣ, за исключеніемъ больныхъ, обязаны были обѣдать въ столовой — это обезпечивало не только лучшій и болѣе легкій контроль за качествомъ и количествомъ отпускаемой пищи, но и давало увѣренность, что самую пищу получатъ именно тѣ, кому она предназначалась. Впрочемъ большой надобности въ провѣркѣ дѣйствій столовщика, особенно первое время, не представлялось. Въ случаѣ же жалобъ или недовольства, столовщика мѣняли, а новаго выбиралъ тотъ же сходъ ѣдоковъ.

Основнымъ принципомъ своей дѣятельности кружокъ поставилъ помощь въ *данномъ* районѣ *возможно большему* числу лицъ, хотя бы и безъ того, чтобы накормить каждаго досыта: онъ полагалъ лучше не додать каждому, лишь бы не обдѣлить ни одного, дѣйствительно нуждающагося. Не гнались затѣмъ, чтобы порція хлѣба непремѣнно вѣсила одинъ фунтъ; затѣмъ уменьшая ея вѣсъ на 6 золотниковъ тамъ, гдѣ это оказывалось необходимымъ, получили благодаря этому возможность держать на каждыя 35 столовыхъ еще одну 36-ю.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, какъ обставлялось въ кружкѣ устройство столовыхъ. Работы было много,

но еще больше, пожалуй, требовалось энергіи и бодрости духа, чтобы справиться со всей этой сложной работой, устроить до 300 столовыхъ и кормить свыше 16,000 человѣкъ. По крайней мѣрѣ, до такой цыфры возрасло общее число питомцевъ кружка князя Шаховского за послѣднее время.

— Особенно тяжело было,—передавала мнѣ одна изъ сотрудницъ, — первые дни, когда само дѣло было еще вначалѣ, а насъ самихъ еще немного. Приходилось работать, какъ никогда, кажется. Ирехтинскую волость мы переписали всю въ десять дней втроемъ, потому что князю, послѣ первыхъ же дней, надо было отправиться закупать продукты. И мы работали съ ранняго утра до поздней ночи. Трогательно было видѣть отношеніе татаръ! Дѣйствительно, глухая полночь, чуть не падаешь отъ усталости; толпа видитъ это и сама предлагаетъ прекратить сходъ, отложивъ перечень и опросы до слѣдующаго дня. — „Но если мы прервемъ, — возражаешь имъ, — такъ, вѣдь, нельзя еще будетъ столовой открыть, вѣдь вамъ же завтра ашать (ѣсть) нечего будетъ?“ — „Ничего, — слышится въ отвѣтъ, только ты-то больно устала“... И вотъ откуда, право, берутся силы, принимаешься за работу съ удвоенной, кажется, энергіей, распустишь народъ во второмъ, третьемъ часу ночи... Зато на завтра какое радостное сознаніе, видя за первой ложкой горячей пищи эти отощалыя руки, протянутыя къ чашкѣ, эти благодарные, съ умиленіемъ смотрящіе на тебя глаза!..

— Теперь что! Главная работа закончена; теперь наступилъ сравнительно спокойный періодъ. Раньше же—вотъ когда была пора страшнаго нервнаго напряженія! Отдыхать удавалось развѣ въ кибиткѣ. Распутица создала намъ страшныя препятствія, которыя нервировали еще болѣе; а когда самъ боль-

ше мѣсяца не ѣшь мяса, потому что его нигдѣ нѣтъ; когда за десятокъ зеленоватыхъ, съ душкомъ яицъ охотно платишь четверную цѣну, то вопросъ о томъ, хватитъ ли заготовленныхъ припасовъ или нѣтъ, во-время ли придетъ или запоздаетъ заказанный хлѣбъ, — вопросъ этотъ, легко поймете, выступалъ съ особенною яркостью, потому что, дѣйствиттльно, малѣйшая задержка на одинъ, на два дня могла дорого обойтись населенію.

Не стану повторять, въ какомъ положеніи нашелъ кружокъ мѣстное населеніе въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ — все это достаточно уже извѣстно изъ прежнихъ описаній; замѣчу лишь, что въ самомъ тонѣ воспоминаній объ этой порѣ, какія мнѣ пришлось услыхать, чувствовался весь ужасъ того, чему свидѣтелями были князь и его сотрудники.

За сильнымъ подъемомъ духа неизбѣжно слѣдуетъ реакція; нервы невольно притупляются, тѣмъ болѣе, что и самая обстановка къ концу весны существенно измѣнилась къ лучшему. Это все равно что на пожарѣ: работаешь, не покладая рукъ, напрягая двойныя усилія и не замѣчая этого напряженія; но залито послѣднее тлѣвшее бревно—и вами овладѣваетъ усталость, нервная слабость, въ каждомъ движеніи чувствуется полный упадокъ силъ. Зато поистинѣ можно сказать, что кружокъ князя Шаховского, совмѣстно съ своимъ организаторомъ и руководителемъ, пріобрѣлъ теперь несомнѣнное нравственное право на самый широкій, на самый полный отдыхъ.

VIII.

Кружокъ князя Шаховского.

(продолженіе)

Отношенія къ Красному Кресту.— Закупка продуктовъ.—Склады пищевыхъ продуктовъ.—Виды помощи, оказанной кружкомъ мѣстному населенію.—

Кружокъ князя Шаховского явился въ Мензелинскій уѣздъ съ цѣлью восполнить пробѣлы, *дополнить* то, чего не могли дать отъ себя правительство, земство, Красный Крестъ, — и онъ неуклонно держался этого взгляда, съ одной стороны горячо отстаивая его тамъ, гдѣ приходилось считаться съ возраженіями, съ другой—широко его примѣняя въ тѣхъ случаяхъ, когда къ кружку сами шли на встрѣчу съ тою же мыслью.

Мѣстами земскіе начальники хотѣли подѣлить участокъ: „въ однѣхъ деревняхъ мы, а въ другихъ работайте вы, и тамъ, куда перейдете вы, мы закроемъ свои столовыя"; но князь Шаховской всегда настойчиво отклонялъ такой компромиссъ: „во-первыхъ, онъ намъ неудобенъ, создавая чрезполосицу; а съ другой стороны, если Красный Крестъ пользуется правомъ дополнить земскую помощь, почему этого права лишены будемъ мы?" И, въ концѣ концовъ, желаемое соглашеніе достигалось, даже условливались предварительно извѣщать другъ друга на случай закрытія своихъ столовыхъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ даже завѣдываніе краснокрестными столовыми передано было кружку, гдѣ непосредственно ему какъ учрежденію (въ Альметмулинской волости), гдѣ каждому члену кружка въ отдѣльности (въ Карамалинской волости), причемъ и тамъ и тутъ

столовали, руководясь спискомъ, составленнымъ кружкомъ же.

Вообще сами условія жизни и общій интересъ, правильно понятый взаимно, привели Красный Крестъ и кружокъ князя Шаховского къ совмѣстному и солидарному дѣйствію; и единственно развѣ гдѣ неудалось установить никакихъ отношеній съ Краснымъ Крестомъ, это въ Нуркѣевской волости, да и то, кажется, потому что средства Краснаго Креста тамъ переданы были не земскимъ начальникамъ, а въ другія руки,—особѣ тоже пріѣзжей.

Хорошія средства и прекрасная организація кружка давали послѣднему возможность не только приходить на помощь нуждающемуся населенію, но въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать широкое содѣйствіе и самому Красному Кресту. Такъ напримѣръ, во время распутицы, когда у послѣдняго оказался (особенно въ Ирехтинской волости) недостатокъ продуктовъ,—достать же ихъ было въ данную минуту неоткуда, — кружокъ далъ Красному Кресту заимообразно необходимое количество, такъ какъ своихъ запасовъ у него тогда заготовлено было вплоть до 15 мая. Въ іюнѣ мѣсяцѣ земскій паекъ въ волостяхъ Альметмулинской и Старокаширской во-время не поспѣлъ, и кружокъ выдалъ своихъ 2,500 пудовъ муки. Охотно являлся онъ на помощь Кресту и непосредственно своими сотрудниками всюду, гдѣ въ этой помощи могли нуждаться: мы уже видѣли, что въ Альметмулинской и Карамалинской волостяхъ Красный Крестъ передалъ кружку наблюденіе за своими столовыми, такъ какъ, за отсутствіемъ своихъ людей, выборъ предстоялъ ему лишь изъ представителей сельской администраціи. Въ Альметмулинской волости принялъ кружокъ наблюденіе и за хозяйственною частью въ баракахъ Краснаго Креста, а за отсутствіемъ красно-

крестнаго врача къ нему же перешло и лѣченіе въ нихъ больныхъ. Краснокрестными бараками Ирехтинской волости завѣдывали двое студентовъ-медиковъ: въ одной половинѣ волости отъ Краснаго Креста, въ другой—отъ князя Шаховского.

Въ свою очередь, и кружокъ имѣлъ случай пользоваться услугами Краснаго Креста: такъ въ устроенной имъ лѣчебницѣ въ селѣ Карамалахъ онъ получалъ отъ него лимоны, лукъ и пшено. Нельзя, конечно, не посочувствовать такой согласной и совмѣстной работѣ двухъ организацій тамъ, гдѣ она имѣла мѣсто. Солидарность должна особенно цѣниться въ такомъ дѣлѣ, какъ помощь нуждающемуся, обезсиленному населенію. Не всѣ, впрочемъ, раздѣляли эту точку зрѣнія, и я, кажется, упоминалъ уже о странномъ случаѣ, когда переводъ земскимъ начальникомъ краснокрестныхъ столовыхъ въ завѣдываніе кружка не былъ одобренъ высшимъ начальствомъ. Кажется, если только не ошибаюсь (говорю это съ оговоркой), такой случай имѣлъ мѣсто въ Альметмулинской волости, въ участкѣ земскаго начальника г. Хирьякова. Тамъ пять школьныхъ и семнадцать общихъ столовыхъ Краснаго Креста въ семнадцати деревняхъ перешли къ князю Шаховскому въ началѣ мая. Говорятъ, будто бы изъ этого даже цѣлое «дѣло» возникло, но этому не хочется вѣрить, тѣмъ болѣе, что князь Шаховской имѣлъ возможность краснокрестными деньгами кормить большее число голодныхъ, чѣмъ кормилъ самъ Красный Крестъ.

Возможность же такого кормленія, какъ она ни кажется съ перваго раза странною и неожиданною, объясняется очень просто—системой закупки продуктовъ: послѣдніе обходились князю дешевле; и это не покажется удивительнымъ тому, кто знакомъ съ разницею въ условіяхъ закупокъ частнымъ

и казеннымъ путемъ: свобода дѣйствій въ первомъ случаѣ ставила князя Шаховского на базарѣ, несомнѣнно, въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ въ какихъ стоялъ тамъ же, рядомъ съ нимъ оффиціальный представитель Краснаго Креста. Съ другой стороны, надо и то замѣтить, что въ лицѣ своего руководителя кружокъ нашелъ человѣка, отлично знакомаго съ условіями деревенскаго рынка и опытнаго въ вопросахъ деревенскаго хозяйства. Напримѣръ, муку кружокъ покупалъ по 77 — 85 коп., Красному же Кресту она обходилась, кажется, до 90 коп. и т. д. Поэтому прокормленіе одного человѣка въ мѣсяцъ стоило кружку 75 коп. (35 коп. на приварокъ съ дровами и 40 коп. на муку); Красный же Крестъ выдавалъ 25 фунт. муки и 45 коп. на приварокъ, да еще на дрова уходило, въ среднемъ, по 3 рубля ежемѣсячно на каждую столовую.

Кстати объ этихъ закупкахъ. Кружокъ явился въ данной мѣстности очень крупнымъ покупателемъ и сыгралъ немаловажную роль въ экономической жизни Мензелинской округи. Припасовъ разнаго рода, въ общемъ, было закуплено цѣлые десятки тысячъ пудовъ; одной муки за послѣднее время уходило на всѣ столовыя по 270 пудовъ ежедневно!

Для пищевыхъ продуктовъ пришлось устроить склады, центральные и мѣстные. Первоначально центральныхъ былъ всего одинъ, въ Карамалахъ, такъ какъ тогда всѣ запасы шли съ юга, изъ сосѣдняго Бугульминскаго уѣзда; но позже начались закупки за Камой, хлѣбъ стали возить съ сѣвера, изъ Челновъ, и провозъ его въ село Карамалы, съ послѣдующей развозкою по отдѣльнымъ пунктамъ, оказался невыгоденъ, поэтому пришлось устроить второй центръ. Всѣхъ же складовъ было семь. По нѣкоторымъ изъ нихъ пріемъ и разсылка продуктовъ были такъ велики, настолько поглощали все

время завѣдывающаго складомъ, что почти не давали ему возможности заняться чѣмъ-либо другимъ.

Параллельно устройству столовыхъ, кружокъ князя Шаховского оказывалъ мѣстному населенію также и медицинскую помощь. Для него это было тѣмъ доступнѣе, что,—какъ мы уже видѣли,—среди своихъ сочленовъ онъ насчитывалъ 2 врачей, 2 студентовъ-медиковъ, 4 фельдшерицъ и 1 массажистку Любопытно, что первый больничный баракъ для цынготныхъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ былъ открытъ именно кружкомъ, 6 марта (въ с. Карамалахъ): до этого времени ни частныхъ, ни краснокрестныхъ бараковъ еще не было. Затѣмъ послѣдовательно кружокъ открылъ три барака въ Ирехтинской и пять въ Альметмулинской волостяхъ; нѣкоторые изъ нихъ содержались на средства Краснаго Креста, но первоначальное обзаведеніе и устройство во всѣхъ было на счетъ кружка.

Помимо пріема цынготныхъ въ бараки, медицинскій персоналъ кружка по извѣстнымъ днямъ объѣзжалъ селенія своего района и назначалъ лѣченіе больнымъ; наблюденіе же за ними и раздачу лѣкарствъ принималъ на себя завѣдывающій столовою въ данной деревнѣ. Редакція московской газеты «Курьеръ» пожертвовала съ этою цѣлью нѣсколько аптечекъ, да самъ кружокъ изъ своихъ средствъ затратилъ около 400 рублей на покупку лѣкарствъ разнаго рода, особенно рыбьяго жира. Очень слабыхъ поили молокомъ, кормили яйцами, бѣлымъ хлѣбомъ; въ іюнѣ, съ появленіемъ дизентеріи, усилена была выдача для дѣтей молока, рисовой и манной каши, наконецъ, открыты, такъ называемыя дѣтскія столовыя, числомъ 5, на 298 человѣкъ. Въ отличіе отъ школьныхъ, здѣсь кормили молочною кашею и исключительно малолѣтнихъ до трехъ-четырехъ лѣтняго возраста, выбирая изъ семей,

гдѣ не было ни коровы ни козы. Наконецъ, трудно больныхъ, требовавшихъ оперативнаго лѣченія, кружокъ посылалъ въ городъ Мензелинскъ, въ земскую больницу.

Широко намѣтивъ задачи своей дѣятельности, кружокъ не отказывалъ нуждающемуся населенію и въ другихъ видахъ своей помощи: въ выдачѣ денегъ на обсѣмененіе полей, въ раздачѣ теплой одежды, въ платѣ за больныхъ работниковъ, въ ремонтѣ жилья, въ большинствѣ случаевъ ужаснаго по своимъ антигигіеническимъ условіямъ, въ пособіи погорѣльцамъ на постройку новыхъ избъ и т. п. Къ концу голоднаго года, когда выяснилось, что собранныхъ суммъ останется свободныхъ 10—12 тысячъ, князь Шаховской намѣтилъ покупку большой партіи лошадей съ цѣлью раздачи ихъ безлошаднымъ семьямъ, съ обязательнымъ возвратомъ чрезъ извѣстный срокъ затраченныхъ на покупку денегъ.

Имѣлось въ виду на возвращаемыя деньги въ будущемъ покупать новыхъ лошадей для той же самой цѣли. Это могло составить постоянный фондъ, который былъ бы переданъ въ распоряженіе земской управы. Уже 17 іюля непосредственно княземъ было роздано 270 лошадей и еще 250 было передано въ управу для той же цѣли.

IX.

Кружокъ князя Шаховского.

(окончаніе)

Заключеніе: князь С. И. Шаховской—организаторъ и руководитель кружка.

Въ настоящую пору кружокъ князя Шаховского закончилъ свою дѣятельность; бѣглыми и, къ со-

жалѣнію, далеко неполными замѣтками объ его симпатичной работѣ могу и я закончить свои письма «На исходѣ голоднаго года». Но, говоря о кружкѣ, было бы несправедливымъ не выдѣлить, не подчеркнуть дѣятельности главнаго его организатора, которому онъ обязанъ и своимъ существованіемъ, и своимъ славнымъ именемъ, — т.-е. самого князя Сергѣя Ивановича Шаховского.

Много благородныхъ, искреннихъ и самоотверженныхъ работниковъ выдвинулъ на поприще общественной дѣятельности истекшій голодный годъ, и среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ князю Шаховскому. Въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло не только съ аристократіей рожденія и воспитанія, но и съ аристократіей ума и направленія. Въ тяжелую годину народной бѣды, въ ту пору, когда многіе готовы были еще сомнѣваться, дѣйствительно ли эта година такъ тяжела и невыносима, князь Шаховской одинъ изъ первыхъ кликнулъ свой благородный кличъ. Удовлетворяя потребностямъ собственнаго сердца, онъ въ то же время далъ возможность цѣлымъ десяткамъ людей сгруппироваться вокругъ него и найти въ этой полной смысла и жизни работѣ желанный исходъ наболѣвшему сердцу, тѣмъ сомнѣніямъ и тѣмъ стремленіямъ, что такъ волновали и мучили всѣхъ этихъ людей.

Давъ жизнь этой небольшой, но дружеской и тѣсно сплоченной общинѣ, князь Шаховской въ теченіе всего времени оставался ея душою, ея жизненнымъ нервомъ. Если каждый членъ кружка работалъ за троихъ,—вдвойнѣ, втройнѣ, сравнительно со своими товарищами, приходилось работать самому князю. Если у кружка такъ спорилось дѣло, то, помимо личной самоотверженности и рвенія, какія вносилъ каждый сочленъ, много значила и

та нравственная связь, какую сумѣлъ создать и поддержать князь Шаховской между сотрудниками, тѣ чисто товарищескія отношенія, что установились и такъ всѣхъ ихъ сближали въ совмѣстной работѣ. И этимъ единеніемъ, а слѣдовательно и продуктивностью работы, кружокъ всецѣло обязанъ своему руководителю. Князь Шаховской направлялъ его дѣятельность, указывалъ наилучшее приложеніе его силамъ, поддерживалъ въ минуты сомнѣній, устранялъ препятствія, стоявшія на пути, и дѣлалъ все необходимое, чтобы трудъ кружка вышелъ наиболѣе плодотворнымъ.

Кружокъ теперь уже разошелся, но онъ съ гордостью можетъ сказать про себя, что его усилія были потрачены не даромъ; кружокъ фактически теперь уже не существуетъ, но можно быть увѣреннымъ, что то, что создавалось съ такою любовью, съ такою болью сердечной, на что ушло такъ много лучшихъ силъ—то не можетъ исчезнуть совсѣмъ безъ слѣда. Не сомнѣваюсь, что каждый изъ сотрудниковъ князя всегда съ свѣтлой улыбкой будетъ вспоминать тѣ мѣсяцы, которые онъ провелъ вмѣстѣ съ нимъ въ глухомъ мензелинскомъ углу; но для меня несомнѣнно еще и другое: такою же свѣтлою точкою на общемъ фонѣ только-что истекшаго голоднаго года явится кружокъ князя Шаховского также и въ памяти всего мыслящаго, образованнаго русскаго общества. Право на такое значеніе этотъ кружокъ пріобрѣлъ тѣмъ, что лишній разъ будилъ нашу заснувшую совѣсть, лишній разъ напоминалъ намъ о нашемъ долгѣ...

Честь ему и слава за это!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

По неурожайнымъ мѣстамъ.

Стр.

I. **Вступленіе.** — „Острая нужда“ или „зазываніе печальниковъ?“—Два противоположныхъ теченія въ обществѣ и печати. — По дорогѣ въ Уфу. 9

II. **Уфа.**—Первыя впечатлѣнія. — Рабочее бюро и его дѣятельность. 13

III. **Белебей.**—На порогѣ нужды.— Башкирецъ; прежнія и нынѣшнія условія его жизни.—Неурожаи въ Белебеевскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ за послѣдніе годы. . 19

IV. **Шланлыкулъ.**—Въ глубинѣ Белебеевскаго уѣзда.— Первыя столовыя. — А. Х. Фейзъ-Ханова и ея заботы о мѣстномъ населеніи.— Поѣздка въ Устъ-Тюбу; обходъ тамошнихъ избъ.—Положеніе бѣдноты прежде и теперь. 26

V. **Дальше на сѣверъ.** — Ст. Климово. — По глухимъ угламъ.—Недостатокъ хлѣба.—Заработки на сторонѣ; малопригодность отхожихъ промысловъ.— Артели для перевозки хлѣба.— Общій видъ белебеевской деревни; запустѣніе внутри избъ.—Малочисленность столовыхъ. — Правительственный паекъ. 34

VI. **Калмашъ-Башъ.**—I. Башкирская ураза.—Болѣзни. — Во что одѣто населеніе деревни.—Кормежка въ столовой . 43

VII. **Калмашъ-Башъ.**—II. Раздача одежды.—Типы и сцены . 46

VIII. **Чекмагушезо.**—Кухни вмѣсто столовыхъ.— Почему столовыя предпочтительнѣе —Отсутствіе людей. — Земскіе начальники и обиліе возложенныхъ на нихъ обязанностей. — Мѣстная интеллигенція; всѣ ли достаточно сознательно относятся къ своему общественному долгу?

Стр.

Всѣ ли достаточно независимы по своему положенію?—„Надо людей! Людей надо!" 54

IX. **По сѣверному району Белебеевскаго уѣзда.**—Правительственная ссуда для женскаго населенія. — Башкирскія избы: тѣснота помѣщенія.—Положеніе ухудшается. . . 63

X. **Красный Крестъ.** — Общественное значеніе теперешней дѣятельности Краснаго Креста въ нуждающихся губерніяхъ.— Красный Крестъ подчеркнулъ серьезность положенія дѣла.—Отношеніе мусульманскаго населенія къ Красному Кресту. 68

XI. **Организація сѣменной ссуды въ Уфимской губерніи.**—Первые шаги.—Кредиты на обсѣмененіе: вопросъ о ихъ размѣрахъ; отсутствіе точныхъ основаній для рѣшенія. — Запозданіе въ доставкѣ.—Количество озимыхъ посѣвовъ. 72

XII. **Организація продовольственной помощи въ Уфимской губерніи.** — I. Кто имѣетъ право на ссуду и кто лишенъ ея.—Два теченія—земское и правительственное.—Отмѣна прежнихъ постановленій. — Устраненіе земства отъ закупки продовольственнаго хлѣба. 80

XIII. **Организація продовольственной помощи въ Уфимской губерніи.**—II. Организація перевозки хлѣба изъ Спасскаго затона въ Мензелинскій уѣздъ. — Подводная повинность.—Отдѣльные случаи безурядицы. 88

XIV. **Мензелинскій районъ.**—I. „Неурожай" или „голодъ?" — Въ городѣ Мензелинскѣ; наплывъ населенія изъ деревень. — Особенности Мензелинскаго уѣзда; помѣщичьи крестьяне; цѣны на продукты.—Начало тифа. 94

XV. **Мензелинскій районъ.** — II. Послѣдовательный ростъ нужды въ Мензелинскомъ уѣздѣ сравнительно съ Белебеевскимъ. — Сборъ урожая въ 1898 г.; размѣръ недочетовъ.—Кормовая ссуда и поддержка живого инвентаря.—Однолошадныя семьи. 100

XVI. **По Мензелинскому уѣзду.**—I. Общія впечатлѣнія. — Отдѣльныя картины и сцены. — Дер. Поліоновка.— Безотрадность положенія.— Малочисленность столовыхъ. — Во что обходится населенію доставка продовольственнаго хлѣба.—Дер. Приволье. — Безсиліе посторонняго зрителя. 109

XVII. **По Мензелинскому уѣзду.** — II. Мучительныя сцены.— Никифоръ Соловьевъ и его семья.—„Счастливая" семья

Стр.

въ дер. Степановкѣ.—Деревня безъ хлѣба.—О. М. Сидорченко. — Заключеніе.—Что надо дѣлать?—Знаніе и любовь въ борьбѣ съ нынѣшней нуждою 118

ЧАСТЬ II.

На исходѣ голоднаго года.

I. **Вступленіе**. — Положеніе дѣла въ іюнѣ сравнительно съ январемъ.—Частная благотворительность.—Три періода въ исторіи нынѣшняго голоднаго года: осенній — правительственный, зимній — краснокрестный, весенній — частнообщественный 131

II. **Цынга въ Чистопольскомъ уѣздѣ**.—Послѣдовательный ея ростъ и размѣры.—Принятыя мѣры.—Медицинская помощь, оказанная Краснымъ Крестомъ. 135

III. **Красный Крестъ**.— Заслуги Краснаго Креста въ борьбѣ съ нынѣшнимъ голодомъ.—Недостатокъ людей.—Отношеніе къ частной благотворительности.—Флаги и внѣшніе знаки Краснаго Креста; недоразумѣніе съ мусульманскимъ населеніемъ.—Отношеніе общества къ Красному Кресту.—Канцелярскіе порядки. — Отчетность земскихъ начальниковъ по Красному Кресту.— Бумажный контроль. 141

IV. **Частная благотворительность**.—I. Какое свѣтлое явленіе отмѣтитъ будущій историкъ на темномъ фонѣ нынѣшняго голоднаго года.—Образчики самоотверженной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. 157

V. **Частная благотворительность**. — II. Воспитательное значеніе частной благотворительности.—Впечатлѣніе, произведенное ею на туземное инородческое населеніе; отдѣльные примѣры.—Пасторъ Фрэнсисъ.—Возможность болѣе непосредственнаго соприкосновенія съ нуждою.—Печальныя недоразумѣнія.—Развращаетъ ли даровая помощь?—Какъ помочь этому злу?—Заколдованный кругъ.— Степень нужды и степень обнищанія въ цифровыхъ данныхъ. 164

VI. **Частная благотворительность**.— III. „Голодные“ и „нищіе“.—Отрядъ генерала Попова и его дѣятельность въ дер. Н. Ибрайкиной. 176

Стр.

VII. **Кружокъ князя Шаховского.**—I. Съѣздъ кружка въ Сармановѣ.—Возникновеніе кружка. — Составъ.—Наплывъ пожертвованій.—Районъ дѣятельности.—Дер. Ольгино.—Организація столовыхъ. — Напряженность работы въ первые мѣсяцы 181

VIII. **Кружокъ князя Шаховского.**—II. Отношенія къ Красному Кресту.—Закупка продуктовъ.—Склады пищевыхъ продуктовъ.—Виды помощи, оказанной кружкомъ мѣстному населенію 191

IX. **Кружокъ князя Шаховского.** — III. Заключеніе: князь С. И. Шаховской — организаторъ и руководитель кружка 196

